2.13.
8/13

П. А. Столыпинъ.

801-11
971

РѢЧИ

ВЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ

1906—1911.

ТИПОГРАФІЯ МИН. ВНУТР. ДѢЛ.

8 Іюня 1906 года.

Что касается Щербака, то министръ внутреннихъ дѣлъ мало можетъ прибавить къ тому, что сообщено господиномъ министромъ юстиціи. Въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи введено военное положеніе и, на основаніи 8-й статьи военнаго положенія, всѣ мѣры по огражденію порядка и спокойствія принадлежатъ мѣстному генералъ-губернатору, который можетъ и могъ принять какія либо мѣры по отношенію къ Щербаку. Я съ своей стороны, какъ только получилъ свѣдѣнія о положеніи дѣла въ Сумскомъ уѣздѣ, внесъ это дѣло въ особое совѣщаніе, которое разсмотрѣло его и постановило: въ виду производящагося о немъ судебнаго дѣла и принятія его содержанія подъ стражей, переписку объ охранѣ прекратить. Дѣло его въ порядкѣ охраны прекращено.

На заявленный мнѣ запросъ отъ 12 мая я не могъ ранѣе отвѣтить Государственной Думѣ, такъ какъ считалъ необходимымъ отправить въ нѣкоторые города, гдѣ были безпорядки, особыхъ уполномоченныхъ мною лицъ для провѣрки происшедшаго. Въ настоящее время

страненіи преступныхъ воззваній и прокламацій того же характера, затѣмъ въ бездѣятельности властей департамента, не принявшаго мѣръ пресѣченія противъ преступныхъ дѣяній. При производствѣ по этому дѣлу тщательнаго разслѣдованія оказалось слѣдующее: въ срединѣ декабря 1905 года жандармскій офицеръ Комиссаровъ напечаталъ на отобранной при обыскѣ бостонкѣ воззваніе къ солдатамъ съ описаніемъ извѣстнаго избіенія въ городѣ Туккумѣ полуэскадрона драгунъ, съ призывомъ свято исполнять свой долгъ при столкновеніи съ мятежниками. Это воззваніе было послано въ Вильну въ количествѣ 200—300 экземпляровъ. Кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ другого воззванія къ избирателямъ Государственной Думы. Въ это время его начальству стало извѣстно объ этихъ его дѣяніяхъ, и оно указало ему на всю несовмѣстимость его политической агитаціи съ его служебнымъ положеніемъ и потребовало прекращенія его дѣятельности, внушивъ ему, что оставленіе на службѣ одновременно съ политической дѣятельностью невозможно. Вслѣдствіе этого былъ немедленно уничтоженъ наборъ воззванія къ избирателямъ и была послана телеграмма въ Вильну объ уничтоженіи тѣхъ экземпляровъ воззванія къ солдатамъ, которые не были еще розданы. Затѣмъ, что касается дѣятельности ротмистра Будаговскаго, то надо выяснить, что на почвѣ

участія въ борьбѣ во время декабрьскихъ событій у Будаговскаго въ Александровскѣ установились личныя отношенія къ организаціямъ, которыя именовались „Александровскій союзъ 17 октября“ и „Александровская боевая дружина“, причемъ ротмистръ Будаговскій употреблялъ свое вліяніе на распространеніе этихъ воззваній среди населенія уѣзда. Однако, послѣ 14 декабря новыхъ воззваній противъ революціонеровъ и евреевъ уже не распространялось. Хотя приписываемое ротмистру Будаговскому подстрекательство къ погромамъ юридически за невоспослѣдованіемъ погромовъ ненаказуемо, но, по полученію свѣдѣній о его дѣятельности, онъ былъ вызываемъ въ Петербургъ, ему было внушено о несовмѣстимости его дѣяній со службой въ корпусѣ жандармовъ и категорически было приказано прекратить агитацію.

Что касается нареканій на департаментъ полиціи за то, что имъ не принимались мѣры и что власть бездѣйствовала, то я долженъ сказать, что хотя по рапорту Будаговскаго распоряженія своевременно не было сдѣлано, но такое замедленіе должно объясняться тѣмъ, что этотъ рапортъ поступилъ въ разгаръ московскаго возстанія, между 3—10 декабря, когда завѣдующій департаментомъ полиціи Рачковскій находился въ Москвѣ; когда же онъ вернулся въ Петербургъ, то былъ освобожденъ отъ завѣдыванія политическою частью депар-

тамента. Позднѣе же, какъ было изложено ранѣе, Будаговскій былъ вызванъ въ Петербургъ и, повторяю, ему было сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе. Надо принять во вниманіе также и то, что не только ожидавшійся 13 февраля погромъ въ Александровскѣ не имѣлъ мѣста, но тамъ вообще не произошло никакихъ безпорядковъ. Для полноты картины я долженъ сказать, что когда въ департаментъ достигали слухи о возможныхъ безпорядкахъ, немедленно посылались нужныя телеграммы о ихъ прекращеніи. Нѣкоторыя уясненія неправильныхъ дѣйствій жандармскихъ офицеровъ слѣдуетъ почерпнуть изъ воспоминаній о тѣхъ ужасныхъ событіяхъ, которыя переживала Россія минувшей осенью и зимой, событіяхъ, которыя поселили во многихъ совершенно превратное понятіе о долгѣ передъ родиной. Участіе должностныхъ лицъ на собраніяхъ крайнихъ партій смѣнялось страстною агитаціею противъ началъ, проповѣдуемыхъ этими партіями, причемъ оба эти явленія несовмѣстимы съ сознательнымъ положеніемъ должностныхъ лицъ и должны быть признаны въ равной степени нетерпимыми. Въ частности, относительно ротмистра Будаговскаго надо принять во вниманіе обстановку, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Не имѣя въ распоряженіи своемъ достаточно войска и видя захватъ желѣзнодорожной станціи и земскаго

начальника мятежной толпою, онъ рѣшилъ, опираясь на сочувствующія ему общественныя группы, подавить безпорядки, за что и получилъ Высочайшую награду, а никакъ не за агитацію. Теперь эти дѣйствія ротмистра Будаговскаго, а также послѣдствія дѣйствій администраціи, послужили предметомъ новаго запроса правительства. Я могу отвѣтить на этотъ запросъ только послѣ того, какъ судебное слѣдствіе будетъ опорочено. Мнѣ кажется, что вообще изъ всего вышеизложеннаго видно, что департаментъ полиціи не оборудовалъ преступной типографіи и что послѣдствіями его дѣйствій не могла быть масса убитыхъ людей. Для министра внутреннихъ дѣлъ однако несомнѣнно, что отдѣльные чины корпуса жандармовъ позволяли себѣ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, вмѣшиваться въ политическую агитацію и въ политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти дѣйствія неправильны, и министерство обязывается принимать самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторенія ихъ не будетъ.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествій въ городахъ Вологдѣ, Царицынѣ и Калязинѣ, провѣренныхъ какъ чинами министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и чинами прокурорскаго надзора. Въ первомъ изъ

этихъ городовъ, въ Вологдѣ, толпа сожгла народный домъ, повредила 4 частныхъ дома, разгромила типографію и пыталась разгромить домъ городского головы. При этомъ на мѣстѣ осталось 2 убитыхъ и 28 раненыхъ. Дознаніе выяснило, что безпорядки начались вслѣдствіе насильственнаго закрытія лавокъ группою манифестантовъ, когда въ городъ съѣхалась масса народу для закупокъ припасовъ въ виду двухъ праздниковъ—Николина и Троицына дней. Затѣмъ, при столкновеніи съ толпой, первый выстрѣлъ былъ произведенъ со стороны манифестантовъ. Губернаторъ, прокуроръ и полицеймейстеръ прикрывали собою избиваемыхъ; послѣдній затаптывалъ костры, сложенные изъ кригъ, выброшенныхъ изъ народнаго дома. Трудно даже себѣ представить, чтобы тутъ была обвинена администрація въ устройствѣ и сочувствіи въ учиненіи погрома. Причина была ясна—насильственное закрытіе лавокъ, объектомъ же злобы народа явился народный домъ, который былъ обычнымъ мѣстомъ сборища политическихъ ссыльныхъ, причемъ въ октябрѣ тамъ на митингахъ раздавались рѣчи о вооруженномъ возстаніи, а сцена была украшена надписью „да здравствуетъ республика“, что тогда же вызывало протестъ и безпорядки со стороны простонародья. Такіе же безпорядки повторились по этому же поводу въ декабрѣ. Что началомъ безпорядковъ послужили дѣй-

ствія манифестантовъ, было видно изъ крайне враждебныхъ отзывовъ прессы и изъ показаній всѣхъ опрошенныхъ лицъ. Погромъ не былъ своевременно прекращенъ вслѣдствіе малочисленности полицейскихъ силъ. Всего налицо было 59 человѣкъ, войска же пріѣхали слишкомъ поздно, такъ какъ они были вызваны изъ сосѣдняго города по желѣзной дорогѣ. Нареканія со стороны нѣкоторыхъ лицъ, вызванныя дѣйствіями ротмистра Пышкина, который командовалъ стражниками и который будто бы дѣйствовалъ недостаточно рѣшительно противъ толпы, объясняются тѣмъ, что стражники были только что сформированы и самъ онъ получилъ отъ губернатора приказаніе не стрѣлять. При такомъ положеніи едва ли онъ могъ дѣйствовать болѣе активно. Однако, если бы судебное слѣдствіе, которое ведется по этому дѣлу, показало обратное, то министерство не преминетъ соотвѣтственно распорядиться.

Къ сожалѣнію, обстоятельства происшествія, бывшаго въ Царицынѣ 1 мая, даютъ основательный поводъ къ нареканію на дѣйствія полиціи, причемъ дѣло слѣдствія—выяснить мѣру отвѣтственности каждаго должностнаго лица. Какъ теперь ясно, дѣло происходило приблизительно такимъ образомъ. День 1 мая прошелъ въ Царицынѣ спокойно, были маленькіе безпорядки, которые были своевременно

прекращены. Но къ вечеру, около 7 часовъ, полицеймейстеръ получилъ извѣстіе, что двигается толпа манифестантовъ. Онъ послалъ отрядъ казаковъ, которые разогнали эту толпу, причемъ трое оказались сильно пострадавшими. Толпа эта оказалась толпою ополченцевъ. Немедленно на мѣсто собралась толпа горожанъ, пріѣхалъ полицеймейстеръ, потребовалъ разойтись. На это послѣдовало со стороны толпы насиліе въ видѣ брошенныхъ камней. Затѣмъ раздался залпъ, и въ концѣ концовъ оказалось 8 раненыхъ, изъ которыхъ трое тяжело, и они умерли. Происшествіе это не останется, конечно, безъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій для виновныхъ.

Я не могу признать виновной полицейскую власть въ г. Калязинѣ. Дѣло произошло въ г. Калязинѣ такимъ образомъ. Судебный слѣдователь привлекъ въ качествѣ обвиняемаго нѣкоего Демьянова и заключилъ его подъ стражу. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, явившись къ слѣдователю, потребовала освобожденія его. Слѣдователь, чтобы выиграть время и для того, чтобы прекратить безпорядки, обѣщалъ запросить по телеграфу прокурора о томъ, возможно ли освобожденіе этого лица; до полученія на это отвѣта толпа начала дѣйствовать крайне вызывающе, спрашивала судебнаго слѣдователя, правда или нѣтъ, что Демьяновъ повѣшенъ. Слѣдователь просилъ

толпу прислать отца Демьянова и еще двухъ депутатовъ, чтобы убѣдиться, что Демьяновъ цѣлъ, и самъ пошелъ по направленію къ тюрьмѣ, но толпа потребовала, чтобы ее туда впустили въ количествѣ отъ двухсотъ до трехсотъ человѣкъ. Раздались угрозы по адресу слѣдователя, и онъ едва успѣлъ только бѣгомъ скрыться въ полицейскомъ управленіи; туда укрылся и исправникъ, который тщетно убѣждалъ разойтись другую толпу, которая осталась передъ крыльцомъ судебнаго слѣдователя. Въ это время въ окно полицейскаго управленія были брошены камни; исправникъ распорядился такимъ образомъ: у него было 9 стражниковъ, 5 изъ нихъ онъ поставилъ у оконъ полицейскаго управленія, а съ 4-мя вышелъ на крыльцо довольно высокое, такъ что они стояли выше толпы. На просьбу разойтись, не дѣйствовать насильно и не освобождать насильно человѣка, который заключенъ подъ стражу по обвиненію судебной власти, послышались насмѣшки, а затѣмъ посыпались камни. Тогда полицеймейстеръ приказалъ дать залпъ. Такъ какъ стражники стояли выше толпы, то никто въ толпѣ не былъ поврежденъ этими выстрѣлами. Въ отвѣтъ посыпался градъ камней. Когда былъ данъ вторичный залпъ, то раненъ былъ одинъ человѣкъ, но два стражника, изъ которыхъ одинъ получилъ отъ камней поврежденія ноги, дали тоже выстрѣлы,

въ результатѣ которыхъ оказалось два убитыхъ. Послѣ этого спокойствіе было возстановлено. Дѣйствія исправника въ данномъ случаѣ я не могу признать неправильными.

Кончивъ описаніе событій, бывшихъ послѣ вступленія моего въ должность, я все-таки долженъ сдѣлать оговорку. Запросы Думы, конечно, касаются только такихъ явленій, которыя могутъ вызвать нареканія въ обществѣ. Отвѣчая на нихъ, я не скрывалъ неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ; но мнѣ кажется, что отсюда нельзя и не слѣдуетъ дѣлать выводовъ о томъ, что большинство моихъ подчиненныхъ не слѣдуютъ велѣніямъ долга. Это, въ большинствѣ, люди, свято исполняющіе свой долгъ, любящіе свою родину и умирающіе на посту. Съ октября мѣсяца до 20 апрѣля ихъ было убито 288, а ранено 383, кромѣ того было 156 неудачныхъ покушеній. Я бы могъ на этомъ закончить, но меня еще спрашиваютъ, что я думаю дѣлать въ будущемъ и извѣстно ли мнѣ, что администрація переполняетъ тюрьмы лицами, завѣдомо не виновными. Я не отрицаю, что въ настоящее смутное время могутъ быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовѣстность отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, но скажу, что съ моей стороны сдѣлаю все для ускоренія пересмотра этихъ дѣлъ. Пересмотръ этотъ въ полномъ ходу. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, правительство такъ же, какъ и общество, желаетъ перехода къ нормальному порядку управленія. Тутъ, въ Государственной Думѣ, съ этой самой трибуны раздавались обвиненія правительству въ желаніи насаждать вездѣ военное положеніе, управлять всей страной путемъ исключительныхъ законовъ; такого желанія у правительства нѣтъ, а есть желаніе и обязанность сохранять порядокъ *(шумъ)*. Порядокъ нарушается всѣми средствами, нельзя же, во имя даже склоненія въ свою сторону симпатій, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизаціи . . . *(шумъ)*.

Власть не можетъ считаться цѣлью. Власть—это средство для охраненія жизни, спокойствія и порядка; поэтому, осуждая всемѣрно произволъ и самовластіе, нельзя не считать опаснымъ безвластіе правительства. Не нужно забывать, что бездѣйствіе власти ведетъ къ анархіи, что правительство не есть аппаратъ безсилія и искательства. Правительство—аппаратъ власти, опирающейся на законы, отсюда ясно, что министръ долженъ и будетъ требовать отъ чиновъ министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но твердаго исполненія своего долга и закона. Я предвижу возраженія, что существующіе законы настолько несовершенны, что всякое ихъ при-

мѣненіе можетъ вызвать только ропотъ. Мнѣ рисуется волшебный кругъ, изъ котораго выходъ по моему такой: примѣнять существующіе законы до созданія новыхъ, ограждая всѣми способами и по мѣрѣ силъ права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и постороннихъ; брось ружье. На это честный часовой отвѣтитъ: покуда я на посту, покуда мнѣ не дали новаго ружья, я буду стараться умѣло дѣйствовать старымъ *(шумъ, смѣхъ)*. Въ заключеніе повторяю, обязанность правительства—святая обязанность ограждать спокойствіе и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и всѣ мѣры, принимаемыя въ этомъ направленіи, знаменуютъ не реакцію, а порядокъ, необходимый для развитія самыхъ широкихъ реформъ *(шумъ)*.

Господа, я долженъ дать свое разъясненіе теперь, такъ какъ, къ сожалѣнію, не могу остаться до конца,—я долженъ ѣхать въ Совѣтъ министровъ. Тутъ въ рѣчахъ предыдущихъ ораторовъ предо мною ясно предстали мысли говорившихъ, предо мною всталъ реальный ротмистръ Пышкинъ и Пышкинъ, какъ эмблема. Позвольте мнѣ расчленить его въ своей рѣчи тоже такимъ образомъ. Отвѣчая на тотъ реальный упрекъ въ неправдѣ...

...виноватъ, въ неточности, который мнѣ бросили, я долженъ сказать, что мнѣ извѣстны другія свѣдѣнія о погромѣ, которыя были мнѣ доставлены лицами, спеціально мною посланными. Я долженъ указать на то, что ротмистръ Пышкинъ немного неточенъ въ рѣчи Набокова. Дѣло въ томъ, что стрѣляли, какъ точно установлено, въ народный домъ стражники пѣшіе, а не тѣ, которые были въ распоряженіи ротмистра Пышкина. Дѣло о погромѣ передано слѣдствію, и если судебнымъ слѣдствіемъ будетъ выяснена вина ротмистра Пышкина, то онъ, конечно, будетъ въ отвѣтственности. Что же касается вологодскаго губернатора, тоже какъ реальной величины, то я долженъ сказать, что онъ подалъ въ отставку ранѣе вологодскаго погрома. Затѣмъ, когда я его спрашивалъ по телеграфу о нареканіяхъ, которыя распространяются на администрацію и полицію, онъ отвѣтилъ, что это сплошная ложь—извините за это выраженіе, но эти слова были въ телеграммѣ. Затѣмъ, я выслушалъ реальные вопросы и нареканія отъ г. Винавера. Онъ спрашиваетъ о моемъ мнѣніи относительно моихъ предшественниковъ. Мнѣ кажется, что распространять настолько право запроса не слѣдуетъ. Я не обязанъ отвѣчать на такого рода запросы. Относительно реальнаго факта о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Рачковскомъ, который сидѣлъ

на мѣстѣ вице-директора, я заявляю, что этого мѣста онъ не занимаетъ и ни на какой опредѣленной должности въ департаментѣ полиціи не находится. Перейду къ Пышкину, какъ къ эмблемѣ. Я выслушалъ здѣсь отъ князя Урусова, что мои свѣдѣнія неточны, что я не освѣдомленъ. Я долженъ сказать, что я приложилъ всѣ усилія, чтобы выяснить ту картину, которая была брошена въ насъ, какъ обвиненіе, я имѣлъ показанія лицъ, выяснявшихъ это бывшему предсѣдателю Совѣта министровъ, и документальныя данныя,—на основаніи ихъ только я могу отвѣтить. Я могу показать ихъ лицу, которое пожелаетъ ихъ видѣть. Не знаю, настолько ли документальны данныя князя Урусова, и откуда онъ черпалъ свои свѣдѣнія. Затѣмъ, онъ говоритъ, что если даже министръ внутреннихъ дѣлъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями, онъ лишенъ возможности сдѣлать добро, ему мѣшаютъ какіе-то призраки ротмистра Пышкина въ видѣ эмблемы. Я долженъ сказать, что по приказанію Государя я, вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, получилъ всю полноту власти, и на мнѣ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности. Если бы были призраки, которые бы мѣшали мнѣ, то эти призраки были бы разрушены, но этихъ призраковъ я не знаю. Затѣмъ, меня упрекалъ г. Винаверъ въ томъ, что я слишкомъ узко смотрю на дѣло, но я

вошелъ на эту каѳедру съ чистой совѣстью. Что я зналъ, то и сказалъ и представилъ дѣло такимъ образомъ, что то, что нехорошо, того больше не будетъ... *(шумъ, крики:* а Бѣлостокскій погромъ?!). Одни говорятъ—ты этого не можешь, а другіе—ты этого не хочешь, но то, что я могу и хочу сдѣлать, на то я уже отвѣтилъ въ своей рѣчи. Упрекъ, который мнѣ сдѣлалъ г. Винаверъ, что я узко смотрю на вопросъ, я не совсѣмъ понимаю. Для меня дѣло стоитъ такъ: если я признаю нежелательнымъ извѣстное явленіе, если я признаю, что власть должна идти объ руку съ правомъ, должна подчиняться закону, то явленія неправомѣрныя не могутъ имѣть мѣста. Мнѣ говорятъ, что у меня нѣтъ должнаго правосознанія, что я долженъ измѣнить систему,—я долженъ отвѣтить на это, что это дѣло не мое. Согласно понятію здраваго правосознанія, мнѣ надлежитъ справедливо и твердо охранять порядокъ въ Россіи *(шумъ, свистки)*. Этотъ шумъ мнѣ мѣшаетъ, но меня не смущаетъ и смутить меня не можетъ. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не въ правѣ, измѣнять законовъ я не могу. Законы измѣнять и дѣйствовать въ этомъ направленіи будете вы *(шумъ, крики:* отставка!).

---

12 Іюня 1906 года.

Отвѣчая на запросъ Государственной Думы объ оказаніи помощи голодающимъ и затрагивая въ первый разъ этотъ вопросъ громадной государственной важности, я долженъ отмѣтить, что мы въ настоящемъ году стоимъ передъ необходимостью затратить громадныя средства изъ общегосударственнаго бюджета на помощь жертвамъ неурожая и голода. Въ министерство поступаютъ въ настоящее время послѣднія телеграфныя свѣдѣнія съ мѣстъ о тѣхъ цифрахъ, которыя необходимы для нашихъ соображеній. Въ настоящее время нельзя терять время для закупки сѣмянъ. Надо успѣть запастись ими, перевезти на мѣсто, раздать населенію, сдѣлать это такъ, чтобы не повышать чрезмѣрно цѣнъ, и чтобы сѣмена соотвѣтствовали мѣстнымъ потребностямъ. По этому дѣлу министерство внесетъ въ Государственную Думу проектъ, затрагивающій разрѣшеніе крупнаго, многомилліоннаго расхода на этотъ предметъ. Въ настоящее время я буду чрезвычайно кратокъ, но ужъ изъ сказаннаго видно, что мѣры помощи по неурожаю должны быть обдуманы и онѣ обдумываются своевременно: планъ дѣй-

ствій принимается въ то время, когда наступаетъ первая тревога за посѣвы. Вслѣдствіе сего первый пунктъ запроса, мнѣ предъявленнаго, касается не тѣхъ мѣръ, которыя намѣрено принять правительство, а тѣхъ мѣръ, которыя уже были своевременно приняты правительствомъ въ прошломъ году. Я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ обрисовать картину минувшей кампаніи, которая, кстати сказать, была самой крупной продовольственной кампаніей изъ всѣхъ бывшихъ до настоящаго времени. Бѣдствіе коснулось 24 губерній и 2-хъ областей. На одно обсѣмененіе было отпущено болѣе 3½ милліоновъ. Заготовка сѣмянъ была поручена крестьянскимъ учрежденіямъ. Къ началу августа всѣ сѣмена на мѣстахъ были розданы населенію, посѣвъ былъ своевременно произведенъ и жалобъ на недостачу сѣмянъ не поступало. Всходы были хороши. Вслѣдъ за сѣмянной кампаніей наступила кампанія продовольственная и заготовка яровыхъ сѣмянъ. Обслѣдованіе въ этомъ отношеніи началось съ 27 мая и кончилось въ августѣ мѣсяцѣ. Тогда только представилась возможность опредѣлить приблизительно нужду населенія, обрисовать всю громадность потребности, тѣ десятки милліоновъ, которые отвѣчали нуждамъ голодающаго населенія. Въ этихъ цѣляхъ было созвано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ товарища министра. Въ совѣщаніи приняли уча-

стіе не только должностныя лица, но и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, представители хлѣбныхъ фирмъ, представители биржъ, желѣзныхъ дорогъ, частныхъ обществъ. Былъ установленъ планъ дѣйствій; были приняты слѣдующія мѣры: во-первыхъ, къ закупкѣ продовольственнаго и сѣмяннаго хлѣба и къ выдачѣ его населенію были привлечены крестьянскія учрежденія. Къ организаціи продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ и корма скота были привлечены земскія организаціи. Въ организаціи общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, приняли участіе главное управленіе землеустройства, главное управленіе удѣловъ, земскія учрежденія и общества домовъ трудолюбія и работныхъ домовъ. Къ организаціи благотворительной помощи, т. е. выдачѣ безвозвратнаго пособія, были привлечены общественныя благотворительныя учрежденія, главнымъ образомъ, общеземская организація. Установивъ планъ дѣйствій, министерство приступило къ его выполненію. Закупка продовольственнаго хлѣба началась въ сентябрѣ; кончилась почти во всѣхъ губерніяхъ въ февралѣ, кромѣ сѣверныхъ губерній и Витебской, куда хлѣбъ былъ привезенъ въ концѣ марта, такъ какъ посѣвъ совершается тамъ позже. Хлѣбъ былъ купленъ по цѣнѣ недорогой; не было того нежелательнаго явленія, которое наблюдалось въ 1891 году, когда цѣны на

хлѣбъ поднялись до такой мѣры, что правительство было принуждено запретить вывозъ его заграницу.

Всего изъ общеимперскаго капитала на нужды обсѣмененія и продовольствія истрачено 54.196.717 р. Затѣмъ на организацію по продажѣ хлѣба и кормовъ для скота по заготовительной цѣнѣ министерство отпустило губернаторамъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ 9.162.650 р. Затѣмъ на организацію общественныхъ работъ истрачено было 3.738.622 р. Изъ нихъ отпущено было земскимъ учрежденіямъ 1.910.922 р. и попечительству о домахъ трудолюбія 1.828.000 р. Наконецъ, по благотворительности было отпущено 3.056.000 р., изъ которыхъ—2.000.000 р. на общеземскую организацію и остальная сумма—губернскимъ земскимъ управамъ. Такимъ образомъ, всего въ текущую кампанію изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала было отпущено 73.732.539 р.; но если считать запасъ, хлѣбозапасные магазины, если перевести ихъ на деньги, то истрачено было болѣе 80.000.000 р. Министерство внутреннихъ дѣлъ имѣло, конечно, въ виду всегда обезпечить населеніе до новаго урожая; поэтому въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не предвидѣлось заработка весной, предѣльнымъ срокомъ выдачи ссудъ было опредѣлено 1 іюля. Къ этому времени, особенно въ виду ранней жаркой весны настоящаго года, была уже пред-

положена возможность приступить къ сборамъ новаго урожая. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство и министерство, принявъ всѣ зависящія отъ него мѣры обезпечить продовольствіе населенію, тѣмъ не менѣе, не можетъ не удостовѣрить, что безъ самодѣятельности самого населенія оно не можетъ вполнѣ удовлетворить его потребности, такъ какъ по самому закону размѣръ пайка продовольствія равняется для взрослаго человѣка 1 пуд. въ мѣсяцъ, а для малолѣтняго—20 фунтамъ. Затѣмъ, въ настоящее время въ распоряженіи министерства остается еще 300.000 р. изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала, каковыми деньгами могутъ быть удовлетворены отдѣльныя нужды, вновь появляющіяся въ настоящее время.

Перейду къ вопросу о заболѣваніяхъ. За всю продовольственную кампанію ни отъ мѣстныхъ властей, ни отъ земствъ, ни отъ вольно-экономическаго общества министерство не получало какихъ-либо свѣдѣній о развитіи эпидемическихъ заболѣваній на почвѣ недоѣданія. Затѣмъ министерство, слѣдя за свѣдѣніями, появляющимися въ періодической печати, дѣлало соотвѣтствующія разслѣдованія, но большею частью выяснялось, что свѣдѣнія эти, во многихъ случаяхъ, были преувеличены. Такъ, въ Воронежской губерніи въ февралѣ мѣсяцѣ выяснилось, что случаи брюшного тифа имѣли

характеръ спорадическій. По Рязанской губерніи разъяснилось, что не было никакихъ заболѣваній цынгой. Въ Саратовской губерніи, Хвалынскомъ уѣздѣ, и въ Казанской губерніи, въ Тетюшскомъ и Спасскомъ уѣздахъ, были отдѣльные случаи заболѣванія цынгой между татарами, по большей части безземельными, но это—явленіе, которое повторяется изъ года въ годъ, въ самые даже урожайные, плодородные годы. Надо остановиться еще на Воронежской губерніи; такъ, въ селеніи Конь-Колодецъ обнаружены были случаи сыпного тифа на почвѣ недоѣданія. Мѣры къ прекращенію этой эпидеміи были приняты. Туда былъ направленъ отрядъ Краснаго Креста съ врачемъ, сестры милосердія, предсѣдатель губернской земской управы и врачебный инспекторъ. Была усилена дѣятельность столовыхъ, было послано еще 9,000 пудовъ хлѣба, затѣмъ, еще 3,000 пудовъ на усиленіе дѣятельности этихъ столовыхъ.

Остановлюсь теперь на вопросѣ о лишеніи продовольствія и обсѣмененія полей тѣхъ крестьянъ, которые участвовали въ аграрныхъ безпорядкахъ. Тутъ дѣло идетъ о циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 11 ноября минувшаго года, который былъ вызванъ тѣмъ явленіемъ, что мѣстными крестьянами кое-гдѣ были разрушены и разграблены мѣстные продовольственные магазины, а также запасы хлѣба, купленные правительствомъ для удовле-

творенія мѣстной нужды. Вслѣдъ за этимъ нѣкоторые губернаторы обратились къ министру съ вопросомъ о томъ, надлежитъ ли распространять это на семьи лицъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ. Тогда же было сдѣлано разъясненіе, что это распоряженіе семей касаться не можетъ. Такимъ образомъ и своевременно, и въ настоящее время семьи лицъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ, конечно, не могли быть лишены ни ссуды продовольственной, ни ссуды на обсѣмененіе.

Въ заключеніе я долженъ дать объясненіе по послѣдней части запроса о томъ, намѣренъ ли министръ внутреннихъ дѣлъ допускать и впредь примѣненіе административныхъ исключительныхъ законовъ и полномочій по отношенію къ тѣмъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя приходятъ на помощь населенію, и ставить имъ препятствія, не взирая на нужды населенія. Мнѣ кажется, тутъ кроется нѣкоторое недоразумѣніе. Насколько я могъ разобраться въ дѣлахъ министерства, нѣкоторыя препятствія встрѣтили тѣ лица, которыя, помимо благотворительной дѣятельности, были уличены въ дѣятельности другого рода. Такъ, въ Казанской губерніи нѣкоторыя препятствія встрѣтили столовыя, организаторы которыхъ были арестованы и привлечены къ судебной отвѣтственности. Немедленно послѣ привлеченія къ судебной отвѣтственности, вмѣсто закрытыхъ

столовыхъ, были открыты новыя столовыя членами того же кружка, которымъ это запрещено не было, а также были открыты столовыя губернской земской управы. Относительно Елизаветинскаго уѣзда Херсонской губерніи: тамъ мѣстный генералъ-губернаторъ, дѣйствительно, отклонилъ предложеніе Пироговскаго общества врачей послать врачебно-продовольственный отрядъ, но вызвано это было тѣмъ, что медицинской помощи на мѣстѣ было, по его мнѣнію, достаточно; тамъ и впослѣдствіи эпидемическихъ заболѣваній не было. Что же касается Нижегородской, Пензенской и Тульской губерній, то тамъ случаевъ закрытія столовыхъ московскаго комитета помощи голодающимъ и вольно-экономическаго общества, арестовъ и высылокъ уполномоченныхъ не было. Встрѣтилъ нѣкоторыя препятствія графъ Толстой въ Пензенской губерніи, но путемъ телеграфныхъ сношеній препятствія были устранены. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ послѣднее время встрѣтили препятствія тоже члены вольно-экономическаго общества, но опять таки въ виду того, что нѣкоторыя изъ лицъ, занимавшихся открытіемъ столовыхъ, были привлечены къ отвѣтственности, на основаніи 1035 статьи уложенія. Затѣмъ въ Витебской губерніи былъ случай, когда нѣкій М. Н. фонъ-Ренненкампфъ, членъ вольно-экономическаго общества, обратился въ губернское присутствіе и тамъ ему были даны

всѣ свѣдѣнія, которыхъ онъ требовалъ относительно частичнаго недорода. Онъ выѣхалъ на мѣсто и приступилъ къ устройству столовыхъ; оттуда онъ выѣхалъ за недостаткомъ средствъ на поддержаніе столовыхъ.

На будущее время я долженъ сказать, что ни мѣстныя организаціи, ни вообще частные люди не только не будутъ встрѣчать какихъ-либо препятствій со стороны мѣстной власти, но найдутъ всегда полное сочувствіе въ этомъ дѣлѣ крайней необходимости. Мнѣ кажется, насколько нелѣпо было бы ставить препятствія частнымъ лицамъ въ области помощи голодающимъ, настолько преступно было бы бездѣйствіе власти по отношенію къ лицамъ, прикрывающимся благотворительностью въ цѣляхъ противозаконныхъ. Затѣмъ, если Государственной Думѣ, до изданія законопроекта объ ассигнованіи средствъ на помощь и обсѣмененіе въ нынѣшнемъ году, желательно выслушать дополнительныя объясненія, то ихъ могутъ дать лица, ближайшимъ образомъ вѣдающія этимъ дѣломъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и присутствующія здѣсь въ залѣ.

Я вхожу на эту трибуну не для того, чтобы отвѣтить на тѣ рѣчи, которыя выслушалъ здѣсь. Я внесу только маленькую поправку. Одинъ изъ ораторовъ, рѣчь котораго я слу-

шалъ съ большимъ интересомъ, сказалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ о томъ, что весь планъ всѣхъ дѣйствій и данныя по предстоящему бѣдствію уже разработаны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я же сказалъ, что всѣ числовыя свѣдѣнія съ мѣстъ, всѣ цифры, которыя понадобятся, нами собираются и будутъ скоро собраны; затѣмъ я указалъ на то, что вопросъ о томъ, какая намъ предстоитъ кампанія и сколько потребуется на нее милліоновъ, будетъ внесенъ въ одно изъ ближайшихъ засѣданій Думы. Рѣчь князя Львова глубоко меня заинтересовала,—она относится къ тому времени, когда продовольственная кампанія прошла благополучно. Теперь, конечно, всѣ мысли министерства внутреннихъ дѣлъ обращены къ тому, чтобы нынѣшнюю кампанію провести насколько возможно благополучнѣе, т. е., чтобы голодные были насыщены, поля обсѣменены и чтобы къ этому дѣлу привлечь всѣ живыя общественныя силы на мѣстахъ, которыя этому дѣлу могутъ помочь. Затѣмъ, что касается нападокъ на тѣ препятствія, которыя встрѣчали лица, работавшія въ нынѣшнемъ году, то я долженъ напомнить, что мы переживали такое время погромовъ, страховъ... (*шумъ*), что и наличность препятствій можетъ быть легко понята. Затѣмъ скажу еще относительно тѣхъ лицъ, которыя, входя на эту трибуну слѣва, заявляли, что они

не обладаютъ ни самомнѣніемъ, ни самообольщеніемъ; я скажу на ихъ клеветы, на ихъ угрозы, на ихъ... (*шумъ, крики:* довольно!) на ихъ угрозу захвата исполнительной власти (*шумъ, крики:* довольно!), что министръ внутреннихъ дѣлъ, носитель законной власти имъ отвѣчать не будетъ... (*шумъ, крики:* довольно! Бѣлостокъ! Погромщикъ! Довольно! Долой).

---

22 Іюня 1906 года.

Одинъ изъ членовъ Государственной Думы обратился ко мнѣ съ вопросомъ о томъ, могу ли я дать немедленное объясненіе по нареканію, которое только что было высказано въ Государственной Думѣ. Я долженъ сказать, что по этому поводу вчера вечеромъ я получилъ по телефону сообщеніе отъ петербургскаго градоначальника. Онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ печальномъ фактѣ и мною, конечно, были сейчасъ же приняты мѣры для того, чтобы этотъ фактъ былъ разслѣдованъ, для того, чтобы онъ былъ для меня вполнѣ ясенъ. Затѣмъ сегодня, въ представленной мнѣ суточной вѣдомости о происшествіяхъ, онъ подробнѣе нѣсколько описанъ. Но мнѣ кажется несомнѣнно, что министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ давать разъясненія и вступать въ объясненія съ Государственной Думой только послѣ того, какъ онъ будетъ вооруженъ совершенно безпристрастными фактами, какъ событія получили въ его головѣ полную ясность и сложились изъ опредѣленныхъ слагаемыхъ. Только тогда онъ будетъ въ состояніи объяснить Государственной Думѣ то, какимъ ему это событіе

представляется. Въ настоящее время я могу только удостовѣрить, что лицо, стоящее во главѣ управленія внутреннихъ дѣлъ, которому подчинена полиція, несомнѣнно, приметъ всѣ мѣры къ тому, что если окажется, что дѣйствіе было преступное и незаконное, послѣдствіемъ этого было бы взысканіе, какъ это и должно быть по закону.

Думаю, что Государственная Дума не будетъ отъ меня теперь требовать болѣе подробнаго объясненія, такъ какъ, несомнѣнно, что та версія, въ которой мнѣ было представлено дѣло, нѣсколько расходится съ той версіей, которая была представлена здѣсь. Такимъ образомъ, всякія объясненія съ моей стороны были бы по необходимости теперь неполными, вслѣдствіе невыясненности еще событія, вызвали бы только страстность преній, разожгли бы еще болѣе страсти, тогда какъ въ этомъ дѣлѣ нужно спокойствіе, необходимо проявить власть законную.... *(шумъ и крики)* а не дѣйствовать подъ вліяніемъ страстей.

---

6 Марта 1907 года.

Передъ началомъ совмѣстной съ Государственной Думой дѣятельности, я считаю необходимымъ съ возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранію общую картину законодательныхъ предположеній, которыя министерство рѣшило представить его высокому вниманію.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію существа отдѣльныхъ законопроектовъ, прежде чѣмъ попытаться освѣтить руководящую идею правительства, я не могу не остановить вниманія Государственной Думы на положеніи, которое займетъ правительство по отношенію къ вносимымъ имъ законопроектамъ. Я разумѣю существо и порядокъ ихъ защиты.

Въ странахъ съ установившимся правительственнымъ строемъ отдѣльные законопроекты являются въ общемъ укладѣ законодательства естественнымъ отраженіемъ новой назрѣвшей потребности и находятъ себѣ готовое мѣсто въ общей системѣ государственнаго распорядка. Въ этомъ случаѣ законъ, прошедшій всѣ стадіи естественнаго созрѣванія,

является настолько усвоеннымъ общественнымъ самосознаніемъ, всѣ его частности настолько понятны народу, что разсмотрѣніе, принятіе или отклоненіе его является дѣломъ не столь сложнымъ и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, въ странѣ, находящейся въ періодѣ перестройки, а слѣдовательно и броженія.

Тутъ не только каждый законопроектъ, но каждая отдѣльная его черта, каждая особенность можетъ чувствительно отозваться на благѣ страны, на характерѣ будущаго законодательства. При множествѣ новизны, вносимой въ жизнь народа, необходимо связать всѣ отдѣльныя правительственныя предположенія одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее въ основаніе всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется въ томъ или другомъ законопроектѣ. Затѣмъ слѣдуетъ войти въ оцѣнку той мысли, которая противополагается мысли законопроекта, и добросовѣстно рѣшить, совмѣстима ли она, по мнѣнію правительства, съ благомъ государства, съ его укрѣпленіемъ и возвеличеніемъ и потому пріемлема-ли она. Въ дальнѣйшей же выработкѣ самихъ законовъ нельзя стоять на опредѣленномъ построеніи, необходимо учитывать всѣ интересы, вносить всѣ измѣненія, требуемыя жизнью, и, если нужно, подвергать законо-

проекты переработкѣ, согласно выяснившейся жизненной правдѣ.

Въ основу всѣхъ тѣхъ правительственныхъ законопроектовъ, которые министерство вноситъ нынѣ въ Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будетъ проводить и во всей своей послѣдующей дѣятельности. Мысль эта—создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ, пока писанный законъ не опредѣлитъ обязанностей и не оградитъ правъ отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, права эти и обязанности будутъ находиться въ зависимости отъ толкованія и воли отдѣльныхъ лицъ, т. е. не будутъ прочно установлены.

Правовыя нормы должны покоиться на точномъ, ясно выраженномъ законѣ еще и потому, что иначе жизнь будетъ постоянно порождать столкновенія между новыми основаніями общественности и государственности, получившими одобреніе Монарха, и старыми установленіями и законами, находящимися съ ними въ противорѣчіи или не обнимающими новыхъ требованій законодателя, а также произвольнымъ пониманіемъ новыхъ началъ со стороны частныхъ и должностныхъ лицъ.

Вотъ почему правительство главнѣйшею своею обязанностью почло представить на уваженіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта цѣлый рядъ законопроектовъ, устанавливающихъ твердые устои на новоскладывающейся государственной жизни Россіи.

Но, прежде чѣмъ перейти къ выработаннымъ законопроектамъ, я долженъ упомянуть о тѣхъ законахъ, которые, въ виду ихъ чрезвычайной важности и спѣшности, были проведены въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ и подлежатъ также разсмотрѣнію Государственной Думы и Совѣта.

Не останавливаясь на законахъ, ведущихъ къ равноправію отдѣльныхъ слоевъ населенія и свободѣ вѣроисповѣданія, срочность осуществленія которыхъ не нуждается въ разъясненіи, считаю долгомъ остановиться на проведенныхъ, въ порядкѣ чрезвычайномъ, законахъ объ устройствѣ быта крестьянъ.

Настоятельность принятія въ этомъ направленіи самыхъ энергичныхъ мѣръ настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнѣнію. Невозможность отсрочки въ выполненіи неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьбъ крестьянъ, изнемогающихъ отъ земельной неурядицы, ставили передъ правительствомъ обязательство не медлить съ мѣрами, могущими предупредить совершенное разстройство самой многочисленной

части населенія Россіи. Къ тому же на правительствѣ, рѣшившемъ не допускать даже попытокъ крестьянскихъ насилій и безпорядковъ, лежало нравственное обязательство указать крестьянамъ и законный выходъ въ ихъ нуждѣ.

Въ этихъ видахъ изданы были законы о предоставленіи крестьянамъ земель государственныхъ, а Государь повелѣлъ передать на тотъ же предметъ земли удѣльныя и кабинетскія на началахъ, обезпечивающихъ крестьянское благосостояніе. Для облегченія же свободнаго пріобрѣтенія земель частныхъ и улучшенія надѣловъ, измѣненъ уставъ Крестьянскаго Банка въ смыслѣ согласованія съ существующимъ уже въ законѣ, но остававшимся мертвою буквою, разрѣшеніемъ залога надѣльныхъ земель въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, причемъ приняты всѣ мѣры въ смыслѣ сохраненія за крестьянами ихъ земель. Наконецъ, въ цѣляхъ достиженія возможности выхода крестьянъ изъ общины, изданъ законъ, облегчающій переходъ къ подворному и хуторскому владѣнію, причемъ устранено всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ, и отмѣняется лишь насильственное прикрѣпленіе крестьянина къ общинѣ, уничтожается закрѣпощеніе личности, несовмѣстимое съ понятіемъ о свободѣ человѣка и человѣческаго труда.

Всѣ эти законы вносятся на усмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Но, наряду съ неотложными, уже вошедшими временно въ дѣйствіе, законами, правительство изготовило въ области внутренняго управленія еще цѣлый рядъ законопроектовъ, также вносимыхъ въ Государственную Думу въ нынѣшнюю сессію.

Ранѣе всего правительство почло своимъ долгомъ выработать законодательныя нормы для тѣхъ основъ права, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, которыя еще закономъ не установлены.

Тогда какъ свобода слова, собраній печати, союзовъ опредѣлены временными правилами, свобода совѣсти, неприкосновенность личности, жилищъ, тайна корреспонденціи остались не нормированы нашимъ законодательствомъ. Вслѣдствіе сего, въ цѣляхъ выполненія задачи проведенія въ жизнь началъ вѣротерпимости, правительство вмѣнило себѣ прежде всего въ обязанность подвергнуть пересмотру все дѣйствующее отечественное законодательство и выяснить тѣ измѣненія, которымъ оно должно подлежать въ цѣляхъ согласованія съ указами 17 апрѣля и 17 октября 1905 года.

Но ранѣе этого правительство должно было остановиться на своихъ отношеніяхъ къ Православной Церкви и твердо установить, что многовѣковая связь Русскаго Государства съ Христіанскою Церковью обязываетъ его положить въ основу всѣхъ законовъ о свободѣ

совѣсти начала Государства Христіанскаго, въ которомъ Православная Церковь, какъ господствующая, пользуется данью особаго уваженія и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тѣмъ самымъ призвана оберегать полную свободу ея внутренняго управленія и устройства и идти навстрѣчу всѣмъ ея начинаніямъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ общими законами государства. Государство же и въ предѣлахъ новыхъ положеній не можетъ отойти отъ завѣтовъ исторіи, напоминающей намъ, что во всѣ времена и во всѣхъ дѣлахъ своихъ русскій народъ одушевляется именемъ Православія, съ которымъ неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ права и преимущества Православной Церкви не могутъ и не должны нарушать правъ другихъ исповѣданій и вѣроученій. Поэтому, съ цѣлью проведенія въ жизнь Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, министерство вноситъ въ Государственную Думу и Совѣтъ рядъ законопроектовъ, опредѣляющихъ переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, безпрепятственное богомоленіе, сооруженіе молитвенныхъ зданій, образованіе религіозныхъ общинъ, отмѣну связанныхъ исключительно съ исповѣданіемъ ограниченій и т. п.

Переходя къ неприкосновенности личности, Государственная Дума найдетъ въ проектѣ министерства обычное для всѣхъ правовыхъ государствъ обезпеченіе ея, причемъ личное задержаніе, обыскъ, вскрытіе корреспонденціи обусловливаются постановленіемъ соотвѣтственной судебной инстанціи, на которую возлагается и провѣрка въ теченіе сутокъ основаній законности ареста, послѣдовавшаго по распоряженію полиціи.

Отклоненіе отъ этихъ началъ признано допустимымъ лишь при введеніи, во время войны или народныхъ волненій, исключительнаго положенія, которое предполагается одно вмѣсто трехъ, нынѣ существующихъ, причемъ административную высылку въ опредѣленныя мѣста предположено совершенно упразднить.

Кромѣ этихъ законопроектовъ общаго характера, устанавливающихъ обязанности и права подданныхъ Россійской Державы, правительство выработало рядъ законопроектовъ, перестраивающихъ мѣстную жизнь на новыхъ началахъ. Такъ какъ мѣстная жизнь охватывается областью самоуправленія земскаго и городского, областью управленія (администрація) и полицейскими мѣропріятіями, то и проекты министерства касаются именно этихъ отраслей нашего законодательства. Какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ дѣятельность административная, полицейская и земская течетъ по тремъ па-

раллельнымъ русламъ, но чѣмъ ближе къ населенію, тѣмъ жизнь упрощается, и тѣмъ необходимѣе остановиться на ячейкѣ, въ которой населеніе могло бы найти удовлетвореніе своихъ простѣйшихъ нуждъ. Такимъ установленіемъ по проекту министерства должна явиться безсословная, самоуправляющаяся волость, въ качествѣ мелкой земской единицы. Полицейскія ея обязанности должны ограничиться простѣйшими обязанностями мѣстной общественной полиціи, а административныя предполагается свести къ дѣламъ, касающимся воинской повинности, веденію посемейныхъ списковъ, нѣкоторымъ податнымъ дѣйствіямъ и т. п. Въ вѣдѣніе волости должны входить всѣ земли, имущества и лица, находящіяся въ ея предѣлахъ. Волость будетъ самою мелкою административно-общественною единицею, съ которою будутъ имѣть дѣло частныя лица, но при этомъ лица, владѣющія землею совмѣстно, міромъ, т. е. главнымъ образомъ владѣльцы надѣльной земли, образуютъ изъ себя, исключительно для рѣшенія своихъ земельныхъ дѣлъ, особыя земельныя общества, сохраняющія нѣкоторыя преимущества, а именно неотчуждаемость надѣльныхъ земель и примѣненіе къ наслѣдованію ими мѣстныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ земельнымъ обществамъ не будетъ присвоено никакихъ административныхъ обязанностей, создаются они для совмѣстнаго вѣ-

дѣнія бывшими надѣльными землями, причемъ предполагаются мѣры противъ чрезмѣрнаго сосредоточенія этихъ земель въ однѣхъ рукахъ и противъ чрезмѣрнаго дробленія ихъ, а равно къ упроченію совершенія на нихъ актовъ.

Для удовлетворенія же простѣйшихъ потребностей села, вытекающихъ изъ совмѣстнаго проживанія, предположено ввести въ селахъ крупныхъ, а также такихъ, въ которыхъ проживаютъ постороннія крестьянамъ лица, особыя поселковыя управленія, съ участіемъ помянутыхъ постороннихъ лицъ и въ управленіи, и въ обложеніи.

Всѣ сказанныя организаціи получили свое выраженіе во вносимыхъ въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ проектахъ земельныхъ обществъ, поселковаго и волостного управленія.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управленія осложняются, и въ соотвѣтствіи съ этимъ министерство должно было заняться реформою самоуправленія земскаго и городского, реформою управленія губернскаго, уѣзднаго и участковаго и реформою полицейскою.

Въ области самоуправленія министерство коснулось трехъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, общихъ вопросовъ: вопроса земскаго и городского представительства, вопроса объ его компетенціи и вопроса объ отношеніи къ само-

управленію со стороны администраціи. Одновременно министерство приступило къ существенному и необходимому труду пересоставленія всѣхъ уставовъ, точно устанавливающихъ обязанности земства и администраціи. Въ настоящее врямя Министерство вноситъ въ Государственную Думу уставъ общественнаго призрѣнія, уставъ о гужевыхъ земскихъ дорогахъ и временный законъ о передачѣ продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Составляются уставы врачебный и строительный,

Возвращаясь къ общимъ вопросамъ, выдвинутымъ въ области самоуправленія, укажу на то, что вносимый въ Думу проектъ о земскомъ представительствѣ строитъ его на принципѣ налоговаго ценза, расширяя этимъ путемъ кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ земской жизни, но обезпечивая одновременно участіе въ ней культурнаго класса землевладѣльцевъ, компетенція же органовъ самоуправленія увеличивается передачею имъ цѣлаго ряда новыхъ обязанностей, а отношеніе къ нимъ администраціи заключается въ надзорѣ за законностью ихъ дѣйствій.

Самоуправленіе на тѣхъ же общихъ основахъ съ нѣкоторыми, вызванными мѣстными особенностями, измѣненіями предполагается ввести въ Прибалтійскомъ, Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, за выдѣленіемъ въ особую

административную единицу мѣстностей, въ которыхъ сосредоточивается изстари чисто русское населеніе, имѣющее свои спеціальные интересы.

Что касается административныхъ органовъ, то министерство вноситъ въ Думу проекты законовъ о губернскомъ управленіи, объ уѣздномъ управленіи и объ участковыхъ комиссарахъ.

Въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи получаетъ осуществленіе принципъ возможнаго объединенія всѣхъ гражданскихъ властей, всѣхъ отдѣльныхъ многочисленныхъ нынѣ присутствій и главнымъ образомъ осуществленіе начала административнаго суда. Такимъ путемъ всѣ жалобы на постановленія административныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій будутъ, согласно проекту, разсматриваться смѣшанною административно-судною коллегіею съ соблюденіемъ формъ состязательнаго процесса. Во главѣ уѣзда предполагается поставить начальника уѣзднаго управленія, который и объединялъ бы гражданскія власти уѣзда. Въ предѣлахъ уѣзда въ качествѣ агентовъ администраціи предположены участковые комиссары. Земскіе начальники упраздняются. Полицію предполагается преобразовать въ смыслѣ объединенія полиціи жандармской и общей, причемъ съ жандармскихъ чиновъ будутъ сняты обязанности по производству

политическихъ дознаній, которыя будутъ переданы власти слѣдственной. Новымъ въ области полицейской будетъ предлагаемый вниманію Государственной Думы уставъ полицейскій, который долженъ замѣнить устарѣлый уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и точно установить сферу дѣйствій полицейской власти.

Въ строгой связи съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія стоитъ и преобразованіе суда. Съ отмѣною учрежденія земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ необходимо создать мѣстный судъ, доступный, дешевый, скорый и близкій къ населенію. Министерство юстиціи представляетъ по этимъ соображеніямъ въ Государственную Думу проектъ преобразованія мѣстнаго суда съ сосредоточеніемъ судебной власти по дѣламъ мѣстной юстиціи въ рукахъ избираемыхъ населеніемъ изъ своей среды мировыхъ судей, къ компетенціи которыхъ будетъ отнесена значительная часть дѣлъ, подчиненныхъ нынѣ юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, связь съ которыми будетъ поддерживаться образованіемъ для нихъ аппеляціонной инстанціи, въ видѣ уѣздныхъ отдѣленій окружнаго суда съ кассаціонной инстанціею въ лицѣ Правительствующаго Сената.

Далѣе, въ цѣляхъ обезпеченія въ государствѣ законности и укрѣпленія въ населеніи сознанія святости и ненарушимости закона,

министерство юстиціи вноситъ въ Государственую Думу проектъ о гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ, дѣйствительно обезпечивающей примѣненіе начала уголовной и имущественной отвѣтственности служащихъ за ихъ проступки и охраняющей вмѣстѣ съ тѣмъ спокойное и увѣренное отправленіе ими службы и ограждающей ихъ отъ обвиненій явно неосновательныхъ. Дѣянія эти предположено поэтому подчинить общимъ процессуальнымъ постановленіямъ, устранивъ всѣ тѣ въ указанномъ отношеніи отступленія отъ общаго порядка, которыя не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектахъ объ увеличеніи содержанія должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства и усиленіи дѣйствующихъ штатовъ, не могу не обратить вниманія Государственной Думы на законопроекты въ области уголовнаго права и процесса, устанавливающіе цѣлый рядъ мѣръ, которыя, за сохраненіемъ незыблемыми основныхъ началъ судебныхъ уставовъ Александра II, оправдываются указаніями практики, или же отвѣчаютъ нѣкоторымъ, получившимъ за послѣднее время преобладаніе въ наукѣ и уже принятымъ законодательствами многихъ государствъ Европы воззрѣніямъ. Такъ, предполагается допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, введеніе состязательнаго начала въ обрядѣ преданія суду, установленіе институтовъ условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія и т. п. На ряду съ этимъ предположено введеніе въ полномъ объемѣ новаго уголовнаго уложенія, по согласованіи его со всѣми изданными за послѣднее время законоположеніями.

Вносится также цѣлый рядъ законопроектовъ въ области гражданскаго законодательства, проектъ охранительнаго судопроизводства и, на ряду со многими имѣющими меньшее значеніе законопроектами, проекты вотчиннаго устава и дополнительныхъ къ нему узаконеній, направленныхъ къ установленію у насъ ипотечной системы, въ цѣляхъ внесенія въ область земельныхъ правоотношеній надлежащей гласности, опредѣленности и твердости.

Область эта находится въ тѣсной связи съ дѣломъ землеустройства, составляющаго предметъ вѣдѣнія другого вѣдомства—главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Названное вѣдомство стоитъ передъ задачею громаднаго значенія. Оно призвано, главнымъ образомъ, содѣйствовать экономическому возрожденію крестьянства, которое ко времени окончательнаго освобожденія отъ обособленнаго положенія въ государствѣ выступаетъ на арену общей борьбы за существованіе, экономически слабымъ, неспособнымъ, путемъ занятія своимъ исконнымъ земледѣльческимъ промысломъ, обезпечить себѣ безбѣдное существованіе.

Поэтому главное управленіе поставило себѣ цѣлью увеличеніе площади землевладѣнія крестьянъ и упорядоченіе этого землевладѣнія, т. е. землеустройство.

Среди мѣръ первой категоріи главное управленіе придаетъ особое значеніе обезпеченію земельнаго быта тѣхъ обществъ, которыя, получивъ дарственные надѣлы, не имѣли возможности до настоящаго времени обезпечить себя землею путемъ покупки. Соотвѣтственный законопроектъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу.

Способъ устраненія остраго малоземелія главное управленіе видитъ въ льготной, соотвѣтствующей цѣнности покупаемаго и платежнымъ способностямъ пріобрѣтателя, продажѣ земель земледѣльцамъ. Для этой цѣли въ распоряженіи правительства имѣется, согласно указа 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятинъ и купленныя съ 3 ноября 1905 г. крестьянскимъ банкомъ свыше 2 мил. десятинъ. Но для успѣха дѣла увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія надлежитъ связать съ улучшеніемъ формъ землепользованія, для чего необходимы мѣры поощренія и главнымъ образомъ кредитъ. Главное управленіе намѣрено идти въ этомъ дѣлѣ путемъ широкаго развитія и организаціи кредита земельнаго, мелиоративнаго и переселенческаго.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положеніе имѣетъ цѣлью устраненіе неудобствъ, сопряженныхъ съ внутри-надѣльнымъ расположеніемъ участковъ отдѣльныхъ селеній и домохозяевъ, облегченіе разверстанія черезполосицы, облегченіе выдѣленія домохозяевамъ отрубныхъ участковъ, упрощеніе способовъ отграничительныхъ межеваній и принудительное разверстаніе черезполосныхъ владѣній, при условіи признанія этой черезполосности вредною.

Спѣшное осуществленіе аграрныхъ мѣропріятій находится въ зависимости отъ дѣятельности мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, необходимость переустройства которыхъ сознается главнымъ управленіемъ, составившимъ проектъ, имѣющій цѣлью: 1) тѣснѣе связать эти комиссіи съ мѣстнымъ населеніемъ путемъ усиленія въ нихъ выборнаго начала и 2) придать имъ рабочія силы для проектированія и осуществленія землеустроительныхъ плановъ.

Хотя преобладающимъ по численности населеніемъ у насъ является населеніе сельское, но правительство считаетъ настоятельно необходимымъ принять въ законодательномъ порядкѣ рядъ мѣръ и по отношенію къ рабочимъ.

Въ основу предполагаемой реформы положены признаніе безусловной необходимости положительнаго и широкаго содѣйствія госу-

дарственной власти благосостоянію рабочихъ и стремленіе къ исправленію недостатковъ въ ихъ положеніи.

Разсматривая рабочее движеніе, какъ естественное стремленіе рабочихъ къ улучшенію своего положенія, реформа должна предоставить этому движенію естественный выходъ, съ устраненіемъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ искусственному его поощренію, а также къ стѣсненію этого движенія, поскольку оно не угрожаетъ общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочаго законодательства должна быть проведена въ двоякаго рода направленіи: въ сторону оказанія рабочимъ положительной помощи и въ направленіи ограниченія административнаго вмѣшательства въ отношенія промышленниковъ и рабочихъ, при предоставленіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ, необходимой свободы дѣйствій черезъ посредство профессіональныхъ организацій и путемъ ненаказуемости экономическихъ стачекъ.

Главнѣйшей задачей въ области оказанія рабочимъ положительной помощи является государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, осуществляемое путемъ страхованія ихъ, въ случаяхъ болѣзни, увѣчій, инвалидности и старости. Въ связи съ этимъ намѣчена организація врачебной помощи рабочимъ.

Въ цѣляхъ охраненія жизни и здоровья подростающаго рабочаго поколѣнія, установленныя нынѣ нормы труда малолѣтнихъ рабочихъ и подростковъ должны быть пересмотрѣны съ воспрещеніемъ имъ, какъ и женщинамъ, производства ночныхъ и подземныхъ работъ. Въ связи съ этимъ установленную закономъ 2 Іюня 1897 года продолжительность труда взрослыхъ рабочихъ предполагается понизить.

Независимо отъ цѣлаго ряда менѣе важныхъ преобразованій въ области рабочаго законодательства, министерство торговли и промышленности полагаетъ внести на обсужденіе Государственной Думы вопросъ о защитѣ интересовъ русской торговли и промышленности на Дальнемъ Востокѣ путемъ закрытія тамъ портофранко, установленнаго вслѣдствіе военныхъ дѣйствій Высочайшимъ указомъ отъ 1 мая 1904 года.

Въ числѣ многочисленныхъ проектовъ, вносимыхъ въ Государственную Думу министерствомъ путей сообщенія, я считаю долгомъ обратить вниманіе на настоятельную необходимость тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ цѣлью развитіе и улучшеніе нашей рельсовой сѣти, разросшейся за послѣднее десятилѣтіе съ 35.300 верстъ до 61.725 верстъ. Изъ предполагаемыхъ же къ постройкѣ новыхъ дорогъ я считаю долгомъ указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести отъ одной

изъ конечныхъ станцій Забайкальской желѣзной дороги до Хабаровска для созданія непрерывнаго, пролегающаго по русской территоріи, рельсоваго пути, соединяющаго Европейскую Россію съ дальневосточными окраинами. Этого требуютъ жизненные интересы Россіи.

Кромѣ этого вниманію Государственной Думы будетъ предложенъ цѣлый рядъ проектовъ о работахъ по развитію и улучшенію внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, а также срочные, имѣющіе большую важность, проекты, касающіеся правовыхъ отношеній, какъ, напримѣръ, законъ о судоходствѣ и сплавѣ и новый законъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ для нуждъ государственныхъ и общественныхъ.

Сознавая необходимость приложенія величайшихъ усилій для поднятія экономическаго благосостоянія населенія, правительство ясно отдаетъ себѣ отчетъ, что усилія эти будутъ безплодны, пока просвѣщеніе народныхъ массъ не будетъ поставлено на должную высоту и не будутъ устранены тѣ явленія, которыми постоянно нарушается правильное теченіе школьной жизни въ послѣдніе годы, явленія, свидѣтельствующія о томъ, что безъ коренной реформы наши учебныя заведенія могутъ дойти до состоянія полнаго разложенія. Школьная реформа на всѣхъ ступеняхъ образованія строится министерствомъ народнаго про-

свѣщенія на началахъ непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но съ законченнымъ кругомъ знаній на каждой изъ школьныхъ ступеней. Особыя заботы министерства народнаго просвѣщенія будутъ направлены къ подготовкѣ преподавателей для всѣхъ ступеней школы и къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія.

Затѣмъ: 1) ближайшей своей задачей министерство народнаго просвѣщенія ставитъ установленіе совмѣстными усиліями правительства и общества общедоступности, а впослѣдствіи и обязательности, начальнаго образованія для всего населенія Имперіи.

2) Въ области средней школы министерство будетъ озабочено созданіемъ разнообразныхъ типовъ учебныхъ заведеній, съ широкимъ развитіемъ профессіональныхъ знаній, но съ обязательнымъ для всѣхъ типовъ минимумомъ общаго образованія, требуемаго государствомъ.

3) Въ реформѣ высшей школы министерство ставитъ себѣ задачей укрѣпленіе тѣхъ началъ, которыя положены въ основу предположенныхъ преобразованій Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 года, и согласованіе ихъ съ интересами общегосударственными, на основаніи опыта примѣненія дѣйствующихъ временныхъ правилъ.

Проведеніе въ жизнь всѣхъ вышеизложенныхъ законодательныхъ предположеній находится въ зависимости отъ возможности ихъ

осуществленія въ финансовомъ отношеніи. Съ этой стороны Государственной Думѣ и Государственному Совѣту предстоитъ задача первостепенной важности: на разсмотрѣніе ихъ вносится государственная роспись, затрогивающая самыя жизненныя потребности государства. Правительство приглашаетъ Государственную Думу приступить къ немедленному ея разсмотрѣнію, такъ какъ вопросы бюджета настоятельно срочны и требуютъ величайшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что положеніе Россіи вызываетъ необходимость строгой бережливости, тогда какъ новыя реформы требуютъ новыхъ затратъ. Настоящая минута тѣмъ болѣе трудна, что она совпала съ весьма крупнымъ сокращеніемъ доходнаго бюджета, образовавшимся вслѣдствіе отмѣны манифестомъ 3 ноября 1905 года выкупныхъ платежей крестьянъ и увеличенія расходовъ на платежи процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ расходовъ. Осложняется положеніе еще и тѣмъ, что искусственное задерживаніе наростанія государственныхъ потребностей на долгое время невозможно. Въ развитіи государства, какъ отдѣльнаго лица, бываютъ критическіе періоды усиленнаго роста. Происшедшее въ октябрѣ 1905 года коренное измѣненіе въ нашемъ государственномъ устройствѣ открыло собою, какъ указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь цѣлый рядъ потребностей въ самыхъ

различныхъ отрасляхъ государственной жизни. Наконецъ, неудачная для насъ война вызываетъ необходимость крупныхъ затратъ на возрожденіе нашей арміи и флота. Какъ бы ни было велико наше стремленіе къ миру, какъ бы громадна ни была потребность страны въ успокоеніи, но если мы хотимъ сохранить наше военное могущество, ограждая вмѣстѣ съ тѣмъ самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащаго намъ по праву мѣста среди великихъ державъ, то намъ не придется отступить передъ необходимостью затратъ, къ которымъ насъ обязываетъ все великое прошлое Россіи. Конечно, чрезвычайному характеру этихъ потребностей можетъ соотвѣтствовать только обращеніе къ чрезвычайнымъ рессурсамъ.

Эти соображенія должны быть предпосланы разсмотрѣнію Государственною Думою внесенныхъ въ нее министромъ финансовъ законодательныхъ предположеній объ установленіи новыхъ налоговъ и преобразованіи нѣкоторыхъ существующихъ видовъ обложенія. Въ этихъ предположеніяхъ руководящею мыслью министерства финансовъ было достиженіе возможной равномѣрности обложенія и возможное освобожденіе широкихъ массъ неимущаго населенія отъ дополнительнаго налоговаго бремени. Нѣкоторое исправленіе въ недостаточную уравнительность нашей податной системы внесетъ, по проекту министерства финансовъ, подоходный

налогъ. Проекты же обложенія нѣкоторыхъ предметовъ, доступныхъ лицамъ достаточнымъ, вызваны стремленіемъ министерства избѣжать отягощенія малоимущихъ слоевъ населенія. Остальные проекты министерства финансовъ относятся къ осуществленію мысли о пересмотрѣ системы реальнаго обложенія и о преобразованіи нѣкоторыхъ видовъ пошлинъ и главнымъ образомъ пошлинъ наслѣдственныхъ.

Всѣ эти преобразованія не являются осуществленіемъ полной и стройной реформы податного строя. При теперешнихъ обстоятельствахъ правительство надѣется лишь достигнуть ими, при наименьшихъ жертвахъ со стороны плательщиковъ, возможности не только проведенія настоятельно необходимыхъ государственныхъ реформъ, но и оживленія дѣятельности органовъ общественнаго самоуправленія путемъ передачи имъ нѣкоторой части нынѣшнихъ государственныхъ доходовъ, такъ какъ, расширяя кругъ дѣйствія земствъ и городовъ, правительство обязано дать имъ возможность выполнить возложенныя на нихъ обязанности.

Изложивъ передъ Государственною Думою программу законодательныхъ предположеній правительства, я бы не выполнилъ своей задачи, если бы не выразилъ увѣренности, что лишь обдуманное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ

къ успокоенію и возрожденію великой нашей родины. Правительство готово въ этомъ направленіи приложить величайшія усилія: его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ предоставляются въ распоряженіе Государственной Думы, которая встрѣтитъ, въ качествѣ сотрудника, правительство, сознающее свой долгъ хранить историческіе завѣты Россіи и возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе, т. е. правительство стойкое и чисто русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества *(Бурные аплодисменты справа)*.

Господа, я не предполагалъ выступать вторично передъ Государственной Думой, но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляетъ меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ Государственной Думѣ будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы; я имъ пользоваться не буду. Возвращаюсь къ законности. Я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каж-

домъ случаѣ, не соотвѣтствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявлять; это его долгъ предъ Думой и страной. Въ настоящее время я утверждаю, что Государственной Думѣ, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобреніе, порицаніе и недовѣріе. Это не значитъ, что правительство бѣжитъ отъ отвѣтственности. Безумiемъ было бы полагать, что люди, которымъ вручена была власть, во время великаго историческаго перелома, во время переустройства всѣхъ государственныхъ, законодательныхъ устоевъ, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя отвѣтственности, но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы и отъ Царской резиденціи волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась въ Польшѣ и на Кавказѣ, когда остановилась вся дѣятельность въ Южномъ промышленномъ раіонѣ, когда распространялись крестьянскіе безпорядки, когда началъ царить ужасъ и терроръ, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забыть, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа, или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено. Но, господа, принимая второе рѣшеніе, правительство роковымъ образомъ навлекло на

себя и обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство несомнѣнно не могло не задѣть и частныхъ интересовъ, Въ то время правительство задалось одною цѣлью—сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, тѣ начала, которые были положены въ основу реформъ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами въ исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу. Я долженъ заявить и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія, что тутъ, волею Монарха, нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ и что эти скамьи—не скамьи подсудимыхъ, это мѣсто правительства. *(Голоса справа* браво, браво). За наши дѣйствія въ эту историческую минуту, дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно такъ же, какъ и вы, дадимъ отвѣтъ предъ исторіей. Я убѣжденъ, что та часть Государственной Думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ, сумѣетъ провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе. Я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого либо неустройства, какихъ либо злоупотребленій. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центръ тяжести, центръ

власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться и увлекаться и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе. Эти нападки разсчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли и мысли, всѣ онѣ сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: „руки вверхъ". На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты можетъ отвѣтить только двумя словами: „не запугаете". *(Аплодисменты справа).*

9 Марта 1907 года.

Правительство желаетъ сдѣлать заявленіе по постановкѣ вопроса. Правительство, полагаетъ, что, согласно статьѣ 5 учрежденія о Государственной Думѣ, Государственная Дума можетъ, для предварительной разработки подлежащихъ ея разсмотрѣнію дѣлъ, образовывать изъ своей среды отдѣлы и комиссіи. Затѣмъ статьи 31, 32, 33 разъясняютъ, какія дѣла подлежатъ вѣдѣнію Государственной Думы. Вѣдѣнію ея подлежатъ дѣла, требующія изданія законовъ, затѣмъ предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго закона. Наконецъ Государственная Дума можетъ обращаться къ министрамъ съ запросами. Въ данномъ случаѣ предложено Государственной Думѣ образовать комиссію для разсмотрѣнія отчета по продовольственному дѣлу. Собственно говоря, изъ отчетовъ разсмотрѣнію Государственной Думы подлежитъ только отчетъ государственнаго контроля. Въ данномъ случаѣ всѣ сегодняшнія рѣчи имѣютъ характеръ запроса къ правительству о незаконномѣрныхъ его дѣйствіяхъ. Поэтому предложеніе, поданное здѣсь, правительство понимаетъ какъ запросъ къ нему, и

такъ какъ въ скоромъ времени, на дняхъ, долженъ быть обнародованъ отчетъ о продовольственной и сѣменной кампаніяхъ, то правительство и внесетъ этотъ отчетъ, какъ отвѣтъ на запросъ. Затѣмъ, согласно статьѣ 40 положенія о Государственной Думѣ, Государственная Дума можетъ обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Если комиссія по разсмотрѣнію отчета обратится къ министру внутреннихъ дѣлъ или иному министру за тѣмъ или инымъ разъясненіемъ и дополненіемъ, то такое разъясненіе будетъ немедленно представлено Государственной Думѣ. Затѣмъ, независимо отъ сего, правительство имѣло войти въ Государственную Думу съ ходатайствомъ о дополнительномъ ассигнованіи на продовольственное дѣло. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи этого ходатайства Дума точно также можетъ обратиться къ правительству за разъясненіями, которыя и будутъ Государственной Думѣ представлены. Несомнѣнно въ порядкѣ 40 статьи правительство представитъ Государственной Думѣ самыя подробныя разъясненія, такъ какъ правительство желаетъ исключительно пролить на это дѣло полный свѣтъ. Правительство доказало уже это на несчастномъ дѣлѣ Лидваля, само приложивъ всѣ усилія къ тому, чтобы это дѣло

представить въ его настоящемъ видѣ. Что касается самаго продовольственнаго закона, то правительство не скрываетъ дефектовъ, существующихъ въ этомъ законѣ, и вноситъ въ Государственную Думу новыя временныя продовольственныя правила на ея утвержденіе. Затѣмъ что касается существа тѣхъ нападокъ, которыя правительство слышало тутъ, то, полагая, что эта комиссія имѣетъ существенно важное значеніе и не будетъ только орудіемъ для опороченія правительства въ глазахъ народа, правительство будетъ и по существу дѣла представлять свои объясненія въ самой комиссіи, а по окончаніи ея работъ тутъ, въ Государственной Думѣ. Поэтому я заявляю, что правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ Думы Родичевымъ.

---

13 Марта 1907 года.

По обсуждаемому вопросу я прежде всего долженъ обратить вниманіе Государственной Думы на то, что, по мнѣнію правительства, онъ получаетъ неправильное направленіе. Временные законы, которые вошли въ силу во время пріостановленія дѣйствій Думы, могутъ быть отмѣнены только согласно ст. 87 основныхъ государственныхъ законовъ. Ст. 87 гласитъ, что дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесено въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующаго принятымъ мѣрамъ законопроекта. Слѣдовательно, самымъ закономъ установленъ порядокъ прекращенія такого временнаго закона. Казалось бы, что другого порядка быть не можетъ, но если даже принять другую точку зрѣнія, т. е. что и временные законы могутъ быть прекращены такимъ же порядкомъ, какъ законы постоянные, т. е. согласно ст. 55 учрежденія Государственной Думы, то и въ этомъ случаѣ обсуждаться по существу этотъ вопросъ можетъ не ранѣе мѣ-

сяца, послѣ представленія предсѣдателю Думы письменнаго о томъ заявленія за подписью 30 членовъ Думы. Слѣдовательно, по закону вопросъ этотъ могъ бы обсуждаться не ранѣе 12 апрѣля, такъ какъ 12 марта было подано такого рода заявленіе. Если проектъ наказа противорѣчитъ этому закону, то проектъ неправиленъ, и потому онъ и не былъ опубликованъ сенатомъ въ прошломъ году. Я говорю только для того, чтобы установить, что въ порядкѣ ст. 97 или ст. 55 законъ о военно-полевыхъ судахъ законнымъ образомъ могъ бы, во всякомъ случаѣ, потерять силу не ранѣе конца апрѣля. Но это, господа, формальная сторона дѣла. Тутъ пренія шли по существу. Мы слышали тутъ обвиненія правительства. Мы слышали о томъ, что у него руки въ крови. Мы слышали, что для Россіи стыдъ и позоръ, что въ нашемъ государствѣ были осуществлены такія мѣры, какъ военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти пренія не могутъ привести къ реальнымъ результатамъ, но вся Дума ждетъ отъ правительства отвѣта, прямого и яснаго, на вопросъ, какъ правительство относится къ продолженію дѣйствія въ странѣ закона о военно-полевыхъ судахъ. Я, господа, отъ отвѣта не уклоняюсь. Я не буду отвѣчать только на нападки за превышеніе власти, за неправильности, допущенныя при примѣненіи этого закона. Нареканія эти

голословны, до сихъ поръ не обоснованы, и на нихъ отвѣчать преждевременно. Я буду говорить по другому, болѣе важному вопросу, я буду говорить о нападкахъ на самую природу этого закона, на то, что это позоръ, злодѣяніе и преступленіе, вносящее развратъ въ основу самого государства. Самое яркое отраженіе эти доводы получили въ рѣчи члена Государственной Думы Маклакова. Если бы я началъ ему возражать, то я несомнѣнно вступилъ бы съ нимъ въ юридическій споръ. Я долженъ былъ бы стать защитникомъ военно-полевыхъ судовъ, какъ судебнаго, какъ юридическаго института. Но въ этой плоскости мышленія, я думаю, что я, ни съ г. Маклаковымъ, ни съ другими ораторами, отстаивающими тотъ же принципъ,— я думаю, что я съ ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, который талантливо отстаиваетъ доктрины. Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрѣнія, и въ этомъ отношеніи мое убѣжденіе неизмѣнно. Государство можетъ, государство обязано, когда оно находится въ опасности, принимать самые строгіе, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя отъ распада. Это было, это есть, и это будетъ всегда и вездѣ. Этотъ принципъ—въ природѣ человѣка, онъ въ природѣ самого государства. Когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія

квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна. Когда человѣкъ боленъ, его организмъ лѣчатъ, отравляя его ядомъ; когда на васъ нападаетъ убійца, вы его убиваете. Этотъ порядокъ признается всѣми государствами. Нѣтъ законодательства, которое не давало бы права правительству пріостанавливать теченіе закона, когда государственный организмъ потрясенъ до корней, которое не давало бы ему полномочія въ этихъ случаяхъ нарушать и пріостанавливать всѣ нормы права. Это, господа, состояніе необходимой обороны. Оно доводило государство не только до усиленія репрессій, не только до примѣненія различныхъ репрессій къ различнымъ людямъ, къ различнымъ категоріямъ людей, оно доводило государство до подчиненія всѣхъ одной волѣ—произволу одного человѣка; оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство изъ опасности и приводила къ спасенію. Бываютъ, господа, роковыя минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права, и когда надлежитъ выбирать между цѣлостью теоріи и цѣлостью отечества. Но съ этой каѳедры былъ сдѣланъ, господа, призывъ къ моей политической честности, къ моей прямотѣ, и я долженъ открыто отвѣтить, что такого рода временныя мѣры не могутъ пріобрѣтать постояннаго характера; когда онѣ становятся длительными, то, во-первыхъ, онѣ

теряютъ свою силу и, затѣмъ, онѣ могутъ отразиться на самомъ народѣ, нравы котораго должны воспитываться закономъ.

Временная мѣра, мѣра суровая, должна сломить преступную волну, она должна сломить уродливыя явленія и отойти въ вѣчность. Поэтому правительство въ настоящее время должно ясно дать себѣ отчетъ о положеніи страны; ясно должно дать отвѣтъ, что оно обязано дѣлать. И вотъ возникаетъ два вопроса: можетъ ли правительство, въ силѣ ли оно оградить жизнь и собственность русскихъ гражданъ обыкновенными способами, примѣненіемъ обыкновенныхъ законовъ? Но можетъ быть и другой вопросъ: надо себя спросить, не является ли такой исключительный законъ преградой для теченія народной жизни, для направленія ея въ естественное спокойное русло? На первый вопросъ, господа, отвѣтъ не труденъ. Онъ ясенъ изъ бывшихъ тутъ преній. Господа, кровавый бредъ, къ сожалѣнію, не пошелъ еще на убыль. Едва ли обыкновеннымъ способомъ подавить его по плечу обыкновеннымъ нашимъ установленіямъ. Второй вопросъ сложнѣе: что будетъ, если дать противоправительственному теченію естественный ходъ, если не противопоставить ему силу? Мы слышали тутъ заявленіе соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ. Я думаю, что ихъ ученіе не сходно съ ученіемъ соціалистическихъ и революціонныхъ

партій, что тутъ играетъ роль созвучіе названій, и что здѣсь присутствующіе не раздѣляютъ программы этой партіи. Но на заданный вопросъ отвѣтъ надо черпать изъ документовъ. Я беру документъ официальный, избирательную платформу россійской соціальной рабочей партіи. Я читаю въ немъ: «только подъ натискомъ широкихъ народныхъ массъ, подъ напоромъ народнаго возстанія поколеблется армія, на которую опирается правительство, падутъ твердыни самодержавнаго деспотизма, только борьбою завоюетъ народъ государственную власть, завоюетъ землю и волю». Въ окончательномъ тезисѣ я прочитываю: «чтобы основа государства была установлена свободно-избранными представителями всего народа, чтобы для этой цѣли было созвано учредительное собраніе всеобщимъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ, безъ различія вѣры, пола и національности, голосованіемъ; чтобы всѣ власти и должностныя лица избирались народомъ и смѣщались имъ. Въ странѣ не можетъ быть иной власти, кромѣ поставленной народомъ и отвѣтственной предъ нимъ и его представителями, чтобъ Россія стала демократической республикой». Предо мною другой документъ: резолюція съѣзда соціалъ-революціонеровъ, бывшаго въ Таммерфорсѣ предъ началомъ дѣйствія Государственной Думы. Въ резолюціи я читаю: «съѣздъ рѣшительно высказывается противъ тактики,

опредѣляющей задачи Думы, какъ органическую работу въ сотрудничествѣ съ правительствомъ при самоограниченіи Думы рамками основныхъ законовъ, не санкціонированныхъ народной волей». Затѣмъ, въ концѣ: «съѣздъ находитъ необходимымъ въ видѣ временной мѣры всѣ центральные и мѣстные террористическіе акты, направленные противъ агентовъ власти, имѣющихъ руководящее административно - политическое значеніе, поставить подъ непосредственный контроль и руководство центральнаго комитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ находитъ, что партія должна возможно болѣе широко использовать, для расширенія и углубленія своего вліянія въ странѣ, всѣ новыя средства и поводы агитаціи и безостановочно развивать въ странѣ, въ цѣляхъ поддержки основныхъ требованій, широкое и активное народное движеніе, имѣющее перейти во всеобщее возстаніе». Я не буду васъ утруждать чтеніемъ другихъ документовъ, не менѣе офиціальныхъ. Я задаю себѣ только вопросъ—въ правѣ ли правительство, при такомъ положеніи дѣла, сдѣлать демонстративный шагъ, не имѣющій за собой реальной цѣны,—шагъ въ сторону послабленія для формальнаго собственно нарушенія закона. Въ правѣ ли правительство предъ лицомъ своихъ вѣрныхъ слугъ, которые подвергаются ежеминутной смертельной опасности, сдѣлать гласную уступку революціи. Вдумавшись въ этотъ вопросъ, взвѣ-

сивъ его всесторонне, правительство пришло къ заключенію, что страна ждетъ отъ него не оказательства слабости, а оказательства вѣры. Мы хотимъ вѣрить, мы должны вѣрить, господа, что отъ васъ услышимъ слово умиротворенія, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, переустройство его и украшеніе. Въ ожиданіи этого слова, правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить этотъ суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ, чтобы, когда Дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ бы самъ собою—путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія. Господа, въ вашихъ рукахъ успокоеніе Россіи, которая конечно сумѣетъ отличить кровь, о которой такъ много здѣсь говорилось, кровь на рукахъ палачей, отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей, которые примѣняли самыя чрезвычайныя, можетъ быть, мѣры, но съ однимъ только упованіемъ, съ одной надеждой, съ одной вѣрой—исцѣлить трудно-больного. *(Аплодисменты справа).*

---

20 Марта 1907 года.

Господа! Я не буду долго утруждать ваше вниманіе. Я вхожу на каѳедру въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ лишь для того, чтобы сдѣлать маленькую поправку къ рѣчи члена Думы Николая Николаевича Кутлера. Рѣчь эту я слушалъ съ особымъ вниманіемъ и то, что я скажу, является результатомъ внимательнаго отношенія къ рѣчи г. Кутлера. Я полагаю, что разсмотрѣніе бюджета въ Государственной Думѣ есть одно изъ самыхъ существенныхъ ея правъ. Результатомъ его должно быть пролитіе свѣта на такія тѣневыя стороны бюджета, выясненіе которыхъ ожидается отъ Государственной Думы. Я полагалъ, что рѣчь Кутлера должна пролить этотъ свѣтъ еще и потому, что у него не можетъ быть тайнъ въ бюрократическомъ мірѣ, въ которомъ онъ такъ долго служилъ. Слушая его рѣчь, я остановился на одномъ его упрекѣ, а именно: «въ то время, говоритъ Кутлеръ, когда манифестомъ Государя Императора была дарована полная

свобода слова и свобода печати, въ то самое время министерство внутреннихъ дѣлъ увеличило окладъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати и его помощника». Кажется, я не ошибаюсь. Это было сказано именно такъ *(голоса справа:* «да, да»). Я долженъ сказать, что замѣчаніе это вызвало со стороны членовъ Государственной Думы и аплодисменты, и смѣхъ. Противъ этого я ничего не имѣю. Смѣхъ—прекрасное оружіе и бичъ, въ особенности для правительства, и я думаю, что можно смѣяться надъ человѣкомъ или учрежденіемъ, если они ставятъ себя въ смѣшное положеніе. Было ли въ данномъ случаѣ такое положеніе? Было бы, если бы замѣчаніе члена Думы Кутлера было основано на фактахъ. Это условіе особенно важно для серьезной рѣчи, основанной на предварительномъ изученіи вопроса, не могущей не произвести впечатлѣнія, загладить которое не всегда возможно, не имѣя подъ руками документовъ. Въ теченіе получасового перерыва мнѣ трудно было провѣрить достовѣрность сказаннаго, но я все-таки это сдѣлалъ и теперь могу сказать, что утвержденія г. Кутлера не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Другого выраженія я не могу подобрать. Ни начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, ни одинъ изъ служащихъ никакой прибавки къ содержанію не получили. *(Аплодисменты справа).* Я докажу это документами.

Штаты главнаго управленія по дѣламъ печати существуютъ съ 1862 г. Бывшій начальникъ главнаго управленія, по Высочайшему повелѣнію, вмѣсто прибавки въ 3.000 р., которые онъ получалъ къ своему содержанію, получилъ 8 августа 1902 г. 3.000 р. квартирныхъ. Эти деньги ассигновывались изъ суммъ «Правительственнаго Вѣстника», и отпускъ ихъ былъ продолженъ и теперешнему начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати 1 Апрѣля 1905 г., т. е. до манифеста 17 октября. Помощника у начальника главнаго управленія нѣтъ, поэтому прибавки содержанія некому было и дѣлать. *(Аплодисменты и смѣхъ на правыхъ скамьяхъ).* Остальные служащіе удовлетворяются по штату 1862 г., и такъ какъ штаты эти весьма незначительны, то они получали добавочное содержаніе изъ суммъ «Правительственнаго Вѣстника» по 150.000 р. въ годъ. Такъ было въ 1902, 1903, 1904 годахъ. Но такъ какъ эти суммы «Правительственнаго Вѣстника» были обращены на другіе расходы, то эти именно 150.000 р. были внесены въ 1907 г. въ общегосударственную смѣту. Знать это господину Кутлеру слѣдовало бы, такъ какъ перенесеніе кредита въ общую смѣту было произведено тѣмъ Совѣтомъ Министровъ, предсѣдателемъ котораго я не былъ, но членомъ котораго состоялъ г. Кутлеръ. *(Смѣхъ на правыхъ скамьяхъ).* Здѣсь былъ нанесенъ ввѣ-

ренному мнѣ вѣдомству ударъ сильный и смѣлый, но пришелся онъ, во истину, не по коню, а по оглоблямъ. *(Въ залѣ движеніе, на правыхъ скамьяхъ смѣхъ и аплодисменты).*

———

7 Мая 1907 года.

Господа члены Государственной Думы. Я не думалъ выступать сегодня по этому дѣлу и не ждалъ запроса, который только что тутъ оглашенъ, такъ что онъ является для меня полною неожиданностью. Но я считаю своею обязанностью, какъ начальникъ полиціи въ государствѣ, выступить съ нѣсколькими словами въ защиту дѣйствій лицъ, мнѣ подчиненныхъ. Дѣло, которое сегодня, теперь, тутъ поднято, будетъ вѣроятно разсмотрѣно послѣ обсужденія его въ комиссіи; вѣроятно мнѣ придется дать объясненіе и въ порядкѣ запроса о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ полиціи. Теперь же я желаю дать только предварительное разъясненіе. Насколько мнѣ извѣстно, дѣло произошло такимъ образомъ: столичная полиція получила свѣдѣнія, что на Невскомъ собираются центральные революціонные комитеты, которые имѣютъ сношенія съ военной революціонной организаціей. Въ данномъ случаѣ полиція не могла поступить иначе, какъ не вторгнуться въ ту квартиру,—я этого выраженія не признаю,—а войти, въ силу власти, предоставленной полиціи, и произвести въ этой

квартирѣ обыскъ. Не забудьте, что городъ Петербургъ находится на положеніи чрезвычайной охраны, и что въ этомъ городѣ происходили событія чрезвычайныя. Такимъ образомъ, полиція должна была, имѣла право и правильно сдѣлала, что въ эту квартиру вошла. Въ квартирѣ оказались, дѣйствительно, члены Государственной Думы, но кромѣ нихъ были лица постороннія. Лица эти, въ числѣ 31, были задержаны и при нихъ были задержаны документы, нѣкоторые изъ которыхъ оказались компрометирующими. Всѣмъ членамъ Государственной Думы было предложено, не пожелаютъ ли они тоже обнаружить то, что при нихъ находится. Изъ нихъ нѣсколько лицъ подчинилось, а другія лица отказались. Никакого насилія надъ ними не происходило, и до окончанія обыска всѣ они оставались въ квартирѣ, въ которую вошла полиція. Теперь я долженъ, въ оправданіе дѣйствій полиціи, сказать слѣдующее: на слѣдующій день были произведены дополнительныя дѣйствія не только полицейской, но и слѣдственной властью, и обнаружено отношеніе квартиры депутата Озола къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ. Въ этомъ случаѣ, господа, я долженъ сказать, и заявляю открыто,—что полиція и впредь будетъ такъ же дѣйствовать, какъ она дѣйствовала. *(Аплодисменты справа. Шумъ).* Незакономѣрнаго

ничего не было. Если были какія либо неправильности въ подробностяхъ, то это и будетъ обнаружено. Я долженъ сказать, что, кромѣ огражденія депутатской неприкосновенности, на насъ, на носителяхъ власти, лежитъ еще другая отвѣтственность — огражденіе общественной безопасности. Долгъ этотъ свой мы сознаемъ и исполнимъ его до конца, и въ этомъ отношеніи я считаю своею обязанностью, передъ лицомъ всей Россіи, какъ начальникъ, какъ отвѣтственное лицо за дѣйствія полиціи, сказать нѣсколько словъ въ ея защиту, сказать, что если будутъ доходить до нея слухи, подкрѣпленные достаточными данными, о серьезныхъ обстоятельствахъ, за которыя правительство и администрація несутъ отвѣтственность, то она сумѣетъ поступить такъ же, какъ поступала, а судебное вѣдомство исполнитъ свой долгъ и сумѣетъ обнаружить виновныхъ. *(Аплодисменты справа).*

---

10 Мая 1907 года.

Господа члены Государственной Думы, прислушиваясь къ преніямъ по земельному вопросу и знакомясь съ ними изъ стенографическихъ отчетовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что необходимо нынѣ же до окончанія преній сдѣлать заявленіе какъ по возбуждавшемуся тутъ вопросу, такъ и о предположеніяхъ самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вамъ полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сдѣлать подлежащимъ компетентнымъ вѣдомствомъ въ аграрной комиссіи. Сегодня я только узналъ, что въ аграрной комиссіи, въ которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже тѣ данныя и матеріалы, которыми правительство располагаетъ, принимаются принципіальныя рѣшенія. Тѣмъ болѣе я считаю необходимымъ высказаться только въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, которые тутъ поднимались и обсуждались. Я исхожу изъ того положенія, что всѣ лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, самымъ искреннимъ образомъ желаютъ его разрѣшенія. Я думаю, что крестьяне не могутъ не желать разрѣшенія того

вопроса, который для нихъ является самымъ близкимъ и самымъ больнымъ. Я думаю, что и землевладѣльцы не могутъ не желать имѣть своими сосѣдями людей спокойныхъ и довольныхъ вмѣсто голодающихъ и погромщиковъ. Я думаю, что и всѣ русскіе люди, жаждущіе успокоенія своей страны, желаютъ скорѣйшаго разрѣшенія того вопроса, который несомнѣнно, хотя бы отчасти, питаетъ смуту. Я поэтому обойду всѣ тѣ оскорбленія и обвиненія, которыя раздавались здѣсь противъ правительства. Я не буду останавливаться и на тѣхъ нападкахъ, которыя имѣли характеръ агитаціоннаго напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здѣсь началахъ классовой мести со стороны бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ дворянамъ, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрѣнія, постараюсь отнестись совершенно безпристрастно, даже болѣе того, безстрастно къ данному вопросу. Постараюсь вникнуть въ существо высказывавшихся мнѣній, памятуя, что мнѣнія, не согласныя со взглядами правительства, не могутъ почитаться послѣднимъ за крамолу. Правительству тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, подобаетъ высказаться въ общихъ чертахъ, что изъ бывшихъ здѣсь преній, изъ бывшаго предварительно обсужденія вопроса ясно, какъ мало шансовъ сблизить различныя точки зрѣнія, какъ мало шансовъ дать аграрной ко-

миссіи опредѣленныя заданія, очерченный строгими рамками наказъ.

Переходя къ предложеніямъ разныхъ партій, я прежде всего долженъ остановиться на предложеніи партіи лѣвыхъ, ораторами которыхъ выступили здѣсь прежде всего господа: Караваевъ, Церетели, Волкъ-Карачевскій и др. Я не буду оспаривать тѣхъ весьма спорныхъ по мнѣ цифръ, которыя здѣсь представлялись ими. Я охотно соглашусь и съ нарисованной ими картиной оскудѣнія земледѣльческой Россіи. Встревоженное этимъ правительство уже начало принимать рядъ мѣръ для поднятія земледѣльческаго класса. Я долженъ указать только на то, что тотъ способъ, который здѣсь предложенъ, тотъ путь, который здѣсь намѣченъ, поведетъ къ полному перевороту во всѣхъ существующихъ гражданскихъ правоотношеніяхъ; онъ ведетъ къ тому, что подчиняетъ интересамъ одного, хотя и многочисленнаго класса, интересы всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Онъ ведетъ, господа, къ соціальной революціи. Это сознается, мнѣ кажется, и тѣми ораторами, которые тутъ говорили. Одинъ изъ нихъ приглашалъ государственную власть возвыситься въ этомъ случаѣ надъ правомъ и заявлялъ, что вся задача настоящаго момента заключается именно въ томъ, чтобы разрушить государственность съ ея помѣщичьей бюрократической основой и на развалинахъ государ-

ственности создать государственность современную на новыхъ культурныхъ началахъ. Согласно этому ученію, государственная необходимость должна возвыситься надъ правомъ не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить въ самомъ корнѣ именно существующую государственность, существующій въ настоящее время государственный строй. Словомъ, признаніе націонализаціи земли, при условіи вознагражденія за отчуждаемую землю или безъ него, поведетъ къ такому соціальному перевороту, къ такому перемѣщенію всѣхъ цѣнностей, къ такому измѣненію всѣхъ соціальныхъ, правовыхъ и гражданскихъ отношеній, какого еще не видѣла исторія. Но это, конечно, не доводъ противъ предложенія лѣвыхъ партій, если это предложеніе будетъ признано спасительнымъ. Предположимъ же на время, что государство признаетъ это за благо, что оно перешагнетъ черезъ разореніе цѣлаго, какъ бы тамъ ни говорили, многочисленнаго, образованнаго класса землевладѣльцевъ, что оно примирится съ разрушеніемъ рѣдкихъ культурныхъ очаговъ на мѣстахъ,—что же изъ этого выйдетъ? Что, былъ бы, по крайней мѣрѣ, этимъ способомъ разрѣшенъ, хотя бы съ матеріальной стороны, земельный вопросъ? Далъ бы онъ или нѣтъ возможность устроить крестьянъ у себя на мѣстахъ? На это отвѣтъ могутъ дать цифры,

а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладѣльческую, но даже всю землю безъ малѣйшаго исключенія, даже землю, находящуюся въ настоящее время подъ городами, отдать въ распоряженіе крестьянъ, владѣющихъ нынѣ надѣльною землею, то въ то время, какъ въ Вологодской губерніи пришлось бы всего вмѣстѣ съ имѣющимися нынѣ по 147 дес. на дворъ, въ Олонецкой по 185 дес., въ Архангельской даже по 1.309 дес., въ 14 губерніяхъ недостало бы и по 15, а въ Полтавской пришлось бы лишь по 9, въ Подольской всего по 8 десятинъ. Это объясняется крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ по губерніямъ не только казенныхъ и удѣльныхъ земель, но и частновладѣльческихъ. Четвертая часть частновладѣльческихъ земель находится въ тѣхъ 12 губерніяхъ, которыя имѣютъ надѣлъ свыше 15 дес. на дворъ, и лишь $^1/_7$ часть частновладѣльческихъ земель расположена въ 10 губерніяхъ съ наименьшимъ надѣломъ, т. е. по 7 десятинъ на одинъ дворъ. При этомъ принимается въ расчетъ вся земля всѣхъ владѣльцевъ, т. е. не только 107.000 дворянъ, но и 490.000 крестьянъ, купившихъ себѣ землю, и 85.000 мѣщанъ,—а эти два послѣдніе разряда владѣютъ до 17.000.000 дес. Изъ этого слѣдуетъ, что поголовное раздѣленіе всѣхъ земель едва ли можетъ удовлетворить земельную нужду на мѣстахъ; придется прибѣгнуть

къ тому же средству, которое предлагаетъ правительство, т. е. къ переселенію; придется отказаться отъ мысли надѣлить землей весь трудовой народъ и не выдѣлять изъ него извѣстной части населенія въ другія области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается изъ цифръ прироста населенія, за 10-лѣтній періодъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Россія, господа, не вымираетъ; приростъ ея населенія превосходитъ приростъ всѣхъ остальныхъ государствъ всего міра, достигая на 1.000 чел. 15,1 въ годъ. Такимъ образомъ, это дастъ на одну Европейскую Россію всего на 50 губерній 1.625.000 душъ естественнаго прироста въ годъ или, считая семью въ 5 человѣкъ, 341.000 семей. Такъ что, для удовлетворенія землей одного только приростающаго населенія, считая по 10 дес. на одинъ дворъ, потребно было бы ежегодно 3.500.000 дес. Изъ этого ясно, господа, что путемъ отчужденія, раздѣленія частновладѣльческихъ земель земельный вопросъ не разрѣшается. Это равносильно наложенію пластыря на засоренную рану. Но кромѣ упомянутыхъ матеріальныхъ результатовъ, что дастъ этотъ способъ странѣ, что дастъ онъ съ нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь въ нашихъ сельскихъ обществахъ, та необходимость подчиняться всѣмъ одному способу веденія хозяйства, необходимость постоянъ-

наго передѣла, невозможность для хозяина съ иниціативой примѣнить къ временно находящейся въ его пользованіи землѣ свою склонность къ опредѣленной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россію. Все и всѣ были бы сравнены, земля стала бы общей, какъ вода и воздухъ. Но къ водѣ и къ воздуху не прикасается рука человѣческая, не улучшаетъ ихъ рабочій трудъ, иначе на улучшенные воздухъ и воду несомнѣнно наложена была бы плата, на нихъ установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распредѣлилась бы между гражданами, отчуждалась бы у однихъ и предоставлялась бы другимъ мѣстнымъ соціалъ-демократическимъ присутственнымъ мѣстамъ, что эта земля получила бы скоро тѣ же свойства, какъ вода и воздухъ. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать къ ней свой трудъ съ тѣмъ, чтобы результаты этого труда перешли къ другому лицу,—этого никто не сталъ бы дѣлать. Вообще, стимулъ къ труду, та пружина, которая заставляетъ людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданинъ—а между ними всегда были и будутъ тунеядцы—будетъ знать, что онъ имѣетъ право заявить о желаніи получить землю, приложить свой трудъ къ землѣ, затѣмъ, когда занятіе это ему надоѣстъ, бросить ее и пойти опять бродить по бѣлу-свѣту. Все будетъ сравнено,—

но приравнять всѣхъ можно только къ низшему уровню. Нельзя человѣка лѣниваго приравнять къ трудолюбивому, нельзя человѣка тупоумнаго приравнять къ трудоспособному. Вслѣдствіе этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяинъ, хозяинъ изобрѣтатель, самою силою вещей будетъ лишенъ возможности приложить свои знанія къ землѣ. Надо думать, что при такихъ условіяхъ совершился бы новый переворотъ, и человѣкъ даровитый, сильный, способный силою возстановилъ бы свое право на собственность, на результаты своихъ трудовъ. Вѣдь, господа, собственность имѣла всегда своимъ основаніемъ силу, за которою стояло и нравственное право. Вѣдь и раздача земли при Екатеринѣ Великой оправдывалась необходимостью заселенія незаселенныхъ громадныхъ пространствъ (*голосъ изъ центра:* «ого»), и тутъ была государственная мысль. Точно также право способнаго, право даровитаго создало и право собственности на западѣ. Неужели же намъ возобновлять этотъ опытъ и переживать новое возсозданіе права собственности на уравненныхъ и разоренныхъ поляхъ Россіи? А эта перекроенная и уравненная Россія, что стала ли бы она и болѣе могущественной и богатой? Вѣдь богатство народовъ создаетъ и могущество страны. Путемъ же передѣленія всей земли государство въ своемъ цѣломъ не пріобрѣтетъ

ни одного лишняго колоса хлѣба. Уничтожены, конечно, будутъ культурныя хозяйства. Временно будутъ увеличены крестьянскіе надѣлы, но, при ростѣ населенія, они скоро обратятся въ пыль, и эта распыленная земля будетъ высылать въ города массы обнищавшаго пролетаріата. Но, положимъ, что эта картина невѣрна, что краски тутъ сгущены, кто же однако будетъ возражать противъ того, что такое потрясеніе, такой громадный соціальный переворотъ, не отразится, можетъ быть, на самой цѣлости Россіи. Вѣдь тутъ, господа, предлагаютъ разрушеніе существующей государственности, предлагаютъ намъ среди другихъ сильныхъ и крѣпкихъ народовъ превратить Россію въ развалины для того, чтобы на этихъ развалинахъ строить новое, невѣдомое намъ, отечество. Я думаю, что на второмъ тысячелѣтіи своей жизни Россія не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшитъ свой укладъ, пойдетъ впередъ, но путемъ разложенія не пойдетъ, потому что, гдѣ разложеніе—тамъ смерть.

Теперь обратимся, господа, къ другому, предложенному намъ, проекту, проекту партіи народной свободы. Проектъ этотъ не обнимаетъ задачу въ такомъ большомъ объемѣ, какъ предыдущій проектъ, и задается увеличеніемъ пространства крестьянскаго землевладѣнія. Проектъ этотъ даже отрицаетъ, не при-

знаетъ и не создаетъ ни за кѣмъ права на землю. Однако я долженъ сказать, что и въ этомъ проектѣ для меня не все понятно, и онъ представляется мнѣ во многомъ противорѣчивымъ. Докладчикъ этой партіи въ своей рѣчи отнесся очень критически къ началамъ націонализаціи земли. Я полагалъ, что онъ логически долженъ поэтому придти къ противоположному, къ признанію принципа собственности. Отчасти это и было сдѣлано. Онъ призналъ за крестьянами право неизмѣннаго, постояннаго пользованія землей, но вмѣстѣ съ тѣмъ для расширенія его владѣній онъ призналъ необходимымъ нарушить постоянное пользованіе его сосѣдей землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гарантируетъ крестьянамъ ненарушимость ихъ владѣній въ будущемъ. Но разъ признанъ принципъ отчуждаемости, то кто же повѣритъ тому, что если понадобится со временемъ отчудить земли крестьянъ, онѣ не будутъ отчуждены, и поэтому мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи проектъ лѣвыхъ партій гораздо болѣе искренен и правдивъ, признавая возможность пересмотра трудовыхъ нормъ, отнятіе излишка земли у домохозяевъ. Вообще, если признавать принципъ обязательнаго количественнаго отчужденія, т. е. принципъ возможности отчужденія земли у того, у кого ея много, чтобы дать тому, у кого ея мало, надо знать, къ чему

поведетъ въ конечномъ выводѣ,—это приведетъ къ той же націонализаціи земли. Вѣдь если теперь, въ 1907 г., у владѣльца, скажемъ, 3,000 десятинъ, будетъ отнято 2,500 десятинъ, и за нимъ останется 500 десятинъ культурныхъ, то вѣдь съ измѣненіемъ понятія о культурности и съ ростомъ населенія онъ несомнѣнно подвергается риску отнятія остальныхъ 500 десятинъ. Мнѣ кажется, что и крестьянинъ не пойметъ, почему онъ долженъ переселяться куда то вдаль, въ виду того только, что его сосѣдъ не разоренъ, а имѣетъ по нашимъ понятіямъ культурное хозяйство. Почему онъ долженъ идти въ Сибирь и не можетъ быть направленъ,—по картинному выраженію одного изъ ораторовъ партіи народной свободы,—на сосѣднюю помѣщичью землю? Мнѣ кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отмѣняется; она изъемлется изъ области купли и продажи. Никто не будетъ прилагать свой трудъ къ землѣ, зная, что плоды его трудовъ могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены. Докладчикъ партіи прикидывалъ цѣну на отчуждаемую землю въ среднемъ по 80 р. на десятину въ Европейской Россіи. Вѣдь это не можетъ поощрить къ примѣненію своего труда къ землѣ, скажемъ, тѣхъ лицъ, которыя за землю годъ передъ тѣмъ заплатили по 200—300 р. за десятину и вложили въ нее все свое до-

стояніе. Но между мыслями, предложенными докладчикомъ партіи народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себѣ самое серьезное вниманіе. Докладчикъ заявилъ, что надо предоставить самимъ крестьянамъ устраиваться такъ, какъ имъ удобно. Законъ не призванъ учить крестьянъ и навязывать имъ какія-либо теоріи, хотя бы эти теоріи и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы дѣйствительно поможемъ населенію. Нельзя такого заявленія не привѣтствовать, и само правительство во всѣхъ своихъ стремленіяхъ указываетъ только на одно: нужно снять тѣ оковы, которыя наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тотъ способъ пользованія землей, который наиболѣе его устраиваетъ. Интересно еще въ проектѣ партіи народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, пріобрѣтаемой крестьянами. Я къ этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мнѣ кажется нѣсколько противорѣчивымъ провозглашаемому принципу принудительнаго отчужденія. Если признать принудительное отчужденіе, то какъ же на-ряду съ этимъ признать необходимость для всего населенія, для

всего государства, для всѣхъ классовъ населенія придти на помощь самой нуждающейся части населенія? Почему на-ряду съ этимъ необходимо съ этою цѣлью обездолить 130.000 владѣльцевъ, и не только обездолить, но и оторвать ихъ отъ привычнаго и полезнаго для государства труда? Но можетъ быть, господа, безъ этого обойтись нельзя? Прежде чѣмъ изложить вамъ въ общихъ чертахъ виды правительства, я позволю себѣ остановиться еще на одномъ способѣ разрѣшенія земельнаго вопроса, который засѣлъ во многихъ головахъ. Этотъ способъ, этотъ путь—это путь насилія. Вамъ всѣмъ извѣстно, господа, насколько легко прислушивается нашъ крестьянинъ простолюдинъ къ всевозможнымъ толкамъ, насколько легко онъ поддается толчку, особенно въ направленіи разрѣшенія своихъ земельныхъ вожделѣній явочнымъ путемъ, путемъ, такъ сказать, насилія. За это уже платился нѣсколько разъ нашъ сѣрый крестьянинъ. Я не могу не заявить, что въ настоящее время опасность новыхъ насилій, новыхъ бѣдъ въ деревнѣ возрастаетъ. Правительство должно учитывать два явленія: съ одной стороны несомнѣнное желаніе, потребность, стремленіе широкихъ круговъ общества поставить работу въ государствѣ на правильныхъ законныхъ началахъ и приступить къ правильному новому законодательству для улучшенія жизни

страны. Это стремленіе правительство не можетъ не привѣтствовать и обязано приложить всѣ силы для того, чтобы помочь ему. Но наряду съ этимъ существуетъ и другое: существуетъ желаніе усилить броженіе въ странѣ, бросать въ населеніе сѣмена возбужденія, смуты, съ цѣлью возбужденія недовѣрія къ правительству, съ тѣмъ, чтобы подорвать его значеніе, подорвать его авторитетъ, для того чтобы соединить воедино всѣ враждебныя правительству силы. Вѣдь съ этой каѳедры, господа, была брошена фраза: «мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». *(Голоса:* вѣрно, правильно). Отсюда, господа, распространялись и письма въ провинцію, въ деревни, письма, которыя печатались въ провинціальныхъ газетахъ, почему я объ нихъ и упоминаю, письма, вызывавшія и смущеніе и возмущеніе на мѣстахъ. Авторы этихъ писемъ привлекались къ отвѣтственности, но поймите, господа, что дѣлалось въ понятіяхъ тѣхъ сельскихъ обывателей, которымъ предлагалось, въ виду якобы насилій, кровожадности и преступленій правительства, обратиться къ насилію и взять землю силой! Я не буду утруждать васъ, господа, ознакомленіемъ съ этими документами, я скажу только, что при наличности ихъ, и я откровенно это заявляю, такъ какъ русскій министръ и не можетъ иначе говорить въ Русской Государственной Думѣ,

можно предвидѣть и наличность новыхъ попытокъ пріобрѣтенія земли силою и насиліемъ. Я долженъ сказать, что въ настоящее время опасность эта еще далека, но необходимо опредѣлить ту черту, за которой опасность эта, опасность успѣшнаго воздѣйствія на населеніе, въ смыслѣ открытаго выступленія, становится дѣйствительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этотъ предѣлъ, не дозволитъ, иначе оно перестанетъ быть государствомъ и станетъ пособникомъ собственнаго своего разрушенія. Все, что я сказалъ, господа, является разборомъ тѣхъ стремленій, которыя, по мнѣнію правительства, не даютъ того отвѣта на запросы, того разрѣшенія дѣла, котораго ожидаетъ Россія. Насилія допущены не будутъ. Націонализація земли представляется правительству гибельною для страны, а проектъ партіи народной свободы, т. е. полу-экспропріація, полу-націонализація, въ конечномъ выводѣ, по нашему мнѣнію, приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и предложенія лѣвыхъ партій.

Гдѣ же выходъ? Думаетъ ли правительство ограничиться полумѣрами и полицейскимъ охраненіемъ порядка? Но прежде чѣмъ говорить о способахъ, нужно ясно себѣ представить цѣль, а цѣль у правительства вполнѣ опредѣленна: правительство желаетъ поднять крестьянское землевладѣніе, оно желаетъ ви-

дѣть крестьянина богатымъ, достаточнымъ, такъ какъ гдѣ достатокъ, тамъ, конечно, и просвѣщеніе, тамъ и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться отъ тѣхъ тисковъ, отъ тѣхъ теперешнихъ условій жизни, въ которыхъ онъ въ настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрѣпить за собой плоды трудовъ своихъ и представить ихъ въ неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будетъ общая тамъ, гдѣ община еще не отжила, пусть она будетъ подворная тамъ, гдѣ община уже не жизненна, но пусть она будетъ крѣпкая, пусть будетъ наслѣдственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь совѣтомъ, помочь кредитомъ, т. е. деньгами. Теперь же надлежитъ немедленно браться за незамѣтную черную работу, надлежитъ сдѣлать учетъ всѣмъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣліемъ. Придется всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо на льготныхъ условіяхъ. Мы слышали тутъ, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всѣмъ крестьянамъ, необходимо имѣть запасъ въ 57,000,000 дес. земли. Опять-таки говорю, я цифры не оспариваю. Тутъ же ука-

зывалось на то, что въ распоряженіи правительства находится только 10,000,000 дес. земли. Но, господа, вѣдь правительство только недавно начало образовывать земельный фондъ, вѣдь крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями. Здѣсь нападали и на крестьянскій банкъ и нападки эти были достаточно вѣскія. Была при этомъ брошена фраза: «это надо бросить». По мнѣнію правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дѣло надо улучшать. При этомъ должно, быть можетъ, обратиться къ той мысли, на которую я указывалъ раньше—мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на томъ соображеніи, что государство есть одинъ цѣлый организмъ, и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнетъ и превратится въ «царство, раздѣлившееся на ся». Въ настоящее время государство у насъ хвораетъ. Самой больною, самой слабою частью, которая хирѣетъ, которая завядаетъ, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматическій, совершенно механическій способъ: взять и раздѣлить всѣ 130,000 существующихъ въ настоящее время помѣстій. Государственно ли это? Не напоминаетъ ли это исторію тришкина кафтана—обрѣзать полы, чтобы сшить изъ нихъ рукава? Господа, нельзя укрѣпить больное тѣло, питая его вырѣзан-

ными изъ него самого кусками мяса; надо дать толчокъ организму, создать приливъ питательныхъ соковъ къ больному мѣсту, и тогда организмъ осилитъ болѣзнь; въ этомъ должно, несомнѣнно, участвовать все государство, всѣ части государства должны придти на помощь той его части, которая въ настоящее время является слабѣйшей. Въ этомъ смыслъ государственности, въ этомъ оправданіе государства, какъ одного соціальнаго цѣлаго. Мысль о томъ, что всѣ государственныя силы должны придти на помощь слабѣйшей его части, можетъ напоминать принципы соціализма; но если это принципъ соціализма, то соціализма государственнаго, который примѣнялся не разъ въ Западной Европѣ и приносилъ реальные и существенные результаты. У насъ принципъ этотъ могъ бы осуществиться въ томъ, что государство брало бы на себя уплату части процентовъ, которые взыскиваются съ крестьянъ за предоставленную имъ землю. Въ общихъ чертахъ дѣло сводилось бы къ слѣдующему: государство закупало бы предлагаемыя въ продажу частныя земли, которыя вмѣстѣ съ землями удѣльными и государственными составляли бы государственный земельный фондъ. При массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возрасли бы. Изъ этого фонда получали бы землю на льготныхъ условіяхъ тѣ малоземельные крестьяне, которые въ ней нуждаются и, дѣйствительно, прилагаютъ теперь свой трудъ къ землѣ, и затѣмъ тѣ крестьяне, которымъ необходимо улучшить формы теперешняго землепользованія. Но такъ какъ въ настоящее время крестьянство оскудѣло, ему не подъ силу платить тотъ сравнительно высокій процентъ, который взыскивается государствомъ, то послѣднее и приняло бы на себя разницу въ процентѣ, выплачиваемомъ по выпускаемымъ имъ листамъ, и тѣмъ процентомъ, который былъ бы посиленъ крестьянину, который былъ бы опредѣляемъ государственными учрежденіями. Вотъ эта разница обременяла бы государственный бюджетъ; она должна была бы вноситься въ ежегодную роспись государственныхъ расходовъ. Такимъ образомъ вышло бы, что все государство, всѣ классы населенія помогаютъ крестьянамъ пріобрѣсти ту землю, въ которой они нуждаются. Въ этомъ участвовали бы всѣ плательщики государственныхъ повинностей, чиновники, купцы, лица свободныхъ профессій, тѣ же крестьяне, и тѣ же помѣщики. Но тягость была бы разложена равномѣрно и не давила бы на плечи одного немногочисленнаго класса 130.000 человѣкъ, съ уничтоженіемъ котораго уничтожены были бы, чтобы тамъ ни говорили, и очаги культуры. Этимъ именно путемъ правительство начало идти, понизивъ временно проведеннымъ по 87 статьѣ

закономъ проценты платежа крестьянскому банку. Способъ этотъ болѣе гибкій, менѣе огульный, чѣмъ тотъ способъ повсемѣстнаго принятія на себя государствомъ платежа половинной стоимости земли, которую предлагаетъ партія народной свободы. Если бы одновременно былъ установленъ выходъ изъ общины и создана такимъ образомъ крѣпкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселеніе, было бы облегчено полученіе ссудъ подъ надѣльныя земли, былъ бы созданъ широкій мелiоративный землеустроительный кредитъ, то хотя кругъ предполагаемыхъ правительствомъ земельныхъ реформъ и не былъ бы вполнѣ замкнутъ, но видѣнъ былъ бы просвѣтъ, при разсмотрѣніи вопроса въ его полнотѣ, можетъ быть и въ болѣе ясномъ свѣтѣ представился бы и пресловутый вопросъ объ обязательномъ отчужденіи. Пора этотъ вопросъ вдвинуть въ его настоящія рамки, пора, господа, не видѣть въ этомъ волшебнаго средства, какой то панацеи противъ всѣхъ бѣдъ. Средство это представляется смѣлымъ потому только, что въ разоренной Россіи оно создастъ еще классъ разоренныхъ въ конецъ землевладѣльцевъ. Обязательное отчужденіе дѣйствительно можетъ явиться необходимымъ, но, господа, въ видѣ исключенія, а не общаго правила, и обставленнымъ ясными и точными гарантіями закона. Обязательное отчужденіе

можетъ быть не количественнаго характера, а только качественнаго. Оно должно примѣняться, главнымъ образомъ, тогда, когда крестьянъ можно устроить на мѣстахъ, для улучшенія способовъ пользованія ими землей, оно представляется возможнымъ тогда, когда необходимо: при переходѣ къ лучшему способу хозяйства—устроить водопой, устроить прогонъ къ пастбищу, устроить дороги, наконецъ, избавиться отъ вредной чрезполосицы. Но я, господа, не предлагаю вамъ, какъ я сказалъ ранѣе, полнаго аграрнаго проекта. Я предлагаю вашему вниманію только тѣ вѣхи, которыя поставлены правительствомъ. Болѣе полный проектъ предлагалось внести со стороны компетентнаго вѣдомства въ соотвѣтствующую комиссію, если бы въ нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть тамъ выслушанными.

Пробывъ около 10 лѣтъ у дѣла земельнаго устройства, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что въ дѣлѣ этомъ нуженъ упорный трудъ, нужна продолжительная черная работа. Разрѣшить этого вопроса нельзя, его надо разрѣшать. Въ западныхъ государствахъ на это потребовались десятилѣтія. Мы предлагаемъ вамъ скромный, но вѣрный путь. Противникамъ государственности хотѣлось бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобо-

жденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія! *(Аплодисменты справа).*

---

1 Іюня 1907 года.

Имѣя въ виду, что въ настоящее время, въ связи съ обыскомъ въ квартирѣ члена Государственной Думы Озола, предварительное слѣдствіе выяснило главнѣйшія данныя по дѣлу объ организаціи преступнаго сообщества, въ составъ котораго вошли нѣкоторые члены Государственной Думы, и представляется необходимымъ немедленное принятіе мѣръ къ обезпеченію правильнаго хода правосудія, я прошу Государственную Думу выслушать представителя судебнаго вѣдомства, прокурора С.-Петербургской судебной палаты, который ознакомитъ Государственную Думу съ постановленіемъ судебнаго слѣдователя о привлеченіи нѣсколькихъ изъ ея членовъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Дальнѣйшія поясненія по прочтеніи этого акта можетъ дать Государственной Думѣ присутствующій въ засѣданіи министръ юстиціи. Обязуюсь присовокупить, что всякое промедленіе со стороны Государственной Думы въ разрѣшеніи предъявленныхъ къ ней на основаніи ст. 16 и 21 учр. Государственной Думы требованій или удовлетвореніе ихъ не въ полной мѣрѣ поставило бы правительство въ невозможность дальнѣйшаго обезпеченія спокойствія и порядка въ государствѣ.

---

16 Ноября 1907 года.

Для успѣха совмѣстной работы вашей съ Правительствомъ вамъ надлежитъ быть освѣдомленными о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ Правительствомъ, о способахъ, намѣченныхъ для ихъ достиженія, и о существѣ законодательныхъ его предположеній.

Ясная и опредѣленная правительственная программа является, въ этихъ видахъ, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то, что я еще такъ недавно излагалъ передъ второй Думой правительственные законопроекты, оставшіеся съ тѣхъ поръ безъ разсмотрѣнія, мнѣ приходится вновь выступить передъ настоящимъ высокимъ собраніемъ съ заявленіемъ отъ имени Правительства.

Хотя на разсмотрѣніе ваше, господа члены Государственной Думы, вносятся тѣ же, за малыми исключеніями и измѣненіями, законопроекты, которые внесены были во вторую Думу, но условія, при которыхъ приходится

работать и достигать тѣхъ же цѣлей, не остались безъ измѣненія.

Для всѣхъ теперь стало очевиднымъ, что разрушительное движеніе, созданное крайними лѣвыми партіями, превратилось въ открытое разбойничество и выдвинуло впередъ всѣ противообщественные преступные элементы, разоряя честныхъ тружениковъ и развращая молодое поколѣніе. (*Одушительныя рукоплесканія центра и справа; возгласы:* браво).

Противопоставить этому явленію можно только силу (*возгласы:* браво *и рукоплесканія въ центрѣ и справа*). Какія либо послабленія въ этой области Правительство сочло бы за преступленіе, такъ какъ дерзости враговъ общества возможно положить конецъ лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ средствъ защиты.

По пути искорененія преступныхъ выступленій шло Правительство до настоящаго времени—этимъ путемъ пойдетъ оно и впредь.

Для этого Правительству необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи въ качествѣ орудія власти должностныхъ лицъ, связанныхъ чувствомъ долга и государственной отвѣтственности. (*Возгласы:* браво *и рукоплесканія въ центрѣ и справа*). Поэтому проведеніе ими личныхъ политическихъ взглядовъ и впредь будетъ считаться несовмѣстимымъ

съ государственной службой. (*Голоса въ центрѣ и справа:* браво).

Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внѣдрены и въ школѣ, и новый строй ея, конечно, не можетъ препятствовать Правительству предъявлять соотвѣтственныя требованія къ педагогическому ея персоналу.

Сознавая настоятельность возвращенія государства отъ положенія законовъ исключительныхъ къ обыденному порядку, Правительство рѣшило всѣми мѣрами укрѣпить въ странѣ возможность быстраго и правильнаго судебнаго возмездія.

Оно пойдетъ къ этому путемъ созидательнымъ, твердо вѣря, что, благодаря чувству государственности и близости къ жизни русскаго судебнаго сословія, Правительство не будетъ доведено смутой до необходимости послѣдовать примѣру одного изъ передовыхъ западныхъ государствъ и предложить законодательному собранію законопроектъ о временной пріостановкѣ судебной несмѣняемости.

При наличіи Государственной Думы, задачи Правительства въ дѣлѣ укрѣпленія порядка могутъ только облегчиться, такъ какъ помимо средствъ на преобразованіе администраціи и полиціи Правительство разсчитываетъ получить цѣнную поддержку пред-

ставительныхъ учрежденій, путемъ обличенія незакономѣрныхъ поступковъ властей какъ относительно превышенія власти, такъ и бездѣйствія оной. *(Въ центрѣ и справа возгласы*: браво*)*.

При этихъ условіяхъ Правительство надѣется обезпечить спокойствіе страны, что дастъ возможность всѣ силы законодательныхъ собраній и Правительства обратить къ внутреннему ея устроенію.

Устроеніе это требуетъ крупныхъ преобразованій, но всѣ улучшенія въ мѣстныхъ распорядкахъ въ судѣ и администраціи останутся поверхностными, не проникнутъ вглубь, пока не будетъ достигнуто поднятіе благосостоянія основного земледѣльческаго класса государства. (*Въ центрѣ и справа возгласы*: браво).

Поставивъ на ноги, давъ возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомилліонному сельскому населенію, законодательное учрежденіе заложитъ то основаніе, на которомъ прочно будетъ воздвигнуто преобразованное русское государственное зданіе.

Поэтому коренною мыслью теперешняго Правительства, руководящею его идеею, былъ всегда вопросъ землеустройства.

Не безпорядочная раздача земель, не успокоеніе бунта подачками—бунтъ погашается

силою, а признаніе неприкосновенности частной собственности и, какъ послѣдствіе, отсюда вытекающее, созданіе мелкой личной земельной собственности (*рукоплесканія центра и справа*), реальное право выхода изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшеннаго землепользованія—вотъ задачи, осуществленіе которыхъ Правительство считало и считаетъ вопросами бытія русской Державы. *(Рукоплесканія въ центрѣ и справа).*

Но задачи Правительства осуществляются дѣйствіемъ. Поэтому никакія политическія событія не могли остановить дѣйствія Правительства въ этомъ направленіи, какъ не могли они остановить хода самой жизни. Вслѣдствіе сего Правительство считаетъ, что исполнило свой долгъ, осуществивъ рядъ аграрныхъ мѣропріятій въ порядкѣ ст. 87 Зак. Осн. и будетъ защищать ихъ передъ законодательными учрежденіями, отъ которыхъ ждетъ усовершенствованія, быть можетъ, поправокъ въ нихъ, но въ конечномъ результатѣ, твердо надѣется на приданіе имъ прочной силы путемъ законодательнаго утвержденія.

На устойчиво заложенномъ, такимъ образомъ, основаніи, Правительство предложитъ вамъ строить необходимыя для страны преобразованія, посредствомъ расширенія и переустройства мѣстнаго самоуправленія, ре-

формы мѣстнаго управленія, развитія просвѣщенія и введенія цѣлаго ряда усовершенствованій въ строѣ мѣстной жизни, между которыми государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, страхованія ихъ и обезпеченіе имъ врачебной помощи останавливаютъ теперь особенное вниманіе Правительства. Соотвѣтственные проекты готовы. Большинство ихъ вносится немедленно въ Государственную Думу. Другіе же, какъ затрагивающіе многосторонніе, мѣстные интересы, будутъ предварительно проводиться черезъ Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и вноситься въ Думу постепенно, съ принятыми Правительствомъ поправками и, во всякомъ случаѣ, съ заключеніемъ названнаго Совѣта. Такой порядокъ устанавливается Правительствомъ въ виду того, что опубликованные во время сессіи 2-й Думы законопроекты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ вызвали оживленное обсужденіе на мѣстахъ и многочисленныя ходатайства о передачѣ ихъ на заключеніе Земскихъ Собраній. Замѣчанія мѣстныхъ дѣятелей могутъ быть быстрѣе всего сведены въ одно цѣлое и соображены Правительствомъ, путемъ живого общенія съ представителями земствъ и городовъ, и результаты этой работы должны послужить драгоцѣннымъ матеріаломъ для

законодательныхъ учрежденій и особенно ихъ коммисій.

Задержки въ работахъ Государственной Думы это не вызоветъ, такъ какъ Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства созывается незамедлительно, и, по мѣрѣ разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, они будутъ тотчасъ же передаваться въ Государственную Думу, а до того времени Государственная Дума будетъ имѣть возможность разсмотрѣть цѣлый рядъ непосредственно вносимыхъ въ Думу законопроектовъ, перечень которыхъ представляется вмѣстѣ съ симъ. Изъ проектовъ, касающихся земельнаго устройства, нынѣ же вносится въ Государственную Думу проектъ о земельныхъ обществахъ; въ области мѣстныхъ преобразованій принципіальное значеніе имѣетъ представляемый въ Думу проектъ Министерства Юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда, такъ какъ въ зависимости отъ принятія этого законопроекта стоитъ проведеніе въ жизнь другого—о неприкосновенности личности и цѣлый рядъ преобразованій въ мѣстномъ управленіи.

Точно также подлежали бы разсмотрѣнію въ первую очередь всѣ принципіальные законопроекты по другимъ вѣдомствамъ, а также тѣ, которые указываютъ правильный

путь къ осуществленію дарованныхъ Высочайшими манифестами населенію благъ.

При этомъ Правительство почтетъ своимъ долгомъ, въ принадлежащей ему области, содѣйствовать всѣмъ мѣропріятіямъ на пользу господствующей церкви и духовнаго сословія. (*Рукоплесканія справа*).

Правительство надѣется въ скоромъ времени предложить на обсужденіе Государственной Думы также проекты самоуправленія на нѣкоторыхъ окраинахъ, примѣнительно къ предполагаемому новому строю внутреннихъ губерній, причемъ идея государственнаго единства и цѣлости будетъ для Правительства руководящей. (*Рукоплесканія въ центрѣ и справа*).

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшія отношенія со всѣми державами, особыя заботы Правительства будутъ направляться къ осуществленію воли Державнаго Вождя нашихъ вооруженныхъ силъ о постановкѣ ихъ на ту высоту, которая соотвѣтствуетъ чести и достоинству Россіи. (*Рукоплесканія въ центрѣ и справа*).

Для этого нужно напряженіе матеріальныхъ силъ страны, нужны средства, которыя будутъ испрошены у васъ, посланныхъ сюда страной для ея успокоенія и упроченія ея могущества.

Отъ наличія средствъ зависитъ, очевидно, осуществленіе всѣхъ реформъ и разрѣшеніе вопроса о послѣдовательности ихъ проведенія въ жизнь. Поэтому подсчетъ средствъ, которыми располагаетъ государство, является работой не только основною, но и самой срочною. Вамъ придется вслѣдствіе сего неминуемо обратиться въ первую очередь къ обсужденію внесенной въ Государственную Думу государственной росписи и при этомъ считаться, конечно, съ неизбѣжностью сохранить бюджетное равновѣсіе, какъ основу возсозданія русскаго кредита.

Съ своей стороны Правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы облегчить работу законодательныхъ учрежденій и осуществить на дѣлѣ мѣропріятія, которыя, пройдя черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ и получивъ утвержденіе Государя Императора, несомнѣнно возстановятъ порядокъ и укрѣпятъ прочный, правовой укладъ, соотвѣтствующій русскому народному самосознанію.

Въ этомъ отношеніи Монаршая Воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная Власть, несмотря на встрѣченныя Ею на пути чрезвычайныя трудности, дорожитъ самыми основаніями законодательнаго порядка, вновь установленнаго въ странѣ и опредѣлившаго предѣлы Высочайше даро-

ваннаго ей представительнаго строя. *(Рукоплесканія въ центрѣ и справа).*

Проявленіе Царской Власти во всѣ времена показывало также воочію народу, что историческая Самодержавная Власть *(бурныя рукоплесканія и возгласы справа*: браво)... историческая Самодержавная Власть и свободная Воля Монарха являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта Власть и эта Воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана, въ минуты потрясеній и опасности для государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды. *(Бурныя рукоплесканія и возгласы*: браво, *въ центрѣ и справа).*

16 Ноября 1907 г.

Слушая раздававшіяся тутъ нареканія и обвиненія противъ Правительства, я спрашивалъ себя, долженъ ли я, глава Правительства, идти по пути словеснаго спора, словеснаго поединка и давать только пищу новымъ рѣчамъ въ то время, какъ страна съ напряженнымъ вниманіемъ и вымученнымъ нетерпѣніемъ ждетъ отъ насъ сѣрой повседневной работы, скрытый блескъ которой можетъ обнаружиться только со временемъ. И конечно, не для пустого спора, не изъ боязни того, что Правительство назовутъ безотвѣтнымъ, также, какъ понапрасну называли его въ прошлой Думѣ —«безотвѣтственнымъ», выступаю я съ разъясненіемъ, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, въ чемъ именно Правительство будетъ черпать руководящія начала своей дѣятельности, куда оно идетъ и куда ведетъ страну? Только то Правительство имѣетъ право на существованіе, которое обладаетъ

зрѣлой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль Правительства, опредѣленно выраженная въ прочитанномъ мною заявленіи отъ имени Правительства, несомнѣнно затемнена послѣдующими рѣчами, вслѣдствіе этого я и попросилъ слова. Я обойду мимо тѣ попреки, которые тутъ раздавались слѣва относительно акта 3 іюня. Не мнѣ конечно защищать право Государя спасать въ минуты опасности ввѣренную Ему Богомъ державу *(рукоплесканія въ центрѣ и справа)*. Я не буду отвѣчать и на то обвиненіе, что мы живемъ въ какой-то восточной деспотіи. Мнѣ кажется, что я уже ясно отъ имени Правительства указалъ, что строй, въ которомъ мы живемъ—это строй представительный, дарованный Самодержавнымъ Монархомъ, и слѣдовательно обязательный для всѣхъ Его вѣрноподданныхъ *(рукоплесканія въ центрѣ и справа)*. Но я не могу, господа, не остановиться на нареканіяхъ третьяго характера, на обвиненіяхъ въ томъ, что Правительство стремится создать въ Россіи какое-то полицейское благополучіе, что оно стремится сжать весь народъ въ тискахъ какого-то произвола и насилія. Это не такъ. Относительно того, что говорилось тутъ представителемъ Царства Польскаго, я скажу впослѣдствіи. Покуда же скажу нѣсколько словъ о двухъ упрекахъ, слышанныхъ мною

отъ послѣдняго оратора: о томъ, что говорилось тутъ о судебной несмѣняемости, и о томъ, что я слышалъ о политической дѣятельности служащихъ. То, что сказано было относительно несмѣняемости судей, принято было тутъ за угрозу. Мнѣ кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мнѣ кажется, что для всѣхъ прибывшихъ сюда со всѣхъ сторонъ Россіи ясно, что при теперешнемъ кризисѣ, который переживаетъ Россія, судебный аппаратъ иногда аппаратъ слишкомъ тяжеловѣсный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имѣетъ несомнѣнно и политическій характеръ. Вспомните политическія убійства, которыя такъ краснорѣчиво были описаны тутъ г. Розановымъ, нарисовавшимъ намъ картину убійства всѣхъ свидѣтелей до послѣдняго, до шестилѣтней дѣвочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесенія обвинительнаго приговора. Нечего говорить о томъ, что судъ дѣйствительно можетъ находиться и самъ подъ вліяніемъ угрозъ, и при политическомъ хаосѣ, гипнозѣ, онъ можетъ иногда дѣйствовать и несвободно. Не съ угрозой, господа, не съ угрозой мы шли сюда, а съ открытымъ забраломъ заявили, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣстахъ стоятъ люди не достаточно твердые, когда дѣло идетъ о спасеніи родины,

тогда приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не входятъ въ обиходъ жизни нормальной. Я упомянулъ тогда объ одной изъ передовыхъ странъ—страна эта Франція—гдѣ несмѣняемость судей была временно пріостановлена—этому насъ учитъ исторія, вѣдь это фактъ. Тутъ говорили о политической дѣятельности служащихъ, говорили о томъ, что нужна безпартійность, что нельзя вносить партійность въ эту дѣятельность. Я скажу, что Правительство, сильное Правительство должно на мѣстахъ имѣть исполнителей испытанныхъ, которые являются, его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно Правительство не совершитъ ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будетъ имѣть въ своихъ рукахъ совершенный аппаратъ исполнительной власти. Затѣмъ перейду къ дальнѣйшему. Насъ тутъ упрекали въ томъ, что Правительство желаетъ въ настоящее время обратить всю свою дѣятельность исключительно на репрессіи, что оно не желаетъ заняться работой созидательной, что оно не желаетъ подложить фундаментъ права—то правовое основаніе, въ которомъ несомнѣнно нуждается въ моменты созиданія каждое государство и тѣмъ болѣе въ настоящую историческую минуту Россія. Мнѣ кажется, что мысль Правительства иная. Правительство, на

ряду съ подавленіемъ революціи, задалось задачей поднять населеніе до возможности на дѣлѣ, въ дѣйствительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянинъ бѣденъ, пока онъ не обладаетъ личною земельною собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины, онъ останется рабомъ, и никакой писаный законъ не дастъ ему блага гражданской свободы. *(Рукоплесканія въ центрѣ и справа).* Для того, чтобы воспользоваться этими благами, вѣдь, нужна извѣстная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мнѣ, господа, вспомнились слова нашего великаго писателя Достоевскаго, что «деньги—это чеканенная свобода». Поэтому Правительство не могло не идти навстрѣчу, не могло не дать удовлетворенія тому врожденному у каждаго человѣка, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода, какъ всякое другое природное свойство человѣка. Вотъ почему раньше всего и прежде всего Правительство облегчаетъ крестьянамъ переустройство ихъ хозяйственнаго быта и улучшеніе его и желаетъ изъ совокупности надѣльныхъ земель и земель, пріобрѣтенныхъ въ правительственный фондъ, создать источникъ личной собственности. Мелкій земельный собственникъ не-

сомнѣнно явится ядромъ будущей мелкой земской единицы; онъ, трудолюбивый, обладающій чувствомъ собственнаго достоинства, внесетъ въ деревню и культуру, и просвѣщеніе, и достатокъ.

Вотъ тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится въ свободу настоящую, которая, конечно, слагается изъ гражданскихъ вольностей и чувства государственности и патріотизма. *(Рукоплесканія въ центрѣ и справа. Возгласы:* браво*).* При этихъ условіяхъ, будетъ имѣть успѣхъ идея мѣстнаго суда, будетъ имѣть успѣхъ и идея суда административнаго, который необходимъ, какъ основа всякаго успѣха въ мѣстномъ управленіи. Тутъ говорилось о децентрализаціи. Представитель Царства Польскаго говорилъ о необходимости для Правительства особенно въ теперешнюю минуту черпать силу не въ бюрократической централизаціи, а въ томъ, чтобы привлечь мѣстныя силы къ самоуправленію, съ тѣмъ, чтобы они заполнили тотъ пробѣлъ, который неизбѣжно скажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократію. Прежде всего скажу, что противъ этого Правительство возражать не будетъ, но долженъ заявить, что та сила самоуправленія, на которую будетъ опираться Правительство, должна быть всегда силой національной. *(Рукоплесканія въ*

центрѣ и справа). Намъ говорилось о томъ, что въ 1828 г. въ Царствѣ Польскомъ пропорціонально было больше школъ, чѣмъ въ 1900 г. Я на это отвѣчу слѣдующее: теперь можетъ быть не только мало школъ, но тамъ нѣтъ даже высшаго учебнаго заведенія, и высшаго учебнаго заведенія тамъ нѣтъ потому, что тѣ граждане, которые только что назвали себя гражданами «второго разряда» не хотятъ пользоваться въ высшей школѣ общегосударственнымъ русскимъ языкомъ. *(Бурныя рукоплесканія въ центрѣ и справа. Возгласы:* браво*).* Вотъ сплотитесь общенаціональнымъ цементомъ и тогда, господа, требуйте отъ насъ децентрализаціи. *(Бурныя рукоплесканія въ центрѣ и справа).* Децентрализація можетъ идти только отъ избытка силъ. Могущественная Англія, конечно, даетъ всѣмъ составнымъ частямъ своего государства весьма широкія права, но это отъ избытка силъ; если же этой децентрализаціи требуютъ отъ насъ въ минуту слабости, когда ее хотятъ вырвать и вырвать вмѣстѣ съ такими корнями, которые должны связывать всю имперію, вмѣстѣ съ тѣми нитями, которыя должны скрѣпить центръ съ окраинами, тогда, конечно, Правительство отвѣтитъ: нѣтъ! *(Бурныя рукоплесканія въ центрѣ и справа).* Станьте сначала на нашу точку зрѣнія, признайте, что высшее благо—это быть русскимъ гражданин-

номъ, носите это званіе такъ же высоко, какъ носили его когда то римскіе граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами перваго разряда и получите всѣ права. (*Рукоплесканія въ центрѣ и справа*). Я хочу еще сказать, что всѣ тѣ реформы, все то, что только что Правительство предложило вашему вниманію, вѣдь это не сочинено, мы ничего насильственно, механически не хотимъ внѣдрять въ народное самосознаніе, все это глубоко національно. Какъ въ Россіи до Петра Великаго, такъ и въ послѣ-петровской Россіи мѣстныя силы всегда несли служебныя государственныя повинности. Вѣдь сословія и тѣ никогда не брали примѣра съ запада, не боролись съ центральной властью, а всегда служили ея цѣлямъ. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу въ этихъ русскихъ національныхъ началахъ. Каковы они? Въ развитіи земщины, въ развитіи, конечно, самоуправленія, передачи ему части государственныхъ обязанностей, государственнаго тягла и въ созданіи на низахъ крѣпкихъ людей земли, которые были бы связаны съ государственной властью. Вотъ нашъ идеалъ мѣстнаго самоуправленія такъ же, какъ нашъ идеалъ наверху—это развитіе дарованнаго Государемъ странѣ законодательнаго, новаго представительнаго строя, который долженъ

придать новую силу и новый блескъ Царской Верховной Власти. Вѣдь Верховная Власть является хранительницей идеи русскаго государства, она олицетворяетъ собой ея силу и цѣльность и, если быть Россіи, то лишь при усиліи всѣхъ сыновъ ея охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россію и оберегающую ее отъ распада. Самодержавіе Московскихъ Царей не походитъ на самодержавіе Петра, точно такъ же, какъ и самодержавіе Петра не походитъ на самодержавіе Екатерины II и Царя-Освободителя. Вѣдь русское государство расло, развивалось изъ своихъ собственныхъ русскихъ корней и вмѣстѣ съ нимъ, конечно, видоизмѣнялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужой, чужестранный цвѣтокъ. (*Бурныя рукоплесканія въ центрѣ и справа*). Пусть расцвѣтетъ нашъ родной русскій цвѣтъ, пусть онъ расцвѣтетъ и развернется подъ вліяніемъ взаимодѣйствія Верховной Власти и дарованнаго Ею новаго представительнаго строя. Вотъ, господа, зрѣло обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено Правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомнѣнно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецѣло въ Правительствѣ. Но этого

недостаточно, недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усиліе и съ другой стороны. Ихъ ждетъ Государь, ихъ ждетъ страна. Дайте же вашъ порывъ, дайте вашу волю въ сторону государственнаго строительства, не брезгуйте черной работой вмѣстѣ съ Правительствомъ. (*Возгласы:* браво *и рукоплесканія въ центрѣ и справа*). Я буду просить позволенія не отвѣчать на другіе, слышанныя тутъ попреки. Мнѣ представляется, что когда путникъ направляетъ свой путь по звѣздамъ, онъ не долженъ отвлекаться встрѣчными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо дѣйствій Правительства и его намѣреній. Я думаю, что, превращая Думу въ древній циркъ, въ зрѣлище для толпы, которая жаждетъ видѣть борцовъ, ищущихъ въ свою очередь соперниковъ для того, чтобы доказать ихъ ничтожество и безсиліе, я думаю, что я совершилъ бы ошибку. Правительство должно избѣгать лишнихъ словъ, но есть слова, выражающія чувства, отъ которыхъ въ теченіе столѣтій усиленно бились сердца русскихъ людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлѣны въ мысляхъ и отражаться въ дѣлахъ правителей. Слова эти: неуклонная приверженность къ русскимъ историческимъ

началамъ (*рукоплесканія въ центрѣ и справа*) въ противовѣсъ безпочвенному соціализму. Это желаніе, это страстное желаніе обновить, просвѣтить и возвеличить родину, въ противность тѣмъ людямъ, которые хотятъ ея распада, это, наконецъ, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россію. Вотъ, господа, все, что я хотѣлъ сказать. Сказалъ, что думалъ и какъ умѣлъ. (*Бурныя рукоплесканія въ центрѣ и справа*).

31 марта 1908 года.

Господа члены Государственной Думы! Вопросъ о сооруженіи Амурской желѣзной дороги казался мнѣ настолько яснымъ, обязанность Правительства представлялась мнѣ настолько безспорной и необходимость новыхъ народныхъ жертвъ на это народное дѣло настолько настоятельной, что я никакъ не могъ предвидѣть сколько нибудь горячихъ преній по этому вопросу и въ первый разъ, когда онъ былъ поставленъ на повѣстку, я въ Думу даже не пріѣхалъ. Теперь я вижу, что дѣло стоитъ иначе—вопросъ о необходимости дороги вызываетъ серьезныя сомнѣнія и само рѣшеніе Правительства кажется многимъ большой политической ошибкой. Вслѣдствіе этого, выслушавъ ораторовъ главныхъ думскихъ партій, я нахожу, что и Правительство должно болѣе подробно развить свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ, такъ какъ именно въ этомъ существенномъ вопросѣ, казалось бы мнѣ, между Правитель-

ствомъ и большинствомъ народнаго представительства не должно бы быть разномыслія. Почему я такъ думаю,—я скажу далѣе, а теперь позвольте мнѣ обратиться къ доводамъ моихъ противниковъ. Доводы эти, какъ я понялъ, сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующему: трата 238.000.000 р. или болѣе на желѣзную дорогу въ настоящее время является для государства непосильной и даже, можетъ быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно все напряженіе его силъ для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, самый процессъ самоизлеченія будетъ обреченъ на неуспѣхъ и на неудачу. Между тѣмъ, Правительство берется за случайное предпріятіе, идетъ противъ народной нужды, народной пользы и даже не считается и съ будущими поколѣніями, которыя никогда не выбьются изъ нищеты, разъ мы отягощаемъ ихъ гнетомъ новаго непомѣрнаго долга. Но мало того, Правительство берется за дѣло не только разорительное, а за дѣло прямо опасное; Правительство, повидимому, по словамъ нашихъ противниковъ, не поняло уроковъ новѣйшей исторіи, не поняло, насколько намъ нуженъ глубокій миръ и насколько всякая наша активная политика на Дальнемъ Востокѣ можетъ быть для Россіи гибельна. Что касается стратегическихъ соображеній, то противникамъ нашимъ кажется,

что желѣзнодорожная линія вдоль границы государства можетъ стать развѣ только легкимъ призомъ для нашихъ непріятелей и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить въ этомъ отдаленномъ краѣ крѣпости. Но разъ отпадаютъ стратегическія соображенія, то что же остается? Нельзя же серьезно говорить объ экономическомъ значеніи края, который находится въ состояніи вѣчной мерзлоты, гдѣ годичная температура ниже нуля. Чтобы представить полную картину возраженій, надо припомнить еще одно возраженіе, на этотъ разъ идущее изъ самой комиссіи, которая находитъ, что начальный пунктъ дороги долженъ быть не въ Нерчинскѣ, а въ Куенгѣ. Если бы Правительство оставило всѣ эти возраженія безъ отвѣта, то это было бы почти равносильно признанію необдуманности правительственнаго плана, признанія ошибки въ его расчетѣ, что тѣмъ болѣе непростительно, что Правительствомъ не только внесенъ въ Думу законопроектъ, но онъ уже приводится въ исполненіе на основаніи ст. 87 Зак. Осн. Я ничуть не хочу ослабить отвѣтственности Правительства, но я надѣюсь доказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленіемъ передъ страной является не принятая во время на себя отвѣтственность, а прикрытая боязнью отвѣтственности бездѣятельность. (*Голоса справа и*

изъ центра: браво). Большинство думскихъ партій находитъ, что у Правительства не было опредѣленнаго политическаго плана, что имъ не руководила опредѣленная государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы, которая толкала бы его на спѣшное энергичное приведеніе въ дѣйствіе этого предпріятія. Правительство, по мнѣнію нашихъ противниковъ, шло по инерціи, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно безсмысленно слѣдовало въ прежнемъ направленіи прежней нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на томъ, что Правительство взвѣсило именно наше положеніе послѣ дальневосточной войны, что Правительство имѣло въ виду мудрое изреченіе Екатерины Великой gouverner c'est prévoir, «управлять—это предвидѣть». Правительство, прежде, чѣмъ принять рѣшеніе, имѣло въ виду всю совокупность всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя здѣсь были высказаны.

Начиная защиту правительственнаго проекта, я долженъ высказать признаніе, что многое изъ того, что тутъ говорилось, соотвѣтствуетъ правдѣ, и если строить государственную политику на сопоставленіи видимыхъ фактовъ, то можетъ быть отъ постройки Амурской желѣзной дороги надлежало бы и отказаться, но припоминая всѣ доказатель-

ства, всѣ факты, которые здѣсь приводились, ссылки на негодность нашего колонизаціоннаго матеріала, бѣдность и пустынность отдаленной окраины, на убыточность желѣзной дороги, на ту массу средствъ, которыя придется на нее затратить, мнѣ, господа, припоминалось врѣзавшееся въ мою память одно сравненіе, высказанное знаменитымъ нашимъ ученымъ Менделѣевымъ и обращенное когда-то давно уже къ намъ, только что поступившимъ въ университетъ студентамъ 1 курса. Говоря о видимыхъ явленіяхъ природы, знаменитый профессоръ предостерегалъ насъ не поддаваться первымъ впечатлѣніямъ, такъ какъ видимая правда часто противорѣчитъ истинѣ. «Вѣдь правда, неоспоримая правда для всякаго непосредственнаго наблюдателя», говорилъ Менделѣевъ, «что солнце вертится вокругъ земли, между тѣмъ истина, добытая пытливымъ умомъ человѣка, противорѣчитъ этой правдѣ». Насколько же соотвѣтствуетъ истинѣ, исторической національной истинѣ, та правда, которая только что развивалась передъ вами съ этого мѣста? Я прежде всего остановлюсь на стратегическихъ соображеніяхъ и сдѣлаю оговорку, что, несомнѣнно, мы должны быть сильны на нашемъ Дальнемъ Востокѣ не для борьбы, а для прикрытія нашей національной культурной работы, которая является и нашей исторической мис-

сіей. И въ этомъ отношеніи Военное Министерство право, настаивая на проведеніи въ жизнь своихъ стратегическихъ соображеній. Нѣкоторыя изъ нихъ развивалъ тутъ Помощникъ Военнаго Министра, я же только упомяну о томъ, что несомнѣнно постройка дороги освободитъ государственное казначейство отъ многихъ расходовъ на содержаніе сильной арміи на Дальнемъ Востокѣ, освободитъ государственное казначейство и отъ необходимости постройки казармъ для этихъ военныхъ силъ. При громадности нашей территоріи, неоспоримо важно имѣть возможность перебрасывать армію изъ одного угла страны въ другой. Никакія крѣпости, господа, вамъ не замѣнятъ путей сообщенія. Крѣпости являются точкой опоры для арміи; слѣдовательно, самое наличіе крѣпостей требуетъ или наличія въ краѣ арміи, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при другихъ обстоятельствахъ, чтобы ни говорили, крѣпость въ концѣ концовъ падаетъ и становится точкой опоры для чужихъ войскъ, для чужой арміи. Наши государственныя границы равняются 18,000 верстъ. Мы граничимъ съ 10 государствами, мы занимаемъ одну седьмую часть земной суши. Какъ же не понять, что при такихъ обстоятельствахъ первенствующей, главнѣйшей нашей задачей являются пути сообщенія? Пути сообщенія имѣютъ значеніе не только

стратегическое; не только на арміи зиждется могущество государства; оно зиждется и на другихъ основахъ. Дѣйствительно, отдаленныя, суровыя, ненаселенныя окраины трудно защитить одними привозными солдатами. Вѣрно то, что говорилъ предыдущій ораторъ, что война—это народное дѣло. Съ воодушевленіемъ свойственно человѣку защищать свои дома, свои поля, своихъ близкихъ. И эти поля, эти дома даютъ пріютъ, даютъ пропитаніе родной арміи. Поэтому, въ стратегическомъ отношеніи, арміи важно имѣть оплотъ въ мѣстномъ населеніи. Но я повторяю, что, я не говорю о войнѣ, я понимаю, что для насъ высшимъ благомъ явился бы вѣчный миръ съ Японіей и Китаемъ, но и съ мирной точки зрѣнія важно, господа, можетъ быть еще важнѣе имѣть тотъ людской оплотъ, о которомъ я только что говорилъ. Докладчикъ комиссіи государственной обороны сказалъ тутъ, что природа не терпитъ пустоты. Я долженъ повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вмѣстѣ съ тѣмъ богата, богата золотомъ, богата лѣсомъ, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при такихъ обстоятельствахъ, господа, при наличіи государства, густонаселеннаго, сосѣдняго намъ, эта окраина не останется пустынной. Въ нее прососется чуже-

странецъ, если раньше не придетъ туда русскій, и это просачиваніе, господа, оно уже началось. Если мы будемъ спать летаргическимъ сномъ, то край этотъ будетъ пропитанъ чужими соками и, когда мы проснемся, можетъ быть, онъ окажется русскимъ только по названію. Я не только говорю объ Амурской области. Надо ставить вопросъ шире, господа. На нашей дальней окраинѣ, и на Камчаткѣ, и на побережьи Охотскаго моря уже начался какой-то недобрый процессъ. Въ нашъ государственный организмъ уже вклинивается постороннее тѣло. Для того, чтобы обнять этотъ вопросъ не только съ технической, съ стратегической точки зрѣнія, но съ болѣе широкой, общегосударственной, политической, надо признать, какъ важно для этой окраины заселеніе ея. Но возможно ли заселеніе безъ путей сообщенія? Недавно въ разговорѣ съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ нашихъ администраторовъ на Дальнемъ Востокѣ я выслушалъ заключеніе его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилкѣ, зависящей отъ разныхъ обстоятельствъ, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрѣзана отъ Амурской, и сообщеніе между этими областями возможно развѣ лишь посредствомъ воздушныхъ шаровъ. Какимъ же образомъ мы не только заселять, какимъ образомъ мы серьезно

изучать будемъ эти области безъ наличія дорогъ? Но намъ говорятъ, что вопросъ еще, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляетъ изъ себя тундру, гдѣ средняя годовая температура ниже нуля гдѣ царствуетъ вѣчная мерзлота. Но тутъ, господа, такое несоотвѣтствіе между правдою и истиной, что не трудно ее возстановить. Вѣчную мерзлоту мы наблюдаемъ вездѣ въ Сибири; мы наблюдаемъ ее и во Владивостокѣ, и въ Иркутской губерніи, и въ Енисейской губерніи— это наслѣдіе бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависитъ отъ покрова почвы— толстаго слоя торфа и мха. При побѣдоносномъ шествіи человѣка, при уничтоженіи этого покрова вытаптываніемъ и выжиганіемъ, мерзлота эта уходитъ вглубь земли. Точно также исчезаетъ и заболоченность. Что касается температуры, то тутъ вамъ говорилось о томъ, что въ зимнее время холода тамъ сильнѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи, но лѣтомъ тамъ температура выше. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Амурской области температура выше, чѣмъ въ Варшавѣ; она почти доходитъ до московской температуры, въ сентябрѣ теплѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Край этотъ не есть край неизвѣданный. Тутъ упоминалось объ изслѣдованіяхъ Старжинскаго, Крюкова и Семенова. Дѣйствительно, Семеновъ

говоритъ, что ему край этотъ кажется подобнымъ Германіи временъ Тацита, когда Германія считалась непроходимой, вслѣдствіе заболоченности. Но, господа, вспомните, что Германія представляетъ изъ себя теперь? Зачѣмъ впрочемъ далеко ходить за сравненіями? Обратите вниманіе на Уссурійскій край, о которомъ предшествующій ораторъ говорилъ, что онъ не заселяется. Господа, онъ заселяется. Заселяется, можетъ быть, не такъ скоро, какъ было бы желательно, но тѣ мѣста въ Уссурійскомъ краѣ, которыя недавно считались еще заболоченными, таежными, составляютъ въ настоящее время одну изъ главныхъ приманокъ для переселенцевъ. Вообще, на возможности заселенія этого края, хотя объ этомъ много говорилось, мнѣ всетаки приходится нѣсколько остановить ваше вниманіе. Желѣзная дорога, какъ вамъ извѣстно, пройдетъ по двумъ областямъ и дойдетъ до третьей. Начинается она съ Забайкальской области. Эта область по своему климату нѣсколько суровѣе сосѣдней Амурской, но климатъ въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе сухой, такъ что въ климатическомъ отношеніи не было никогда и сомнѣнія въ томъ, что полевая культура въ немъ возможна; несмотря на то, что подробныхъ изслѣдованій всего этого края не производилось, но отчасти онъ все же обслѣдованъ.

Въ настоящее время производится обслѣдованіе его сѣверной части — Бургузинской тайги; эта тайга представляетъ изъ себя большой интересъ, потому что тамъ земли, годной подъ полевую культуру, до 2,000,000 дес. Уже 500,000 дес. земли, по соглашенію вѣдомства Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія съ Кабинетомъ Его Величества, обслѣдованы. Тамъ отводятся участки для переселенцевъ. Баргузинская тайга интересна тѣмъ, что она граничитъ съ Витимскимъ побережьемъ, съ бассейномъ р. Витимъ; тамъ много плодородныхъ земель; эта мѣстность уже заселяется, и если она будетъ въ районѣ желѣзной дороги, или если желѣзная дорога будетъ къ ней приближена, то несомнѣнно это богатый край для заселенія. Въ немъ 13,000,000 дес., если считать отъ Баргузинской тайги на востокъ до Амурской области. Въ настоящемъ году будутъ обслѣдованы 2,000,000 дес. Баргузинской тайги, до 2,000,000 дес. въ Витимскомъ побережьи и отведено будетъ подъ переселеніе 151,000 дес. земли. Я долженъ на Забайкальской области остановить ваше вниманіе, такъ какъ тутъ интересенъ одинъ привходящій вопросъ, къ которому потомъ мнѣ не придется вернуться. Я говорю о начальномъ пунктѣ дороги. Какъ извѣстно, тутъ являются разногласія между

Правительствомъ и комиссіей путей сообщенія. Правительство предлагаетъ начальнымъ пунктомъ Нерчинскъ, комиссія предлагаетъ Куенгу. Мнѣ кажется, что для выбора начальнаго пункта нужны стратегическія соображенія съ одной стороны, переселенческія съ другой. О стратегическихъ соображеніяхъ вамъ тутъ говорилъ Помощникъ Военнаго Министра; что касается интересовъ переселенія, что же надо имѣть въ виду? Надо провести дорогу такъ, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной подъ переселеніе земли; затѣмъ, необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой мѣстности, которая могла бы быть заселена и затѣмъ, чтобы подступъ къ самой колеѣ былъ наиболѣе легокъ и удобенъ. Всѣмъ этимъ условіямъ соотвѣтствуетъ варіантъ Нерчинскій уже потому, что по этому варіанту желѣзнодорожная колея приближается именно къ тѣмъ землямъ Витимскаго побережья, о которыхъ я говорилъ. Говорятъ, что разница разстоянія между Куенгинскимъ и Нерчинскимъ варіантомъ только нѣсколько десятковъ верстъ. Но, господа, для переселенцевъ и это важно. Затѣмъ, по Нерчинскому направленію дорога проходитъ по долинѣ р. Нерчи и въ самой долинѣ этой теперь уже до 750,000 дес. земель, назначаемыхъ для переселенія; затѣмъ, эта долина очень

удобна для проведенія колесныхъ дорогъ. Удаляя дорогу въ Куенгу, вы ее удаляете какъ можно дальше отъ заселенныхъ мѣстъ и прячете въ каменный мѣшокъ. Дорога пройдетъ здѣсь въ скалистомъ ущельѣ и будетъ не только удалена отъ переселенческаго района, но будетъ для него недоступна; переселенецъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ недоумѣвать, почему начало дороги проведено по мѣстности не населенной, которая и не можетъ быть заселена, и при томъ по мѣстности скалистой, недоступной. Приведу еще одно соображеніе. Измѣненіе направленія несомнѣнно послужитъ къ замедленію самой постройки. Въ настоящее время все вѣдь налажено для Нерчинскаго направленія; затѣмъ, если измѣнить направленіе, изучать новое направленіе, составлять чертежи новыхъ мостовъ, то это несомнѣнно будетъ серьезнымъ тормозомъ, и можетъ привести насъ къ потери цѣлаго строительнаго періода. Что касается финансовой стороны, то Куенгинское направленіе представляетъ уже не такое крупное преимущество, такъ какъ дастъ, конечно, гораздо болѣе расходовъ по ремонту скалистаго пути и затѣмъ вызоветъ необходимость въ постройкѣ соединительной вѣтви между станціей Нерчинскъ и городомъ Нерчинскъ. Это я сказалъ попутно и теперь возвращаюсь

къ желѣзной дорогѣ. Дальше она пойдетъ по Амурской области. Въ Амурской области климатъ болѣе влажный, тамъ болѣе жаркое лѣто и, конечно, для нашихъ сѣрыхъ зерновыхъ хлѣбовъ онъ менѣе удобенъ, чѣмъ наши среднія европейскія губерніи. Но, господа, пора оставить то рутинное мнѣніе, что наши переселенцы должны двигаться, неся съ собой наши сѣрые зерновые хлѣба. Тотъ же самый Крюковъ, о которомъ здѣсь такъ часто упоминали, удостовѣряетъ, что область эта вполнѣ пригодна для растеній бобовыхъ, для китайскаго гаоляна и, наконецъ, для огородныхъ овощей. Край этотъ не есть загадка: въ немъ живутъ. О низменности между Зеей и Буреей тутъ много говорилось. Тамъ уже взято 800,000 дес. земли подъ переселеніе. Въ этой равнинѣ живутъ только тѣ молокане, о которыхъ тутъ упоминалось, степень культуры которыхъ высока и которые обрабатываютъ землю американскими машинами. На этихъ пресловутыхъ американскихъ машинахъ позвольте, господа, остановиться. Предыдущій ораторъ сказалъ, что тотъ, кто призываетъ страну къ жертвамъ, долженъ представить полную картину мотивовъ, вызывающихъ эти жертвы. Господа, мнѣ кажется, что и то лицо, которое опровергаетъ мотивы Правительства, должно тоже представить вамъ вѣрныя осно-

ванія своей аргументаціи; поэтому я полагаю, что оно должно выходить на эту каѳедру съ провѣреннымъ багажемъ, и то, что оно вамъ говоритъ, должно соотвѣтствовать не только правдѣ, но и истинѣ, (*Рукоплесканія центра и справа*). Между тѣмъ я удостовѣряю, что предыдущій ораторъ не ознакомился даже съ представленіемъ Правительства въ Государственную Думу относительно снятія порто-франко, потому что, если бы онъ прочелъ его, то для него стало бы яснымъ, что Правительство, уничтожая порто-франко, возвращается къ закону 1900 г., по которому, я цитирую самое представленіе, «всѣ фабрично-заводскія производства, какъ-то: сельско-хозяйственныя машины, сѣмена, всякаго рода живыя растенія, землеудобрительныя вещества, орудія, ремесленно-строительные матеріалы, освобождаются отъ уплаты пошлины». (*Рукоплесканія справа и центра*). Поэтому, мнѣ кажется, что наши молокане, которые живутъ и достигли въ достаточной степени благосостоянія въ этой мѣстности, являются для насъ живымъ примѣромъ не только прошедшаго, но и того, что можетъ быть достигнуто въ будущемъ. Но не только бассейнъ между Зеей и Буреей долженъ васъ интересовать. Вверхъ по р. Зеѣ имѣются громадныя пространства земли, годныя подъ

переселеніе. Если брать отъ Зеи на западъ, въ направленіи къ Забайкальской области, вдоль теченія не только р. Зеи, но и Уркана, мы найдемъ до 13,000.000 дес. земли, годной подъ переселеніе. Вверхъ по р. Буреѣ мы находимъ у молоканъ не только зерновые хлѣба, не только урожай зернового хлѣба, но и хорошій урожай кукурузы, бахчи, арбузовъ и дынь. Затѣмъ по строящемуся колесному тракту отъ Благовѣщенска до Хабаровска открываются еще милліоны десятинъ земли, годныхъ подъ заселеніе. Но желѣзная дорога оживитъ несомнѣнно и конечный пунктъ, въ который она упирается, она оживитъ находящіяся отчасти въ Приморской области долины рр. Биры, Куры и Амгуни. Тутъ важно не только полеводство, тутъ важно и скотоводство, тутъ важны особенно рыбный промыселъ, лѣсной промыселъ. Пора оставить то повѣрье, что переселенецъ можетъ жить только тамъ, гдѣ преобладаетъ земледѣліе; достаточно уже китайскіе старатели унесли нашего золота въ Китай. Много лежитъ нашего богатства въ той области, стоитъ только упомянуть о лѣсной торговлѣ. Въ Китай и Японію привозится исключительно американскій (орегонскій) лѣсъ, а наши амурскія лѣсныя богатства остаются нетронутыми, нетронутыми потому, что мы не умѣемъ приноравливаться

къ потребностямъ покупателя, потому что мы не умѣемъ разрабатывать наши лѣсные матеріалы. Уже этихъ данныхъ, казалось бы, достаточно для того, чтобы понять, что оставлять этотъ край безъ вниманія было бы проявленіемъ громадной государственной расточительности. Край этотъ нельзя огородить каменной стѣной. Востокъ проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмутъ ихъ, хотя бы путемъ мирнаго проникновенія, возьмутъ ихъ другіе. Я нарочито не ставлю этотъ вопросъ въ связь съ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса въ Европейской Россіи. Вопросъ амурскій важенъ самъ по себѣ, это вопросъ самодовлѣющій, но я долженъ настоятельно подчеркнуть, что Амурская желѣзная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русскіе піонеры... (*рукоплесканія справа и центра*); эти русскіе піонеры построятъ дорогу, они осядутъ вокругъ этой дороги, они вдвинутся въ край и вдвинутъ вмѣстѣ съ тѣмъ туда и Россію. Теперь о финансовой сторонѣ дѣла; но прежде, чѣмъ перейти къ этому, я обращу ваше вниманіе, господа, на то, что даже тутъ между вами есть много сторонниковъ необходимости постройки второй колеи по Сибирской желѣзной дорогѣ, и мнѣніе это вполнѣ обосновано. Надо знать, что въ 1899 г. было про-

везено по Сибирской дорогѣ 41,000,000 пуд. груза, въ 1906 г. было провезено уже 103,000,000 пуд. груза. Это доказываетъ, что вторая колея необходима не только въ стратегическомъ отношеніи, но и въ коммерческомъ. Неужели мы эту вторую колею остановимъ въ Манчжуріи? Гдѣ же мы будемъ выбрасывать и излишекъ нашихъ товаровъ, и перевозимыя въ ту далекую окраину войска? Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и рѣчи быть не можетъ; никто серьезно не можетъ объ этомъ говорить уже потому, что черезъ 75 лѣтъ Китайская дорога переходитъ къ Китаю по арендному договору, и черезъ 31 годъ Китай въ правѣ ее выкупить и навѣрное выкупитъ. Затѣмъ, это было бы и дѣйствительнымъ серьезнымъ вызовомъ сосѣду, такъ какъ по ст. 7 портсмутскаго договора мы не имѣемъ права использовать дороги въ стратегическомъ отношеніи. Такимъ образомъ, если нужна вторая колея Сибирской желѣзной дороги, то нуженъ желѣзнодорожный путь по нашему лѣвому берегу р. Амура. Я не буду представлять вамъ подробныхъ финансовыхъ исчисленій и выкладокъ. Вамъ извѣстно, что Правительство исчисляетъ стоимость ея въ 238.000.000 р.; тутъ ее исчислили въ нѣсколько большей цифрѣ, но даже, если взять правительственную цифру, если достать деньги изъ 6%, то и то на уплату процентовъ потребуется 15.000.000—16.000.000 р. въ годъ. На покрытіе же убытковъ —Правительство не закрываетъ глаза, что первое время дорога будетъ убыточна,—если взять цифры примѣнительно къ Уссурійской дорогѣ, придется точно также уплачивать по 5.000.000 – 6.000.000 р. въ годъ, такъ какъ убытокъ будетъ равняться отъ 2.500 р. до 3.000 р. въ годъ на версту. Такимъ образомъ вся стоимость дороги выразится въ цифрѣ отъ 20.000.000 до 22.000.000 р. въ годъ. Это, конечно, жертва громадная, и Правительство ее требуетъ отъ васъ послѣ разорительной войны и во времена лихолѣтія. Но вспомните, господа, что и другія государства, и другія страны переживали минуты, можетъ быть, еще болѣе тяжелыя. Вспомните то патріотическое усиліе, которое облегчило Франціи выплатить пятимилліардную контрибуцію своей побѣдительницѣ. Амурская дорога будетъ та контрибуція, которую русскій народъ выплатитъ своей же родинѣ. Я совершенно понимаю точку зрѣнія моихъ противниковъ, которые говорятъ, что въ настоящее время надо поднять центръ. Когда центръ будетъ силенъ, будутъ сильны и окраины, но вѣдь лѣчить израненую родину нашу нельзя только въ одномъ мѣстѣ. Если у насъ не

хватитъ жизненныхъ соковъ на работу зарубцеванія всѣхъ нанесенныхъ ей ранъ, то наиболѣе отдаленныя, наиболѣе истерзанныя части ея, раньше чѣмъ окрѣпнетъ центръ, могутъ, какъ пораженныя антоновымъ огнемъ, безболѣзненно и незамѣтно отпасть, отсохнуть, отвалиться. И вѣрно то, что сказалъ предыдущій ораторъ: мы будущими поколѣніями будемъ за это привлечены къ отвѣту. Мы отвѣтимъ за то, что, занятые своими важными внутренними дѣлами, занятые переустройствомъ страны, мы, можетъ быть, проглядѣли болѣе важныя міровыя дѣла, міровыя событія, мы отвѣтимъ за то, что пали духомъ, что мы впали въ бездѣйствіе, что мы впали въ какую-то старческую безпомощность, что мы утратили вѣру въ русскій народъ, въ его жизненныя силы.... (*бурныя рукоплесканія справа и центра*).... въ силу его не только экономическую, но и въ культурную. Мы, господа, отвѣтимъ за то, что приравниваемъ пораженіе нашей арміи къ пораженію и униженію нашей родины. (*Бурныя рукоплесканія справа и изъ центра*). Господа, дѣйствительно вѣрно, что вамъ впервые придется подать свой голосъ въ большомъ историческомъ дѣлѣ. До настоящаго времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной Власти въ разработкѣ только однихъ служилыхъ людей.

Впервые теперь въ дѣлѣ народнаго строительства до престола Монаршаго дойдетъ голосъ и вашъ, голосъ народныхъ представителей, которые созваны Государемъ и поставлены имъ на стражу народной пользы и народной чести. И въ этомъ дѣлѣ вашъ голосъ, конечно, не можетъ оказаться въ разнозвучіи съ сознаніемъ и стремленіемъ русскаго народа. Но не забывайте, господа, что русскій народъ всегда сознавалъ, что онъ осѣлъ и окрѣпъ на грани двухъ частей свѣта, что онъ отразилъ монгольское нашествіе и что ему дорогъ и любъ Востокъ; это его сознаніе выражалось всегда и въ стремленіи къ переселенію, и въ народныхъ преданіяхъ, оно выражается и въ государственныхъ эмблемахъ. Нашъ орелъ, наслѣдіе Византіи,—орелъ двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсѣкая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на востокъ, вы не превратите его въ одноглаваго орла, вы заставите его только истечь кровью. (*Рукоплесканія справа и центра*). Я, господа члены Государственной Думы, увѣренъ, я убѣжденъ, что одно ваше рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ уже придастъ большую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимаетъ кредитъ государства, уже даетъ новые милліоны Россіи. (*Рукоплесканія справа и изъ центра*).

Ваше одно рѣшеніе дастъ возможность найти и средства на посильныхъ для насъ условіяхъ. Это одно уже является новымъ источникомъ финансовой силы. Если, господа, въ самыя тягостныя минуты нашей новѣйшей исторіи русскіе финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрѣпленіе нашего расшатаннаго государственнаго тѣла желѣзнымъ обручемъ будутъ средства. Для этого, господа, нужно только ваше единодушное рѣшеніе, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей рѣчи, нужно ваше единодушное слово,—произнесите его. (*Продолжительныя рукоплесканія справа и изъ центра*).

5 мая 1908 года.

Господа члены Государственной Думы, Поднятый сегодня впервые въ Государственной Думѣ вопросъ, касающійся отношеній Имперіи къ составной ея части—Финляндіи, мало извѣстенъ широкимъ слоямъ русскихъ образованныхъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вызываетъ къ себѣ особенно страстное отношеніе и общества, и печати. Вотъ почему, можетъ быть, въ нарушеніе установившихся обычаевъ, я рѣшился подѣлиться съ вами моими мыслями о Финляндіи въ первой стадіи развитія этого вопроса, такъ какъ говорить объ этомъ вопросѣ надо съ особеннымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, и, мнѣ кажется, что этимъ путемъ дѣло упростится, можетъ быть сократится и обсужденіе его, такъ какъ Правительство сразу выскажетъ свою точку зрѣнія на отношеніе Имперіи къ Великому Княжеству. Но прежде всего я долженъ объяснить вамъ, почему я считаю необходимымъ давать вамъ поясненіе по фин-

ляндскимъ дѣламъ. Вѣдь, существуетъ мнѣніе, что Финляндія—совершенно особое государство, управляемое особыми своими законами чрезъ особое свое правительство. Если придерживаться этой точки зрѣнія, то русское имперское Правительство не имѣетъ никакого касательства къ Финляндіи, и Государь Императоръ, управляя Имперіей чрезъ имперское Правительство, управляетъ Финляндіей чрезъ особое финляндское правительство—Сенатъ, разрѣшая лишь въ случаѣ надобности создавшіяся между двумя сосѣдними подвластными Ему государствами недоразумѣнія. Существуетъ и другая точка зрѣнія, что Финляндія есть такая же окраинная провинція, какъ, скажемъ, привислинскія губерніи или Кавказъ, и что вся задача управленія Финляндіей сводится къ тому, чтобы приблизить форму этого управленія къ формѣ управленія Имперіей. И та, и другая точка зрѣнія неправильны. Что и какъ думаетъ Правительство, я разъясню дальше, но теперь съ самаго начала я хотѣлъ бы установить, что имперское Правительство считаетъ и будетъ себя считать отвѣтственнымъ за финляндскія событія, такъ какъ Финляндія—составная часть русской Имперіи, а Имперія управляется объединеннымъ Правительствомъ, которое отвѣтственно предъ Государемъ за все происходящее въ государствѣ. (*Руко-*

плесканія справа и изъ центра). Чтоже, господа, происходило и происходитъ въ Финляндіи? Я долженъ признаться, что счелъ бы весьма трудною и неблагодарною задачу опровергать всѣ факты, которые лежатъ въ основѣ поданнаго въ Государственную Думу запроса. Вѣдь, господа, у всѣхъ на памяти дѣйствія финляндской красной гвардіи съ ея пресловутымъ предводителемъ, капитаномъ Кокомъ, во главѣ. Этотъ бывшій офицеръ финляндскихъ войскъ еще въ маѣ 1906 г. въ Коткѣ открыто заявлялъ, что мы, т. е. красная гвардія, естественные помощники русской революціонной арміи и, если по счастливымъ обстоятельствамъ намъ пришлось достигнуть первенствующаго значенія, то это лишь случайно. Всѣмъ памятны и дѣйствія красной гвардіи въ октябрьскіе дни 1905 г., когда она останавливала и дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ, и телеграфа, производила насилія надъ чинами жандармскаго надзора, а когда кончилась забастовка, начала производить открыто воинскія упражненія, ученія и парады по всей территоріи Финляндіи, даже подъ стѣнами русской крѣпости Выборгъ. Памятно также и отношеніе къ этому мѣстныхъ властей. Такъ, когда губернаторъ по настоянію коменданта крѣпости запретилъ эти упражненія въ районѣ крѣпости, то высшія власти въ краѣ отмѣнили это распоря-

женіе, заявивъ, что красная гвардія—это мирное, невооруженное учрежденіе, это классовая организація внутренняго финляндскаго значенія. Эта мирная организація черезъ нѣсколько времени, однако, принимаетъ участіе въ свеаборгскомъ бунтѣ, портитъ полотно желѣзной дороги, взрываетъ желѣзнодорожный мостъ, вступаетъ въ бой съ полиціей, обстрѣливаетъ воинскій поѣздъ. Но подавленъ свеаборгскій мятежъ, и послѣ этого финляндскій сенатъ объявляетъ учрежденіе красной гвардіи закрытымъ. Въ это время въ Финляндіи уже начинаетъ дѣйствовать и укрѣпляется другая, гораздо болѣе сильная, организація—общество «Воймы»—по русски «сила». Если судить по отзывамъ печати того времени, то Война получила повсемѣстное распространеніе по странѣ, проникла во всѣ слои населенія. Случайные отголоски газетъ и изъ залы суда, гдѣ возникаютъ отрывочныя дѣла о складахъ оружія, даютъ яркую характеристику Воймы. Нѣкто Тилеманъ заявляетъ въ то время, что Война заполнила тотъ пробѣлъ, который образовался въ Финляндіи вслѣдствіе упраздненія финляндскихъ войскъ; другой финляндецъ одинъ изъ главарей красной гвардіи, далъ показаніе о томъ, что, подъ видомъ спортивнаго общества, Война распространила въ Финляндіи много тысячъ винтовокъ. А

что распространеніе оружія приняло въ это время большіе размѣры—это подтверждается фактами. Я думаю, что подвозъ въ Финляндію цѣлыхъ нагруженыхъ оружіемъ кораблей былъ бы признанъ за провокаціонную сказку, если бы опять таки не факты. Одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ и фактовъ—это случай съ пароходомъ «Джонъ-Графтонъ»: этотъ пароходъ случайно садится въ финляндскихъ шхерахъ на мель, къ нему сейчасъ же подплываютъ два финляндскихъ лоцмана, ихъ встрѣчаютъ 20 человѣкъ вооруженной команды, принуждаютъ ихъ покинуть пароходъ, затѣмъ сама команда садится на парусную шлюпку, беретъ курсъ въ море, и тутъ послѣдовательно на «Джонъ-Графтонѣ» раздаются три взрыва, и пароходъ идетъ ко дну. На обломкахъ этого парохода всплываетъ оружіе, винтовки, и черезъ нѣкоторое время у окрестныхъ жителей отбираютъ до 1,300 винтовокъ, а водолазы находятъ ящики съ множествомъ винтовокъ и огнестрѣльнаго оружія. Совершенно почти однороденъ случай съ моторной шхуной «Петеръ», упоминаемой въ запросѣ. Этотъ случай не менѣе романиченъ. Команда, которая состояла изъ финновъ и шведовъ, во время перехода моремъ связываетъ капитана, арестовываетъ его, затѣмъ, высаживается на берегъ, выгружаетъ грузъ.

Послѣ этого полиція устанавливаетъ, что грузъ этотъ полученъ въ Любекѣ изъ Базеля и состоитъ изъ сотенъ ящиковъ опять таки огнестрѣльнаго оружія и карабиновъ. Я думаю, что самый интересный изъ всѣхъ транспортовъ оружія—это транспортъ парохода «Ханхи». Грузъ этотъ прошелъ черезъ Гельсингфорскую таможню и только вслѣдствіе подозрительности носильщика, который нашелъ его чрезмѣрно тяжелымъ, обнаружилось его содержимое, т. е. оружіе. Обнаружено его происхожденіе изъ Бьернеборга, откуда успѣли уже отправить въ Куопіо цѣлый вагонъ винтовокъ. Обнаруженъ былъ и получатель этого груза, нѣкто Маннелинъ. Маннелинъ показалъ, что грузъ этотъ принадлежалъ умершему уже въ то время предсѣдателю союза Воймы, который отдалъ въ его распоряженіе нѣкоторую часть оружія для вооруженія мѣстныхъ кадровъ національной милиціи. Маннелина судили, и финляндскій судъ присудилъ его за нарушеніе таможеннаго устава къ штрафу въ 300 мар.! Затѣмъ, господа, въ теченіе всего 1907 г. ввозъ оружія въ Финляндію продолжался, и цѣлыя партіи его были арестованы въ Англіи. Полиція установила даже фирму въ Гамбургѣ, которой оружіе заказывалось. Установлены, господа, не только мѣсяцы, установлены числа, дни мѣсяца, когда эти парт

тіи направлены были въ Финляндію. Въ началѣ дѣйствій общества Воймы мѣстныя власти относились къ нимъ довольно снисходительно. Вотъ отзывъ прокурора. Когда обнаруженъ былъ преступный характеръ тайнаго общества Воймы, то прокуроръ Сената въ первоначальномъ своемъ заключеніи не находилъ ничего преступнаго въ томъ, что члены общества ставили своею цѣлью защиту закономѣрнаго и общественнаго строя, какъ противъ всякаго режима, нарушающаго конституцію края и благопріобрѣтенныя права гражданъ, такъ и противъ другихъ враждебныхъ обществу элементовъ. Точно также установлено участіе въ этихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Вполнѣ удостовѣрена на судебномъ процессѣ виновность таммерфорсскаго полиціймейстера—Нандельштадта и бьернеборгскаго—Эмана; они оба устранены были отъ должности, и первый изъ нихъ былъ даже судимъ. Что касается воззваній общества Воймы, то полиція неоднократно обращала вниманіе на нихъ финляндскихъ властей, но судебныя финляндскія власти относились подозрительно къ показаніямъ нашей полиціи, даже подозрѣвая подлинность этихъ воззваній и намекая на то, что они русскаго происхожденія. Въ виду этого, мнѣ пришлось въ очень категорической формѣ напомнить финлянд-

скимъ властямъ, что нельзя безнаказанно обвинять клеветническимъ образомъ цѣлое вѣдомство въ такомъ проступкѣ, притомъ въ официальномъ документѣ. Точно также довольно подозрительно относились финляндскія власти къ заявленіямъ русской полиціи о дѣйствіяхъ нашихъ революціонеровъ въ Финляндіи. Между тѣмъ, господа, опять таки полиціей установлено, что въ теченіе одного 1907 г., начиная съ февраля и кончая декабремъ, на территоріи Финляндіи происходило 25 конференцій и собраній именно революціоннаго характера. На территоріи Финляндіи, господа, готовились и организовались и многія изъ тѣхъ покушеній, которыя имѣли мѣсто въ Петербургѣ. Тамъ организованъ былъ взрывъ 12 августа 1906 г., ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, при чемъ похищенныя деньги увезены были въ Финляндію; покушеніе на убійство Генералъ-Адъютанта Дубасова, убійство генерала Мина, убійства генерала фонъ-деръ-Лауница, Главнаго Военнаго Прокурора Павлова, начальника Петербургской тюрьмы полковника Иванова, Дерябинской тюрьмы Гудима, Акатуевской тюрьмы Бородулина и Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія Максимовскаго. Тамъ же подготовлялось покушеніе на Военнаго Министра, покушеніе на Министра Юстиціи, наконецъ, покушеніе на Великаго Князя

Николая Николаевича, и если бы не своевременный арестъ знаменитаго Карла, организатора всѣхъ этихъ убійствъ и покушеній, то нельзя было бы, вѣроятно, предотвратить и покушенія посредствомъ взрыва въ залѣ Государственнаго Совѣта. Всѣмъ памятно, господа, что въ теченіе нынѣшней зимы предупреждено было покушеніе на ограбленіе, посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, кассы конторы Императорскихъ театровъ, такъ какъ своевременно арестована была вся злодѣйская шайка революціонеровъ. Конечно, на памяти у васъ и лабораторія взрывчатыхъ веществъ въ Хаполѣ, затѣмъ 20 начиненныхъ бомбъ, найденныхъ подъ льдомъ въ теченіе текущей зимы около ст. Куокала вмѣстѣ со всѣми приспособленіями и съ массою взрывчатыхъ веществъ. Конечно, господа, и на территоріи Имперіи приготовлялись и приводились въ исполненіе такіе же террористическіе акты, но если принять во вниманіе, что территорія Финляндіи равняется территоріи одной нашей хорошей губерніи, то и въ наше даже ненормальное время только что описанныя мною явленія не могутъ быть признаны нормальными.

Но нормаленъ ли, правиленъ ли и другой рядъ явленій, затронутыхъ въ запросѣ,—направленіе тѣхъ дѣлъ, которыя имѣютъ общеимперское значеніе, которыя касаются и Фин-

ляндіи, и Россіи? Я не хочу, господа, касаться личностей; не хотѣлъ бы никого обвинять и хотѣлъ бы оставаться въ мірѣ фактовъ, но и въ этой области я долженъ признать, что многое обстоитъ неблагополучно. Еще 1 августа 1891 г. состоялось Высочайшее постановленіе о томъ, чтобы по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются равномѣрно и Имперіи и Финляндіи, Министръ Статсъ-Секретарь запрашивалъ заключеніе подлежащаго Министра Имперіи. Такимъ образомъ, по самой основной постановкѣ вопроса, финляндское должностное лицо, финляндскій Министръ Статстъ-Секретарь, является вершителемъ вопроса, касается ли данное дѣло интересовъ Имперіи, или не касается. Отъ его доброй воли, отъ его усмотрѣнія зависитъ, запросить по этому поводу имперскія власти, или не запрашивать. Такая постановка вопроса, конечно, дала себя знать очень скоро и привела, конечно, къ ненормальнымъ результатамъ. Уже въ слѣдующемъ году, послѣ изданія Высочайшаго повелѣнія, а затѣмъ, и въ 1896 г. были измѣнены нѣкоторые параграфы учрежденій финляндскаго Сената, именно по милиціонной его экспедиціи безъ запроса Военнаго Министра. Затѣмъ, 20 апрѣля 1906 г., былъ изданъ законъ о русскомъ языкѣ въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ Финляндіи—опять безъ запроса рус-

скихъ властей. По закону о печати пропозиція сейму была предложена безъ запроса русскихъ имперскихъ властей. Самый же законопроектъ о печати дошелъ до моего свѣдѣнія, вслѣдствіе запроса Министру Внутреннихъ Дѣлъ по одному только пункту, между тѣмъ, самъ Генералъ-Губернаторъ считалъ необходимымъ и заключеніе Министра Юстиціи, Министра Двора и Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Такимъ образомъ случайно, благодаря одному лишь пункту, мнѣ стало извѣстно о законѣ, который въ другихъ пунктахъ, въ другихъ параграфахъ, въ цѣломъ своемъ, касался очень существенныхъ интересовъ Россіи и русскихъ уроженцевъ. Затѣмъ многіе законопроекты мнѣ стали извѣстны только изъ газетныхъ слуховъ. Правильно-ли это? Между прочимъ, такимъ образомъ я узналъ о законопроектѣ о промыслахъ, объ оскорбленіи Величества, наконецъ, объ отзывѣ сейма, по предложенію Государя Императора, относительно ассигнованій суммъ на тѣ расходы, на которые не хватало ординарныхъ средствъ. Это тотъ самый отзывъ сейма, на который, послѣ обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ, послѣдовала резолюція Государя Императора, позднѣе опубликованная, подтвердившая незыблемость правъ Монарха распоряжаться статнымъ и другими правительственными фон-

дами Финляндіи. Даже самый сеймовый уставъ 1906 г. чуть было не миновалъ имперскихъ властей, такъ какъ по иниціативѣ только Государя Императора была въ то время образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Фриша, для обсужденія тѣхъ вопросовъ этого устава, которые касались интересовъ Имперіи. Наконецъ, въ самое послѣднее время, въ февралѣ мѣсяцѣ 1907 г., безъ сношенія съ имперскими властями Министръ Статсъ-Секретарь доложилъ Государю Императору о томъ, что Сенатъ приступилъ уже къ составленію проекта новой формы правленія. Между тѣмъ этотъ проектъ клонится къ почти полному освобожденію Финляндіи отъ связи, отъ узъ ея съ державнымъ государствомъ, съ Россіей. По этому законопроекту предполагается проводить въ порядкѣ финляндскаго законодательства даже нѣкоторыя такія опредѣленія, которыя нашли себѣ мѣсто въ Основныхъ Законахъ и которыя никоимъ образомъ не могутъ составить предмета законодательства мѣстнаго.

Наконецъ, запросъ касается еще желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ о соединеніи желѣзныхъ дорогъ имперскихъ и финляндскихъ—вопросъ давнишній. Еще Императоръ Александръ II, когда ему предложили подписать законопроектъ, по которому финляндская

колея была уже имперской колеи, отказался утвердить его и тогда же выразился такъ, что «этого Ему никогда бы не простилъ русскій народъ». Впослѣдствіи точными и категорическими указаніями и повелѣніями Государя Императора вопросъ этотъ приблизился къ благополучному разрѣшенію, и въ настоящее время, какъ вамъ извѣстно, Государемъ Императоромъ утверждено направленіе той соединительной вѣтви, которая будетъ соединять русскія желѣзныя дороги съ финляндскими. Совѣтъ Министровъ уже разрѣшилъ Министру Путей Сообщенія внести представленіе въ Государственную Думу объ ассигнованіи 1.900 000 р. на приступъ къ сооруженію этой вѣтви, а финляндскія власти обѣщали въ скоромъ времени внести въ русское казначейство ту сумму, которая причитается на долю Финляндіи. Точно также, въ настоящее время уже дѣйствуетъ комиссія, которая производитъ пробу движенія нашихъ вагоновъ, нашихъ локомотивовъ по финляндской колеѣ, и по первымъ опытамъ комиссіи надо думать, что габаритъ нашихъ вагоновъ подойдетъ къ финляндской колеѣ, и сквозное движеніе окажется возможнымъ и будетъ осуществлено. Что же касается проведенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ самой Финляндіи, то этотъ вопросъ вызывалъ уже недоразумѣнія межлу

нашимъ Генеральнымъ Штабомъ и Статсъ-Секретаріатомъ, и я полагаю, что и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ случаяхъ, такого рода разногласія должны были бы повергаться на Высочайшее благоволеніе не только одной заинтересованной стороной. Вотъ, господа, тѣ факты, тотъ матеріалъ, который я могу представить вамъ по тѣмъ вопросамъ, которые затронуты авторами запроса. Но при этомъ я думаю, что корень зла совершенно не въ незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ или бездѣйствіяхъ властей, а лежитъ гораздо глубже. Къ этому я сейчасъ перейду, но, раньше, вскользь, по крайней мѣрѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что дѣлала русская правительственная власть за эти два года? Я не буду васъ утомлять разсказами, пересказами тѣхъ сношеній, которыя имѣли почти всѣ Министерства съ финляндскими властями, какъ по поводу «Воймы»; «красной гвардіи», такъ и общаго законодательства, такъ какъ для этого нужно было бы вамъ прочесть цѣлые томы; я не буду говорить и о трудности дѣйствія нашей полиціи въ Финляндіи, у которой тамъ нѣтъ спеціальныхъ агентовъ,—скажу только, что эти самоотверженныя дѣйствія, можетъ быть, предупредили не одно злодѣйское покушеніе въ Имперіи. Я принужденъ, однако, хотя мимоходомъ указать на то, что Правительство

употребило всѣ усилія, чтобы установить такой способъ, который бы обезпечилъ сохранность нашего государства. Вотъ въ этомъ смыслѣ велись переговоры съ Финляндскимъ Сенатомъ, и въ теченіе 1906 г. было найдено какъ будто соглашеніе, такъ какъ гражданская экспедиція Сената въ октябрѣ 1906 г. издала циркуляръ относительно способа обысковъ, арестовъ и, наконецъ, выдачи нашимъ властямъ нашихъ русскихъ революціонеровъ. Но циркуляръ этотъ не имѣлъ реальнаго значенія, не имѣлъ послѣдствій, такъ какъ финляндская полиція, по собственной иниціативѣ, нашихъ русскихъ революціонеровъ не преслѣдовала. Въ виду этого революціонеры, перешедшіе границу находили себѣ въ Финляндіи, на территоріи русской Имперіи, самое надежное убѣжище, гораздо болѣе надежное, чѣмъ въ сосѣднихъ государствахъ, которыя съ большой охотой приходятъ въ предѣлахъ конвенцій и закона на помощь нашей русской полиціи въ этихъ преслѣдованіяхъ. Такимъ образомъ, когда наступили особенно тревожныя событія, когда ежеминутно готовились изъ Финляндіи покушенія на русскихъ Министровъ и Великихъ Князей, то само собой разумѣется, что Правительство должно было подумать о какихъ нибудь экстренныхъ мѣрахъ. Эта была несомнѣнно его обязанность, такъ какъ,

опять таки повторяю, за 26 верстъ отъ столицы, отъ резиденціи Государя, готовились ежеминутно злодѣйскія покушенія. Въ это время и состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, что если не будутъ ликвидированы самыя опасныя организаціи революціонеровъ въ Финляндіи, то объявить Выборгскую губернію на военномъ положеніи. И вотъ, почти наканунѣ объявленія Выборгской губерніи на военномъ положеніи, стараніями русской полиціи, которая организовала это дѣло, былъ задержанъ и арестованъ тотъ знаменитый Карлъ, о которомъ я упоминалъ выше, т. е. организаторъ всѣхъ послѣднихъ покушеній; съ нимъ вмѣстѣ была задержана, захвачена масса документовъ, которые освѣтили революціонное движеніе въ Финляндіи, причемъ, къ сожалѣнію, почти одновременно съ арестомъ другого революціонера, Вайнштейна, документы, задержанные съ нимъ, черезъ два дня были похищены изъ канцеляріи мѣстнаго ленсмана вооруженной шайкой, напавшей на эту канцелярію. Вслѣдствіе помянутыхъ арестовъ необходимость военнаго положенія временно отпала, и Государь Императоръ ограничился повелѣніемъ установить по границамъ Финляндіи сплошной военный кордонъ для того, чтобы механически не допускать подозрительныхъ лицъ, революціонеровъ, изъ Финляндіи въ Россію. Вотъ такимъ заслономъ, такимъ путемъ и была временно огорожена наша граница, обезпечена безопасность столицы со стороны Финляндіи, обезпечена отъ вылазокъ изъ Выборгской губерніи, изъ Выборга, который когда то былъ завоеванъ Петромъ и названъ имъ «подушкой» С.-Петербурга. Послѣ всего этого дальнѣйшіе переговоры съ финляндскими властями повели къ тому, что мы теперь ближе къ болѣе реальному осуществленію надзора на мѣстахъ, при совмѣстныхъ усиліяхъ и русскихъ, и финляндскихъ властей, за нашими революціонерами, и отъ доброй воли, отъ успѣха этихъ совмѣстныхъ дѣйствій зависитъ спокойствіе столицы.

Точно также, господа, и по одному вопросу—вопросу объ общемъ законодательствѣ — Правительствомъ принимались тѣ мѣры, которыя были Правительству доступны безъ нарушенія мѣстныхъ финляндскихъ узаконеній. Я обратился съ просьбой ко всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, чтобы тѣ заключенія, которыя посылаются ими Министру Статсъ-Секретарю по запросамъ его относительно общихъ законопроектовъ, были предварительно посылаемы въ Совѣтъ Министровъ для общаго ихъ объединенія и направленія. Такимъ образомъ Совѣтомъ Министровъ былъ разсмо-

трѣнъ цѣлый рядъ очень важныхъ законопроектовъ, между прочимъ, законопроектъ относительно выплаты извѣстнаго денежнаго вознагражденія Финляндіей за отбытіе, или, вѣрнѣе, за неотбытіе финляндскими гражданами воинской повинности въ минувшіе два года. Затѣмъ, разсмотрѣнъ былъ законопроектъ относительно пріобрѣтенія правъ гражданства русскими уроженцами, законопроектъ, который предполагалось направить сначала въ порядкѣ финляндскаго законодательства, причемъ въ этомъ порядкѣ отмѣнялись бы даже нѣкоторыя статьи нашего Свода Законовъ. Но, господа, всѣ эти мѣропріятія Правительства по проявленіямъ, затронутымъ въ запросѣ, имѣютъ, по моему, второстепенное значеніе. Для того, чтобы разрѣшить вопросъ въ корнѣ, нужно, прежде всего, отдать себѣ отчетъ, въ чемъ причина тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя создались между государствомъ и завоеванной, силой его оружія, провинціей? Механически разрѣшить этотъ вопросъ нельзя. Мнѣ кажется, что для этого недостаточно даже, можетъ быть, и глубокаго теоретическаго его изученія, тутъ нужно проникновеніе во внутренній міръ противной стороны, и, для того, чтобы разрѣшить домогательства, предъявленныя Россіи со стороны мирныхъ, честныхъ, культурныхъ, трудолюбивыхъ нашихъ фин-

ляндскихъ согражданъ, нужно съ полной справедливостью, безъ всякой предвзятости, отнестись къ этимъ домогательствамъ. Я не желаю, господа, затрогивать какихъ нибудь теоретическихъ правовыхъ вопросовъ — это дѣло ученыхъ изслѣдованій, ученыхъ диспутовъ. Я хотѣлъ бы лишь остановить ваше вниманіе на нѣкоторое время на всѣмъ извѣстныхъ, впрочемъ, историческихъ фактахъ, которые въ разномъ освѣщеніи, взятые съ различныхъ угловъ зрѣнія, приводятъ къ различнымъ выводамъ, что и служитъ причиной того неопредѣленнаго, даже, скажу, тягостнаго положенія, въ которомъ находятся наши отношенія къ Финляндіи. Попробуемъ же, господа, проникнуть въ мировоззрѣніе финляндцевъ. Но для этого, господа, необходимо считаться съ тѣмъ, что почти всѣ политически мыслящіе финляндцы, почти всѣ финляндскія политическія партіи въ отношеніи своихъ историческихъ вѣрованій единодушны и почти солидарны. Это міровоззрѣніе ихъ основано, прежде всего, на томъ заявленіи, которое было сдѣлано на Сеймѣ въ Борго въ 1809 г. Императоромъ Александромъ I. Вотъ, господа, подлинныя слова его грамоты: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь подтвердить и удостовѣрить религію, коренные за-

коны, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества, въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи». Такимъ образомъ, финляндцы всѣ признаютъ, что на Сеймѣ въ Борго Императоръ Александръ I даровалъ Финляндіи конституцію и призналъ особую финляндскую государственность. Дальше, въ теченіе всего своего царствованія, Александръ I неоднократно подтверждалъ, что онъ желаетъ свято хранить всѣ старинныя устновленія и законы Великаго Княжества. Особенно ярко подчеркнулъ это Императоръ Александръ I въ манифестѣ отъ 1816 г. Вотъ господа, выдержки изъ этого манифеста.

«Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные, и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому финдляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ

съ собравшимися Земскими края сего Чинами, Мы учредили особенное Правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частью края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли».

Наконецъ Монархъ заявляетъ, что Онъ конституцію и законы, имъ для Финдяндіи утвержденные, «*силою сего акта во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаетъ*».

Затѣмъ, господа, Императоръ Александръ II, созывая вновь Сеймъ въ 1863 г., упоминаетъ о конституціонной Монархіи. Въ 1869 г. Императоръ Александръ II утвердилъ Сеймовой Уставъ. Затѣмъ, онъ даровалъ Финляндіи особую монету и особое войско. Сеймовый Уставъ былъ признанъ нерушимымъ основнымъ закономъ, который не могъ измѣняться безъ согласія Монарха съ земскими чинами. Общеизвѣстно также, что всѣ русскіе Государи, послѣ Александра I, вступая на Престолъ, торжественными манифестами подтверждали особое положеніе Финляндіи въ составѣ русскаго государства, особую организацію ея судебной и административной части. Всѣ эти акты, въ связи съ другими

актами, съ другими дѣйствіями тѣхъ же Государей, получаютъ и другую окраску. Но согласитесь, господа, что эти историческіе прецеденты были достаточны для того, чтобы внушить финляндской интеллигенціи твердую вѣру въ то: что Финляндіи присуще особое государственное устройство, существенно отличная отъ Россіи государственность. Это сознаніе укрѣпилось у финляндцевъ ещe тѣмъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія Россія, занятая своими домашними дѣлами мало интересовалась финляндскими дѣлами, а отъ мѣстныхъ Генералъ-Губернаторовъ требовалось только спокойствіе и установленіе добрыхъ отношеній къ финляндскимъ гражданамъ. Вотъ почему эти принципы отдѣльной финляндской государственности начали понемногу переходить въ особую науку своеобразнаго финляндскаго государственнаго права. Для того, чтобы создать эту науку, подбиралась масса документовъ, причемъ, конечно, груда такихъ документовъ, не подтверждавшихъ этихъ принциповъ, отбрасывалась въ сторону. Эта теорія укрѣплялась еще проповѣдью профессоровъ Александровскаго университета, мѣстными учеными и лицами свободныхъ профессій. Въ Александровскомъ университетѣ всѣ питомцы проникались этимъ политическимъ міросозерцаніемъ, а затѣмъ, такъ какъ эти питомцы занимаютъ всѣ должности

въ краѣ, начиная съ должности сенатора и кончая должностями лендсмановъ и даже констеблей, то ученіе это и проникало съ успѣхомъ въ самую толпу народа. Народные университеты и публичныя лекціи продолжали это же дѣло и совершенно естественно, что теорія скоро перешла въ вѣрованіе, вѣрованіе перешло въ догматъ, догматы же трудно опровергать какими либо разсудочными доказательствами. По этому догмату Финляндія—особое государство и притомъ государство конституціонное, правовое государство, которое имѣетъ задачи, совершенно различныя отъ задачъ Россіи; и, чѣмъ тѣснѣе связана будетъ Финляндія съ Россіей, тѣмъ осуществленіе этихъ задачъ станетъ невозможнѣе. Вотъ, господа, то вѣрованіе, которое изъ теоріи начало переходить въ своеобразную науку финляндскаго государственнаго права, и для того, чтобы перейти въ практическую науку, должно было быть проведено сначала въ жизнь. На это и направлены были старанія всей финляндской интеллигенціи, начиная съ 1863 г., начаная съ возобновленія созыва Сеймовъ. Старанія эти были направлены, главнымъ образомъ, на область административнаго законодательства и финансовую прерогативу Монарха. Вамъ извѣстно, господа, что законодательство Финляндіи дѣлится на двѣ категоріи: первая категорія—

это сеймовое законодательство, принадлежащее Сейму, вторая же весьма обширная категорія законодательства, обнимающая всю область общаго хозяйства, принадлежитъ исключительно Монарху и называется законодательствомъ административнымъ или экономическимъ. По ученію финляндцевъ, если въ какомъ нибудь вопросѣ административнаго законодательства слѣдуетъ сдѣлать добавленіе сеймоваго характера, то весь вопросъ разъ навсегда переходитъ въ вѣдѣніе Сейма. Такимъ образомъ къ Сейму перешли всѣ почти нормы промысловаго права и многія другія. По проекту новой формы правленія, о которой я говорилъ, все школьное дѣло, начиная отъ низшихъ школъ и кончая университетомъ, передвигается въ сеймовое законодательство. А что касается финансовой области, то извѣстны, конечно, неоднократныя попытки сузить самое право распоряженія правительственными фондами и затѣмъ уменьшить самое питаніе этихъ фондовъ: статнаго, милиціоннаго и другихъ Вамъ, конечно, памятенъ, господа, переносъ доходовъ съ винокуреннаго налога и гербоваго сбора изъ области статнаго фонда въ фонды временныхъ налоговъ, т. е. сеймовые, точно также были попытки передвинуть въ разрядъ сеймовыхъ законовъ все таможенное законодательство со всѣми таможенными доходами; наконецъ непрерывно

проходитъ во всей исторіи политической жизни Финляндіи попытка сузить финансовыя прерогативы Монарха, право Государя распоряжаться статнымъ фондомъ. Вотъ, господа, въ этой политической атмосферѣ и застаютъ Финляндію событія 1905 г., послужившія пробнымъ камнемъ и для многихъ русскихъ, которые въ это время, можетъ быть, усумнились въ будущности Россіи. Поэтому понятно, что и многіе политическіе дѣятели Финляндіи должны были естественно, bona fide, задать себѣ вопросъ: не наступилъ ли психологическій моментъ для осуществленія накопившейся политической мечты, если не обособленія Финляндіи, то пріобрѣтенія ею насколько возможно большей самостоятельности. А такъ какъ горячія головы идутъ всегда впереди интеллигенціи, идутъ, можетъ быть, дальше, чѣмъ хотѣла сама создавшая ихъ сила, то станутъ понятны и появленіе красной гвардіи и Воймы, и наполненные оружіемъ корабли, которые намъ кажутся какъ бы страницей, вырванною изъ романовъ Майнъ-Рида. Помянутое настроеніе и господствующее политическое теченіе, можетъ быть, и получили бы естественное развитіе, можетъ быть, и привели бы къ широкому развитію финляндской самостоятельности и почти полному обособленію этой страны, съ сохраненіемъ

только фактической ея связи съ Россіей, если бы въ это время навстрѣчу финляндской волнѣ не хлынула другая волна—волна русскаго народнаго самосознанія, русской государственной мысли. Но прежде, чѣмъ объяснять вамъ, господа, какія притязанія съ русской стороны должны считаться, по мнѣнію Правительства, справедливыми и обязательными для Россіи, мнѣ приходится на время вернуться вспять. Я напомню вамъ, господа, что часть Финляндіи, восточная ея часть, составляетъ древнее достояніе Россіи, закрѣпленное за нею еще Орѣховскимъ договоромъ 1323 г. Затѣмъ, понемногу мы утрачивали эту территорію, и уже при заключеніи Столбовскаго мирнаго договора въ 1617 г. граница русскаго государства была отодвинута приблизительно до Тихвина. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы подчеркнуть, что Императоръ Петръ Великій силою оружія въ теченіе 20 лѣтъ отвоевывалъ эти земли, что ему удалось отвоевать ихъ почти всѣ и кромѣ того взять Выборгъ, который онъ тогда и назвалъ «подушкой С.-Петербурга», опредѣливъ его политическое значеніе. Эти земли, а также и тѣ, которыя были отвоеваны позднѣе Императрицей Елисаветой Петровной и закрѣплены по Абоскому мирному договору 1743 г., были инкорпорированы въ составъ Россіи; съ ними

обращались, какъ съ землями завоеванными, управлялись онѣ С.-Петербургской камеръ-коллегіей и другими коллегіями. Изъ нихъ образована была сперва Выборгская губернія, затѣмъ Выборгское намѣстничество и затѣмъ опять губернія. По Нштадтскому и Абоскому договорамъ земли эти отошли къ Россіи въ вѣчное неотъемлемое владѣніе. Но наступаетъ царствованіе Александра I и новыя войны. Еще до окончанія войны Александръ I объявляетъ всѣмъ западнымъ державамъ о томъ, что «страну сію, такимъ образомъ покоренную, Мы навсегда присоединяемъ къ Россійской Имперіи». Затѣмъ наступаютъ событія Боргоскаго сейма и то заявленіе Императора Александра I, которое я вамъ цитировалъ и которое составляетъ основаніе всей догмы, всего политическаго вѣрованія финляндскихъ политическихъ партій. Но намъ, русскимъ, надобно смотрѣть на эти событія съ другой точки зрѣнія; намъ надобно помнить, что послѣ этого, послѣ Боргоскаго сейма былъ заключенъ Фридрихсгамскій мирный договоръ, который составляетъ тотъ документъ, тотъ актъ, по которому мы владѣемъ Финляндіей и которымъ опредѣляются отношенія Имперіи къ Великому Княжеству. А ст. IV Фридрихсгамскаго договора гласитъ: Его Величество король Шведскій, какъ за Себя, такъ и за

преемниковъ Его престола и Королевства Шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его Престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы Шведской, а именно: на губерніи: Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгусскую, Абоскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазаскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ».

«Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ, господа, тотъ актъ, тотъ законный титулъ, по которому Россія владѣетъ Финляндіей, тотъ единый актъ, который опредѣляетъ взаимоотношенія Россіи и Финляндіи. И, господа, слова и дѣйствія Императора Александра I не находятся въ разногласіи.

Никто изъ современниковъ въ этомъ его

не упрекалъ. Онъ самъ изумился бы, если бы ему сказали, что онъ создалъ особое Финляндское государство. Почти одновременно съ Сеймомъ въ Борго Александръ I вводитъ всю Финляндію въ VIII Россійскій округъ путей сообщенія. На этомъ самомъ Сеймѣ депутаты высказались за принятіе рубля въ качествѣ монетной единицы «дабы Финляндія въ отношеніи монетной системы не отличалась отъ остальныхъ провинцій Россіи». Вотъ что постановилъ тотъ самый Сеймъ, который служитъ основаніемъ всѣхъ финляндскихъ притязаній. Для современниковъ было ясно, что Россія отвоевала отъ Швеціи 6 финляндскихъ губерній, которыя не имѣли особаго публичнаго правового устройства; это отдѣльныя губерніи, которыя не могли войти въ унію и съ Россіей, такъ какъ для уніи, какъ реальной, такъ и уніи личной, необходимо двѣ равноправныя величины. Между тѣмъ Финляндія была признана состоящей въ собственности и державномъ обладаніи Россіи. Императоръ Александръ I даровалъ Финляндіи внутреннюю автономію, онъ даровалъ ей и укрѣпилъ за ней право внутренняго законодательства, подтвердилъ всѣ коренные законы, весь распорядокъ внутренняго управленія и судопроизводства, но опредѣленіе отношаній Финляндіи къ Имперіи онъ оставилъ за собою и опредѣ-

лилъ его словами: «собственность и державное обладаніе». Становится послѣ этого понятнымъ, почему Императоръ Александръ I объединилъ въ одномъ управленіи Старую и Новую Финляндію. Александръ I не дарилъ завоеванную кровью нашихъ предковъ часть Финляндіи другому, сосѣднему, стоящему подъ его скипетромъ государству. Императоръ Александръ I только устраивалъ управленіе отдѣльныхъ областей, входящихъ въ составъ государства. Манифестъ 11 Декабря 1811 г., устанавливающій это управленіе, не былъ сеймовымъ закономъ. Это былъ единоличный актъ верховнаго управленія Александра I, онъ былъ основанъ на Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта. Опять-таки повторяю, что всѣ внутренніе законы, порядокъ внутренняго управленія Императоръ Александръ I торжественно подтверждалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставлялъ за собою опредѣленіе отношеній Финляндіи къ Россіи. Вы не найдете въ Финляндскомъ законодательствѣ никакихъ нормъ, устанавливающихъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія Финляндіи и Россіи, ихъ тамъ быть не можетъ. Отношенія Финляндіи къ Россіи опредѣляются одностороннимъ державнымъ правомъ Россіи, а за Россію въ то время рѣшалъ Монархъ. За отсутствіемъ въ то время одного общаго пути для выраженія

воли Монарха и для превращенія ея въ законодательные акты, Императоръ Александръ I въ вопросахъ взаимныхъ отношеній Финляндіи и Россіи опирался, какъ и послѣдующіе Монархи, на цѣлый рядъ тайныхъ и явныхъ финляндскихъ комитетовъ. Такъ дѣлалъ и Императоръ Александръ II. Александръ II, когда торжественно подтверждалъ, что основаніемъ къ новому Сеймовому Уставу служатъ древне-шведскіе акты, т. е. форма правленія 1772 г. и актъ соединенія безопасности 1789 г., конечно, имѣлъ въ виду подтвердить именно внутреннюю автономію Финляндіи, такъ какъ въ этихъ актахъ вы не можете найти, да и хронологически это невозможно, ни одной статьи, которая могла бы регулировать отношеніе Финляндіи къ державному государству. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, господа, что Императоръ Александръ II, который считается благодѣтелемъ Финляндіи, посѣтивши Финляндскій Сенатъ, сказалъ сенаторамъ: «помните, господа, что вы принадлежите къ Великой семьѣ, во главѣ которой стоитъ Русскій Императоръ». Въ соотвѣтствіи съ дѣйствіями помянутыхъ государей, развивая установленныя ими положенія, дѣйствовали и послѣдующіе Государи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и рескриптъ Императора Александра III 1891 г., который требуетъ уста-

новленія порядка въ дѣлахъ общаго законодательства въ Россіи и Финляндіи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и актъ 1899 г., регулировавшій въ то время эти отношенія. Вѣдь совершенно естественно, господа, что разъ Финляндія и Россія составляютъ одно общее политическое тѣло, то общими и едиными не могутъ быть только одни внѣшнія международныя отношенія, а должно быть и единство нѣкоторыхъ государственныхъ задачъ. Конечно, затруднительно было бы сейчасъ же вамъ представить исчерпывающій списокъ этихъ задачъ, но, конечно, для всѣхъ ясно, что къ нимъ относятся напримѣръ: общая защита всѣми подданными Русскаго Государя общаго отечества, наблюденіе за крѣпостями, наблюденіе и защита береговыхъ водъ, наблюденіе за почтовыми учрежденіями, управленіе телеграфомъ, нѣкоторыя отрасли желѣзнодорожнаго, таможеннаго управленія и, наконецъ, упорядоченіе правъ русскихъ уроженцевъ Финляндіи. Все это настолько близкіе Россіи вопросы, они настолько задѣваютъ наши кровные интересы, что не могутъ быть предметомъ рѣшенія однихъ только финляндцевъ, въ порядкѣ одного только финляндскаго законодательства. Вѣдь этимъ порядкомъ могли бы быть, дѣйствительно, отмѣнены и нѣкоторыя статьи нашего Свода Законовъ. Рус-

ская точка зрѣнія совершенно ясна. Россія не можетъ желать нарушенія законныхъ автономныхъ правъ Финляндіи, относительно внутренняго ея законодательства и отдѣльнаго административнаго и судебнаго ея устройства. Но, господа, въ общихъ законодательныхъ вопросахъ и въ нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ управленія должно быть и общее рѣшеніе совмѣстно съ Финляндіей, съ преобладаніемъ, кончено, державныхъ правъ Россіи. Финляндцы толкуютъ иначе. Они полагаютъ, что ни одинъ общегосударственный законъ не можетъ воспріять силы, если не будетъ утвержденъ Сеймомъ; но если стать на эту точку зрѣнія, то мы можемъ придти къ нелѣпому положенію: одинъ и тотъ же вопросъ будетъ обсуждаться и рѣшаться нашими законодательными учрежденіями и Финляндскимъ Сеймомъ. Скажемъ, что разрѣшенъ будетъ этотъ вопросъ различно, не получится единогласнаго рѣшенія и въ Имперіи не будетъ той державной воли, державной власти, которая могла бы разрѣшить этотъ вопросъ. Вопросъ останется неразрѣшеннымъ или приведетъ къ острому конфликту. Это, господа, конечно, ненормально, и, повторяю, не въ бездѣйствіи властей, не въ незакономѣрныхъ ихъ дѣйствіяхъ коренится зло, а въ томъ, что цѣлая область нашего законодательства, громадная область

нашихъ взаимоотношеній съ Финляндіей не урегулирована совершенно. Господа, этотъ громадный пробѣлъ нетерпимъ, его надо пополнить. Господа, нельзя такіе важные вопросы оставлять на произволъ случая, случайныхъ обстоятельствъ, случайныхъ людей и событій. Не можетъ и Дума постоянно регулировать ихъ путемъ запросовъ. Запросами вы не можете уловить всѣхъ возникающихъ въ этой области фактовъ. Затѣмъ, господа, я долженъ вамъ напомнить, что у насъ есть теперь одинъ незыблемый способъ для разрѣшенія всѣхъ законодательныхъ дѣлъ, опредѣленный статьею 86 Основныхъ Законовъ. Это путь чрезъ Государственную Думу и чрезъ Государственный Совѣтъ. Въ интересующей насъ области общаго для Россіи и Финляндіи законодательства надлежитъ различать два момента. Первый моментъ— подготовительный,—разрѣшеніе вопроса о томъ, касается ли вопросъ Имперіи, или нѣтъ, при этомъ весьма важно, чтобы Монархъ былъ освѣдомленъ о тѣхъ вопросахъ, которые касаются Россіи, своимъ же русскимъ Правительствомъ какъ при предложеніи законопроекта, такъ и при его утвержденіи. Этотъ первый моментъ принадлежитъ къ области Верховнаго Управленія и относительно разрѣшенія этого вопроса я получилъ совершенно опредѣленныя указанія Государя Императора,

которыя и будутъ приведены въ дѣйствіе. Но есть и другой моментъ законодательства. Это самое разсмотрѣніе и разрѣшеніе законодательныхъ вопросовъ. Опредѣленъ онъ можетъ быть, конечно, только законодательнымъ порядкомъ. Въ этой послѣдней стадіи несомнѣнно нужно знать мнѣніе и нужно считаться съ точкой зрѣнія финляндцевъ. На обязанности и Правительства и Государственной Думы лежитъ однако же поднятіе вопроса о выработкѣ общаго порядка законодательнаго разсмотрѣнія нашихъ общихъ съ Финляндіею дѣлъ. Повторяю, вопросъ этотъ слишкомъ важенъ; онъ касается распространенія власти Государя Императора по общеимперскимъ дѣламъ черезъ общеимперскія учрежденія на протяженіи и пространствѣ всей Имперіи. (*Возгласы*: браво; *рукоплесканія центра и справа*). Господа, въ этомъ дѣлѣ не можетъ и не должно быть подозрѣнія, что Россія желаетъ нарушить автономныя, дарованныя Монархами права Финляндіи. Въ Россіи, господа, сила не можетъ стоять выше права! (*Рукоплесканія центра и справа*; *голоса*: браво). Но нельзя также допускать, чтобы одно упоминаніе о правахъ Россіи считалось въ Финляндіи оскорбленіемъ. Господа, въ Финляндіи и въ обществѣ и въ печати раздаются голоса, что финляндскій вопросъ поднятъ въ Россіи

темными силами реакціи, ищутъ защиты въ болѣе интеллигентныхъ, вѣроятно, болѣе либеральныхъ кругахъ, которые должны защитить Финляндію, финляндскія права отъ надвигающейся бюрократической грозы. Прислушиваются въ Финляндіи къ тѣмъ голосамъ, которые не понимаютъ или не могутъ понять, что суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцію, въ связи съ творческой силой, стремящейся преобразовать и мѣстный и общій строй, имѣетъ одну цѣль: установленіе на пространствѣ всей Россіи стройнаго и стойкаго правового порядка. (*Голоса*: браво; *рукоплесканія центра и справа*). Я не понимаю, господа, какимъ образомъ могутъ заподозрить Правительство, творящее волю Государя и совокупно съ представительными учрежденіями стремящееся водворить въ Россіи спокойствіе и прочный порядокъ, зиждущійся исключительно на законахъ; заподозрить его въ томъ, что оно стремится рушить подобный же порядокъ у нашихъ финляндскихъ согражданъ. Забываютъ, что, съ введеніемъ новаго строя въ Россіи, поднялась другая волна реакціи, реакція русскаго патріотизма и русскаго національнаго чувства, и эта реакція, господа, вьетъ себѣ гнѣздо именно въ общественныхъ слояхъ, общественныхъ кругахъ. Въ прежнія времена одно только Правительство имѣло заботу и

обязанность отстаивать историческія и державныя пріобрѣтенія и права Россіи. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать разсыпанную храмину русскаго народнаго чувства и выразителями этого чувства являетесь вы, господа, и вы не можете отклонить отъ себя отвѣтственности за удержаніе этихъ державныхъ правъ Россіи. (*Рукоплесканія справа и центра*). Вы, господа, не можете отвергнуть отъ себя и обязанностей, несомыхъ вами въ качествѣ народнаго представительства. Вы не можете разорвать и съ прошлымъ Россіи. Не напрасно, не безсмысленно и не безсознательно были пролиты потоки русской крови, утвердилъ Петръ Великій державныя права Россіи на берегахъ Финскаго залива. Отказъ отъ этихъ правъ нанесъ бы безпримѣрный ущербъ русской державѣ, а постепенная утрата, вслѣдствіе нашего національнаго слабосилія или нашей государственной близорукости, равнялась бы тому же отказу, но прикрытому личиною лицемѣрія. Сокровище русской нравственной, духовной силы затрачено въ скалахъ и водахъ Финляндіи. Простите, что я вспоминяю о прошломъ, но и забывать о немъ не приходится. Вѣдь, одинъ, съ морскимъ флотомъ, построеннымъ первоначально на прѣсной рѣчной водѣ, съ моряками, имъ самимъ обученными, безъ средствъ, но съ

твердой вѣрой въ Россію и ея будущее шелъ впередъ Великій Петръ. Не было попутнаго вѣтра, онъ со своими моряками на рукахъ, на мозолистыхъ рукахъ, переносилъ по сушѣ изъ Финскаго залива въ Ботническій свои галеры, разбивалъ вражескій флотъ, бралъ въ плѣнъ эскадры и награждалъ чернорабочаго творца новой Россіи Петра Михайлова скромнымъ званіемъ адмирала. (*Голоса*: браво). Господа, неужели объ этой стремительной мощи, объ этой геніальной силѣ нашихъ предковъ помнятъ только кадеты морского корпуса, которые поставили на мѣстѣ Гангеутской битвы скромный крестъ изъ Сердобольскаго гранита? Неужели объ этой творческой силѣ нашихъ предковъ, не только силѣ побѣды, но и силѣ сознанія государственныхъ задачъ помнятъ только они и забыла Россія? Вѣдь кровь этихъ сильныхъ людей перелилась въ ваши жилы, вѣдь вы плоть отъ плоти ихъ, вѣдь не многіе же изъ васъ отрицаютъ отчизну (*рукоплесканія справа и центра*), а громадное большинство сознаете, что люди соединились въ семьи, семьи въ племена, племена въ народы для того, чтобы осуществить свою міровую задачу, для того, чтобы двигать человѣчество впередъ. Неужели и тутъ скажутъ, что нужно ждать, пока окрѣпнетъ центръ, неужели въ центрѣ нашей государственной

мысли, нашего государственнаго чувства ослабло пониманіе нашихъ государственныхъ задачъ? Да, господа, народы забываютъ иногда о своихъ національныхъ задачахъ; но такіе народы гибнутъ, они превращаются въ наземъ, въ удобреніе, на которомъ вырастаютъ и крѣпнутъ другіе, болѣе сильные народы. Мы обращаемся къ вамъ не за жертвой, мы не требуемъ отъ васъ угнетенія другой, менѣе сильной народности,—нѣтъ, господа, Правительство проситъ отъ васъ лишь вашей нравственной поддержки въ томъ дѣлѣ, которое оно считаетъ правымъ. Я увѣренъ, господа, что вы отвергнете запросъ; но вами, въ вашихъ русскихъ сердцахъ, будутъ найдены выраженія, которыя заставятъ, побудятъ Правительство представить на вашъ же судъ законопроектъ, устанавливающій способъ разрѣшенія нашихъ общихъ съ Финляндіей дѣлъ, законопроектъ, не нарушающій правъ маленькой Финляндіи, но ограждающій то, что намъ всего ближе, всего дороже, историческія державныя права Россіи. (*Продолжительныя рукоплесканія справа и центра; возгласы*: браво).

24 мая 1908 года.

Послѣ всего, что было тутъ сказано по вопросу о морской смѣтѣ, вы поймете, господа члены Государственной Думы, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцевъ кредиты, съ которымъ я приступаю къ тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти проигранное, дѣло. Вы спросите меня: почему же Правительство не преклонится передъ неизбѣжностью, почему не присоединится къ большинству Государственной Думы, почему не откажется отъ кредитовъ? Вѣдь для всѣхъ очевидно, что отрицательное отношеніе большинства Государственной Думы не имѣетъ основаніемъ какія нибудь противогосударственныя побужденія; этимъ отказомъ большинство Думы хотѣло бы дать толчокъ морскому вѣдомству, хотѣло бы разъ навсегда положить предѣлъ злоупотребленіямъ, хотѣло бы установить грань между прошлымъ и настоящимъ. Отказъ Государственной Думы

долженъ былъ бы, по мнѣнію большинства Думы, стать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго флота; это должна быть та точка, которую русское народное представительство желало бы поставить подъ главой о Цусимѣ, для того чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честнаго упорнаго труда, страницами возсозданія морской славы Россіи. (*Возгласы* вѣрно; *рукоплесканія*). Поэтому, господа, можетъ стать непонятнымъ упорство Правительства: вѣдь слишкомъ неблагодарное дѣло отстаивать существующіе порядки и слишкомъ, можетъ быть, недобросовѣстное дѣло убѣждать кого либо въ томъ, что все обстоитъ благополучно. Вотъ, господа, тѣ мысли, или приблизительно тѣ мысли, которыя должны были возникнуть у многихъ изъ васъ; и если, несмотря на это, я считаю своимъ долгомъ высказаться передъ вами, то для васъ, конечно, будетъ также понятно, что побудительной причиной къ этому является не вѣдомственное упорство, а основанія иного, высшаго, порядка. Мнѣ, можетъ быть, хотя и въ слабой мѣрѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ то обстоятельство, что кромѣ, конечно, принципіально оппозиціонныхъ партій, которыя всегда и во всемъ будутъ противостоять предложеніямъ Правительства, остальныя партіи несовершенно единодушны

въ этомъ не столь простомъ дѣлѣ, и среди нихъ есть еще лица, которыя не поддались, можетъ быть, тому чувству самовнушенія, которому подпало большинство Государственной Думы. Это даетъ мнѣ надежду, если не измѣнить уже предрѣшенное мнѣніе Государственной Думы, то доказать, что можетъ существовать въ этомъ дѣлѣ и другое мнѣніе, другой взглядъ и что этотъ другой взглядъ не безуменъ и не преступенъ. Господа! Область правительственной власти есть область дѣйствій. Когда полководецъ, на полѣ сраженія, видитъ, что бой проигранъ, онъ долженъ сосредоточиться на томъ, чтобы собрать свои разстроенныя силы, объединить ихъ въ одно цѣлое. Точно также и Правительство, послѣ катастрофы, находится нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ общество и общественное представительство. Оно не можетъ всецѣло поддаться чувству возмущенія, оно не можетъ исключительно искать виновныхъ, не можетъ исключительно сражаться съ тѣми фантомами, о которыхъ говорилъ предыдущій ораторъ. Оно должно объединить свои силы и стараться возстановить разрушенное. Для этого, конечно, нуженъ планъ, нужна объединенная дѣятельность всѣхъ государственныхъ органовъ. На этотъ путь и встало настоящее Правительство съ первыхъ дней, когда была вручена

ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды; оно раздѣлило задуманныя имъ мѣропріятія на болѣе спѣшныя, имѣющія связь съ послѣдующими, и на эти послѣдующія мѣропріятія, которыя оно и рѣшило проводить и планомѣрно, и послѣдовательно. При этомъ Правительство не могло не задать себѣ вопросовъ: нуженъ ли Россіи флотъ, какой флотъ Россіи нуженъ, и можно ли съ этимъ дѣломъ медлить. На первыхъ двухъ вопросахъ я долго останавливаться не буду, такъ какъ мнѣніе Правительства было подробно высказано въ комиссіи государственной обороны, и оно соотвѣтствуетъ тому мнѣнію, которое выражено въ формулѣ постатейнаго перехода къ чтенію отдѣльныхъ нумеровъ смѣты Морского Министерства, предложенной вашему вниманію. Для всѣхъ, кажется, теперь стало ясно, что только тотъ народъ имѣетъ право и власть удержать въ своихъ рукахъ море, который можетъ его отстоять. Поэтому всѣ тѣ народы, которые стремились къ морю, которыя достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроенія. Для нихъ флотъ являлся предметомъ народной гордости; это было внѣшнее доказательство того, что народъ имѣетъ силу, имѣетъ возможность удержать море въ своей власти. Для этого недостаточно однѣхъ крѣпостей, нельзя одними

крѣпостными сооруженіями защищать береговую линію. Для защиты береговъ необходимы подвижныя, свободно плавающія крѣпости, необходимъ линейный флотъ. Это поняли всѣ прибрежные народы. Беззащитность на морѣ такъ же опасна, какъ и беззащитность на сушѣ. Конечно, можно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторое время прожить на сушѣ и безъ крова, но когда налетаетъ буря, чтобы противостоять ей, нужны и крѣпкія стѣны и прочная крыша. Вотъ почему дѣло кораблестроенія вездѣ стало національнымъ дѣломъ. Вотъ почему спускъ каждаго новаго корабля на воду является національнымъ торжествомъ, національнымъ празднествомъ. Это отдача морю части накопленныхъ на сушѣ народныхъ силъ, народной энергіи. Вотъ почему, господа, вездѣ могучія государства всегда строили флоты у себя дома: дома они оберегаютъ постройку флота отъ всякихъ случайностей; они дома у себя наращиваютъ будущую мощь народную, будущее ратное могущество.

Эти вотъ простыя соображенія привели Правительство къ тому выводу, что Россіи нуженъ флотъ. А на вопросъ, какой Россіи нуженъ флотъ,—дала отвѣтъ та же комиссія государственной обороны, которая выразилась такъ: Россіи нуженъ флотъ дѣеспособный. Это выраженіе я понимаю въ томъ

смыслѣ, что Россіи необходимъ такой флотъ, который въ каждую данную минуту могъ бы сразиться съ флотомъ, стоящимъ на уровнѣ новѣйшихъ научныхъ требованій. Если этого не будетъ, если флотъ у Россіи будетъ другой, то онъ будетъ только вреденъ, такъ какъ неминуемо станетъ добычей нападающихъ. Россіи нуженъ флотъ, который былъ бы не менѣе быстроходенъ и не хуже вооруженъ, не съ болѣе слабой броней, чѣмъ флотъ предполагаемаго непріятеля. Россіи нуженъ могучій линейный флотъ, который опирался бы на флотъ миноносный и на флотъ подводный, такъ какъ отбиваться отъ тѣхъ плавучихъ крѣпостей, которыя называются броненосцами, нельзя одними минными судами.

Покончивши съ вопросами, въ которыхъ Правительство вполнѣ солидарно съ комиссіей государственной обороны, позвольте мнѣ перейти и остановиться нѣсколько дольше на третьемъ вопросѣ, на которомъ начинается между нами разногласіе. Это вопросъ о томъ, насколько спѣшно и настоятельно устройство нашихъ морскихъ силъ. Отвѣтъ на это комиссіи государственной обороны совершенно ясенъ и опредѣленъ: комиссія говоритъ, что ранѣе всего нужно вырѣшить всѣ вопросы морской обороны въ связи съ обороной всего государства; затѣмъ необходимо переустрой-

ство морского вѣдомства, наконецъ, необходимо представленіе на судъ законодательнаго собранія финансовой программы судостроенія, и только послѣ этого уже можно будетъ приступить къ постройкѣ линейныхъ кораблей, къ возсозданію флота. Эти положенія были тутъ подкрѣплены безпощадной логикой блестящихъ рѣчей цѣлаго ряда ораторовъ. Вопросъ этотъ совершенно исчерпанъ: для Государственной Думы безусловно ясно, что послѣ того страшнаго урока, который получило морское вѣдомство, необходимо переустроить это Министерство, необходимо положить конецъ и неустройствамъ въ немъ, и злоупотребленіямъ; необходимо обновить самый духъ вѣдомства, и нельзя строить новаго флота, не имѣя полной программы судостроенія. Подъ всѣми этими положеніями я готовъ подписаться. Я иду далѣе. Я увѣренъ, что отвѣтственные представители флота, отвѣчающіе передъ Государемъ Императоромъ за морское дѣло, не будутъ этихъ положеній отвергать. Но, господа, именно для отвѣтственныхъ лицъ выводы изъ этихъ положеній не такъ просты. Я приглашаю васъ на время, на короткое время, отказаться отъ того чувства возмущенія, которое владѣетъ вами, о которомъ только что говорилъ членъ Государственной Думы Гучковъ. Забудьте, господа, забудьте

ту жгучую боль, которую испытываетъ каждый русскій, когда касается вопроса о русскомъ флотѣ, и послѣдуйте за мной въ область безстрастнаго разрѣшенія вопроса, въ предѣлахъ одной государственной пользы и государственной необходимости. Позвольте мнѣ для этого вернуться къ тому сравненію, къ которому я прибѣгъ въ началѣ моей рѣчи, и сопоставьте положеніе Правительства съ положеніемъ полководца на слѣдующій день послѣ пораженія. Въ такомъ положеніи первая задача лица, власть имѣющаго, разрѣшить вопросъ о томъ, какъ же быть съ остатками, съ обломками разбитой непріятелемъ силы? Это задача Правительства, задача морского вѣдомства. Вторая задача—какъ реорганизовать то вѣдомство, которое не оказалось на высотѣ положенія, и какъ возобновлять разрушенную силу, въ данномъ случаѣ какія строить суда. Это задача спеціальныхъ техническихъ органовъ, которая должна быть разрѣшена послѣ утвержденія ея выводовъ Верховною Властью. Наконецъ, третья задача—какъ организовать морскую оборону въ связи съ обороной государства. Это задача Правительства, которая можетъ быть вырѣшена послѣ разрѣшенія двухъ задачъ. Если слѣдовать за комиссіей государственной обороны, то, конечно, всѣ эти три задачи можно рѣшить только одновременно

и независимо отъ вопроса объ организаціи Министерства, о затратѣ колоссальныхъ суммъ на возсозданіе всего нашего флота, невозможно и требовать какихъ либо ассигнованій на устройство нашихъ разстроенныхъ морскихъ силъ, для приданія имъ какого либо боевого значенія. Но Правительство, господа, должно смотрѣть на дѣло иначе; Правительство имѣетъ дѣло съ живымъ организмомъ,—флотомъ,—съ живыми людьми, оно имѣетъ еще одну капитальную задачу: на немъ лежитъ обязанность оградить государство, во всякую данную минуту, отъ всякихъ случайностей. Поэтому Правительство должно было прежде всего осмотрѣться и незамедлительно рѣшить вопросъ, какъ же быть съ остатками, съ обломками нашего флота. Я не буду, господа, вводить васъ въ спеціальные вопросы, я нахожу, что въ такомъ собраніи не могутъ быть разрѣшены вопросы о томъ или другомъ типѣ котловъ или двигателей, на которыхъ останавливался членъ Государственной Думы Марковъ; я буду приводить вамъ простыя данныя, понятныя, по моему, какъ для обывателя, въ положеніи члена Государственной Думы, такъ и для штатскаго Министра, не носящаго кортика. Если взять кавалерійскую часть, то для васъ станетъ понятно, что она можетъ имѣть силу только, если она вся посажена на одинако-

выхъ коней, одинаковаго хода, такъ какъ иначе вся часть должна будетъ равняться по отстающимъ; вся часть, всѣ всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, такъ какъ иначе часть пуль не будетъ долетать, огонь этой части не будетъ дѣйствителенъ; вся часть должна быть одинаково снаряжена, всѣ всадники должны быть одѣты въ одинаковые мундиры защитнаго цвѣта, иначе часть всадниковъ будетъ болѣе уязвима, чѣмъ другая. Это все примѣнимо и къ флоту. Отдѣльные корабли, и это было уже указано, не могутъ имѣть никакой силы, если они будутъ механически соединены въ отряды: въ этомъ случаѣ, каждое отдѣльное, болѣе быстроходное судно должно будетъ равняться по наиболѣе тихоходному во всей эскадрѣ, должно будетъ стрѣлять на такое разстояніе, на которое будутъ долетать снаряды наихудше вооруженныхъ судовъ, наконецъ, вся эскадра станетъ болѣе уязвимой, если часть ея будетъ хуже другихъ бронирована. Такое сборище судовъ будетъ никуда негоднымъ сбродомъ; это будетъ отрядъ, неспособный не только на оперированіе, но и на маневрированіе. Для того чтобы маневрировать, нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, нѣсколько судовъ одного типа, нѣсколько линейныхъ кораблей, нѣсколько брониро-

ванныхъ крейсеровъ, нѣсколько простыхъ крейсеровъ, нѣсколько миноносцевъ; между тѣмъ остатки нашихъ судовъ не могутъ составить ни одной эскадры: эти остатки напоминаютъ собой ту разношерстную кавалерію, о которой я только что упомянулъ, посаженную на разныхъ коней, вооруженную разнымъ оружіемъ, обмундированную, кто въ кирасу, кто въ китель, кто въ мундиръ. И вотъ передъ Правительствомъ всталъ вопросъ: что же—ожидать разрѣшенія общихъ вопросовъ или остановиться на задачѣ использованія остатковъ нашихъ морскихъ силъ путемъ нѣкотораго ихъ пополненія и преданія имъ хоть нѣкотораго боевого значенія? Правительство хорошо понимало, что ждать незамедлительнаго разрѣшенія общихъ вопросовъ невозможно. Общая оборона государства—дѣло весьма сложное, затрогивающее интересы всѣхъ почти вѣдомствъ. Тутъ замѣшано не одно только Морское или Военное Министерство,—въ ряды мѣръ по оборонѣ должно быть введено и вѣдомство путей сообщенія, такъ какъ тутъ важна постройка стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, и вѣдомство переселенческое, такъ какъ долженъ быть созданъ на Дальнемъ Востокѣ оплотъ изъ живыхъ людей, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, для защиты страны нужны

грунтовыя дороги, нужны почты и телеграфы, затронуто Министерство Торговли такъ какъ необходимо учесть и значеніе торговаго флота. Дѣло разрослось въ вопросъ громаднаго государственнаго значенія, разсматривавшійся Совѣтомъ Министровъ, на журналѣ котораго отъ 2 марта Государь Императоръ положилъ такого рода резолюцію: «Общій планъ обороны государства долженъ быть выработанъ короткій и ясный на одно или два десятилѣтія, по его утвержденіи онъ долженъ неуклонно и послѣдовательно быть приводимъ въ исполненіе». Что же касается переустройства морского вѣдомства, то, несмотря на полное напряженіе силъ этого Министерства, нельзя было требовать отъ него излишней, въ ущербъ качеству работы, спѣшности, излишней торопливости, въ которой насъ, Правительство, только что въ другой области такъ упорно обвиняли. Вамъ извѣстно, господа, что, со времени окончанія войны, въ морскомъ вѣдомствѣ были произведены спѣшныя работы. Съ тѣхъ поръ Государемъ Императоромъ было утверждено образованіе должности Помощника Морского Министра, что сняло съ Морского Министра цѣлый рядъ хозяйственныхъ заботъ. Былъ образованъ Морской Генеральный Штабъ, было установлено новое, автономное устройство судо-

строительныхъ заводовъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время, придана новая организація высшему командованію флотомъ. Объ этихъ реформахъ мною упоминалось въ комиссіи государственной обороны, и, если безпристрастно судить, то нужно признать, что за послѣднее время, больше сдѣлано въ этой области, чѣмъ за цѣлое десятилѣтіе. Много, господа, и осталось сдѣлать, и многое еще будетъ совершено. Но, нѣтъ, нѣтъ, господа, той волшебной палочки, отъ соприкосновенія которой въ одинъ мигъ можетъ переустроиться цѣлое учрежденіе. Поэтому, если ожидать окончательнаго переустройства вѣдомства, если ожидать ассигнованія колоссальныхъ суммъ на приведеніе въ исполненіе полной программы судостроенія, то въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ обломковъ нашего флота, нашихъ морскихъ силъ, разстроенныхъ послѣдней войной, пришлось бы примириться съ довольно продолжительной остановкой. Къ чему же, господа, привела бы такая остановка? На этомъ не могло не остановить своего вниманія Правительство. Вникните, господа, въ этотъ вопросъ и вы. Первымъ послѣдствіемъ такой остановки, о которой краснорѣчиво говорили нѣкоторые изъ предыдущихъ ораторовъ, было бы несомненно разстройство нашихъ заводовъ, на которое я указывалъ въ комиссіи государствен-

ной обороны, и на что мнѣ обстоятельно никто не возразилъ. То, что въ другихъ государствахъ оберегается, бережно наращивается, развивается техническій опытъ, знаніе, созданіе людей, поставленныхъ на это дѣло, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается только въ цѣлый рядъ лѣтъ, въ цѣлую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно придти въ разстройство. Членъ Государственной Думы Львовъ говорилъ о томъ, что не было бы бѣды, если бы наши заводы сократили нѣсколько свою работу; но, господа другія страны находятъ, что національное судостроительство является плодомъ усилій цѣлыхъ поколѣній, результатомъ національнаго порыва, который достижимъ только съ громаднымъ напряженіемъ силъ. Всякій регрессъ, всякій шагъ назадъ въ этой области уже ведетъ къ разстройству этого дѣла. Морской Министръ въ комиссіи приводилъ цифры говорилъ о томъ, что, для поддержанія нашихъ заводовъ на теперешнемъ уровнѣ, намъ нужно заказовъ на 22.000.000 р. въ годъ. Въ настоящее время заводы имѣютъ заказовъ только на 11.000.000 р. и то только на одинъ годъ. Вторымъ послѣдствіемъ остановки была бы необходимость обучать личный составъ на тѣхъ отдѣльныхъ разношерстныхъ судахъ, о которыхъ я вамъ говорилъ. Членъ Государственной Думы Ба-

бянскій доказывалъ вчера, что можно обучать личный составъ и нижнихъ чиновъ, и офицеровъ на тѣхъ двухъ броненосцахъ, которые имѣются въ Балтійскомъ морѣ. Но, господа, судите сами, какое же возможно эскадренное ученіе, какая же возможна стрѣльба, какое возможно эскадренное маневрированіе безъ эскадры. Возможно ли обученіе. воспитаніе механиковъ, разъ мы не имѣемъ усовершенствованныхъ механизмовъ. Насъ, съ одной стороны, упрекали въ томъ, что морское вѣдомство заказывало такія суда, какъ «Рюрикъ», которыя являлись отсталыми; съ другой стороны, градъ упрековъ былъ обращенъ на насъ за то, что мы хотимъ заказывать суда новѣйшаго устройства, какъ тутъ насмѣшливо было сказано, «сверхъ-корабли»—«Дрейднауты». Но третье послѣдствіи остановки въ устройствѣ нашихъ морскихъ силъ было бы длительное безпомощное положеніе Россіи въ отношеніи морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбіе, я думаю, что такая безпомощность не соотвѣтствуетъ міровому положенію Россіи. Вотъ, господа, тѣ доводы, которые побудили насъ испрашивать у васъ не утвержденія полной программы кораблестроенія, а временно, до установленія плана общей обороны государства, постройки только 4 броненосцевъ въ теченіе 4 лѣтъ для того,

чтобы нѣсколько пополнить разстроенные ряды нашего флота и придать имъ нѣкоторый боевой смыслъ. Я старался обрисовать вамъ, господа, что выиграетъ государство принятіемъ правительственнаго предложенія; я долженъ при этомъ еще упомянуть, что постройка этихъ 4 броненосцевъ не идетъ въ разрѣзъ ни съ одной изъ программъ судостроенія. Эти 4 броненосца входятъ во всѣ программы. Они будутъ служить для осуществленія любой изъ нихъ, хотя бы на первомъ планѣ была поставлена программа укрѣпленія нашихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Такимъ образомъ отъ принятія правительственнаго предложенія не можетъ послѣдовать для государства никакого ущерба. Останавливаясь на томъ, что можетъ побудить Государственную Думу отказать Правительству въ ничтожной, сравнительно съ общимъ нашимъ бюджетомъ, суммѣ въ 11 250.000 р., надо придти къ логическому выводу, что здѣсь, какъ и говорилъ членъ Государственной Думы Гучковъ, надо искать мотивовъ симптоматичнаго, педагогическаго свойства. Очевидно большинство Государственной Думы хочетъ хирургическимъ образомъ избавить морское вѣдомство отъ одержимой имъ болѣзни. Большинство Думы полагаетъ, что послѣ нанесеннаго ему удара, послѣ того choc'a, который ему готовится,

Морское Министерство станетъ на новый путь плодотворной работы. Я думаю, что это не такъ. Я думаю, что, кромѣ того реальнаго ущерба, о которомъ я упоминалъ, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущербъ. Вы, господа, вѣрите въ силу реорганизаціи учрежденія. Несмотря на то, что, независимо отъ готовящагося вами удара, вѣдомство это будетъ реорганизовано, нельзя все-же не признать, что главная сила не въ учрежденіи, а въ людяхъ. Людей, господа, мало во всѣхъ учрежденіяхъ, мало ихъ и въ морскомъ вѣдомствѣ, и, можетъ быть, еще меньше потому, что, какъ указывалъ членъ Государственной Думы Капустинъ, лучшія, быть можетъ, силы флота лежатъ теперь на днѣ океана. Но какъ ни какъ, а тѣ лица, тѣ новые люди, которые поставлены во главѣ отвѣтственныхъ частей флота должны же чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на нихъ, какая ихъ тяготитъ отвѣтственность! И не думаете ли вы, что вашъ отказъ въ кредитахъ переложитъ эту отвѣтственность съ нихъ на васъ? Вы говорите, господа, что вы отказываете въ кредитѣ только на нѣсколько мѣсяцевъ,— но такъ ли это? Вы ждете реорганизаціи вѣдомства? Реорганизовать вѣдомство можно въ нѣсколько мѣсяцевъ,—но можно ли въ тотъ же короткій срокъ дождаться результатовъ реформы? Чѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ похвалиться предъ вами морское вѣдомство? Работою ли заводовъ, разстроенныхъ тѣмъ, что имъ не будутъ даны заказы, личнымъ ли составомъ, обезкураженнымъ неопредѣленностью своего положенія. Нѣтъ, господа, я лично увѣренъ, что и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы найдете, что еще не наступилъ моментъ для ассигнованія средствъ на судостроительство. Господа, ваши нападки, ваши разоблаченія сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; болѣе того, я увѣренъ, что при наличности Государственной Думы невозможны уже тѣ злоупотребленія, которыя были раньше. (*Продолжительныя рукоплесканія*). Господа, я пойду дальше, я скажу, что, быть можетъ, морское вѣдомство еще не доказало того, что въ настоящую минуту возможно довѣрить ему тѣ сотни милліоновъ, которые необходимы на выполненіе общей программы новаго судостроенія. Но, господа, не лишайте же морское вѣдомство возможности доказать вамъ это, не разстраивайте это вѣдомство въ корнѣ. Вѣдь, господа, во всѣхъ вѣдомствахъ есть неустройства. Нельзя же преграждать учрежденіямъ и людямъ возможность доказывать желаніе улучшить положеніе, нельзя всѣхъ поголовно считать «рабами лукавыми». Да,

господа, для «лукавыхъ рабовъ» нѣтъ лучшаго разрѣшенія вопроса, чѣмъ предлагаемый вами. Вѣдь они, на основаніи вашего рѣшенія, могутъ предаться полному ничегонедѣланію. *(Смѣхъ слѣва)*. Вѣдь, господа, для лукавыхъ рабовъ ваше рѣшеніе будетъ мягкой подушкой для сладкаго сна. *(Смѣхъ слѣва)*. Господа, нельзя наказывать гимназиста, срѣзавшагося на экзаменѣ, лишеніемъ его учебныхъ книгъ, учебныхъ пособій. *(Смѣхъ слѣва; возгласы справа*: браво). А вы дѣлаете нѣчто подобное съ флотомъ *(рукоплесканія справа и въ центрѣ)*... и, можетъ быть, дѣлаете худшее. Вы хирурги, собравшіеся вокругъ одурманеннаго больного. Больной этотъ — флотъ, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и рѣжете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движеніе, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать трупъ. Господа! я вѣрю что ваше рѣшеніе, каково бы оно ни было, будетъ продиктовано вамъ велѣніемъ вашей совѣсти и тѣмъ чистымъ патріотизмомъ, о которомъ говорилъ тутъ членъ Государственной Думы Пуришкевичъ,—этимъ, и ни чѣмъ болѣе, вы станете выше партійныхъ расчетовъ, выше фракціонной тактики. Не сѣтуйте, господа, если и Правительство высказало вамъ свое мнѣніе прямо и опредѣленно.

Я увѣренъ, что всякая заминка въ дѣлѣ флота будетъ для него гибельной, нельзя на полномъ ходу останавливать или давать задній ходъ машинѣ,—это ведетъ къ ея поломкѣ. Господа, въ дѣлѣ возсозданія нашего морского могущества, нашей морской мощи, можетъ быть только одинъ лозунгъ, одинъ пароль, и этотъ пароль—впередъ. *(Рукоплесканія справа и въ центрѣ)*.

---

5 декабря 1908 года.

Гг. Члены Государственной Думы. Если я считаю необходимымъ дать вамъ объясненіе по отдѣльной статьѣ, по частному вопросу, послѣ того, какъ громадное большинство Государственной Думы высказалось за проектъ въ его цѣломъ, то дѣлаю это потому, что придаю этому вопросу коренное значеніе. Въ основу закона 9 ноября положена опредѣленная мысль, опредѣленный принципъ. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всѣмъ статьямъ законопроекта; выдернуть ее изъ отдѣльной статьи, а тѣмъ болѣе замѣнить ее другой мыслью, значитъ исказить законъ, значитъ лишить его руководящей идеи. А смыслъ закона, идея его для всѣхъ ясна. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ личность крестьянина получила уже опредѣленное развитіе, гдѣ община, какъ принудительный союзъ, ставитъ преграду для его самодѣятельности, тамъ необходимо дать ему свободу приложенія своего труда къ землѣ,

тамъ необходимо дать ему свободу трудиться, богатѣть, распоряжаться своею собственностью; надо дать ему власть надъ землею, надо избавить его отъ кабалы отживающаго общиннаго строя. (*Голоса въ центрѣ и справа*: браво). Законъ вмѣстѣ съ тѣмъ не ломаетъ общины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбопашество имѣетъ второстепенное значеніе, гдѣ существуютъ другія условія, которыя дѣлаютъ общину лучшимъ способомъ использованія земли. Если, гг., мысль эта понятна, если она вѣрна, то нельзя вводить въ законъ другое понятіе, ей противоположное; нельзя, съ одной стороны, исповѣдывать, что люди созрѣли для того, чтобы свободно безъ опеки располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой трудъ къ землѣ такъ, какъ они считаютъ это лучшимъ, а, съ другой стороны, признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы безъ гнета сочленовъ своей семьи распоряжаться своимъ имуществомъ. Противорѣчіе это станетъ еще болѣе яснымъ, если мы дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ понимаетъ Правительство терминъ «личная собственность», и что понимаютъ противники законопроекта подъ понятіемъ «собственности семейной». Личный собственникъ, по смыслу закона, властенъ распоряжаться своею землею, властенъ закрѣпить за собою свою землю, властенъ требовать отвода отдѣльныхъ участковъ ея къ одному мѣсту; онъ можетъ прикупить себѣ земли, можетъ заложить ее въ Крестьянскомъ Банкѣ, можетъ, наконецъ, продать ее. Весь запасъ его разума, его воли находится въ полномъ его распоряженіи: онъ въ полномъ смыслѣ слова кузнецъ своего счастья. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни законъ, ни государство не могутъ гарантировать его отъ извѣстнаго риска, не могутъ обезпечить его отъ возможности утраты собственности, и ни одно государство не можетъ обѣщать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодѣятельность. Государство можетъ, оно должно дѣлать другое: оно должно обезпечить опредѣленное владѣніе не тому или иному лицу, а за извѣстною группою лицъ, за тѣми лицами, которыя прилагаютъ свой трудъ къ землѣ; за ними оно должно сохранить извѣстную площадь земли, а въ Россіи это площадь земли надѣльной. Извѣстныя ограниченія, извѣстныя стѣсненія законъ долженъ налагать на землю, а не на ея владѣльца. Законъ нашъ знаетъ такія стѣсненія и ограниченія, и мы, г.г., въ своемъ законопроектѣ ограниченія эти сохраняемъ: надѣльная земля не можетъ быть отчуждена лицу иного сословія; надѣльная земля не можетъ быть заложена иначе, какъ въ Кре-

стьянскій Банкъ; она не можетъ быть продана за личные долги; она не можетъ быть завѣщана иначе, какъ по обычаю. Но что такое семейная собственность? Что такое она въ понятіяхъ тѣхъ лицъ, которыя ее защищаютъ, и для чего она необходима? Ею, во-первыхъ, создаются извѣстныя ограниченія, и ограниченія эти относятся не къ землѣ, а къ ея собственнику. Ограниченія эти весьма серьезны: владѣлецъ земли, по предложенію сторонниковъ семейной собственности, не можетъ, безъ согласія членовъ семьи, безъ согласія дѣтей домохозяина, ни продавать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрѣпить его за собою, ни отвести надѣлъ къ одному мѣсту: онъ стѣсненъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Что же изъ этого можетъ выйти? Возьмемъ домохозяина, который хочетъ прикупить къ своему участку нѣкоторое количество земли; для того, чтобы заплатить верхи, онъ долженъ или продать часть своего надѣла, или продать весь надѣлъ, или заложить свою землю, или, наконецъ, занять деньги въ частныхъ рукахъ. И вотъ дѣло, для осуществленія котораго нужна единая воля, единое соображеніе, идетъ на судъ семьи, и дѣти, его дѣти, могутъ разрушить зрѣлое, обдуманное, можетъ быть долголѣтнее рѣшеніе своего отца. И все это для того, чтобы создать какую то коллективную волю!

Какъ бы, г.г., этимъ не наплодить не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозитъ въ будущемъ и мелкою черезполосицею, а въ настоящую минуту она несомнѣнно будетъ парализовать и личную волю и личную иниціативу поселянина. Во имя чего все это дѣлается? Думаете ли вы этимъ оградить имущество дѣтей отцовъ пьяныхъ, расточительныхъ или женившихся на вторыхъ женахъ? Вѣдь и въ настоящее время община не обезпечиваетъ ихъ отъ разоренія; и въ настоящее время, къ несчастію, и при общинѣ народился сельскій пролетаріатъ; и въ настоящее время собственникъ надѣльнаго участка можетъ отказаться отъ него и за себя, и за своихъ совершеннолѣтнихъ сыновей. Нельзя создавать общій законъ ради исключительнаго, уродливаго явленія, нельзя убивать этимъ кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его вѣры въ свои силы, надеждъ на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащенію сильнаго для того, чтобы слабые раздѣлили съ нимъ его нищету. Не разумнѣе ли итти по другому пути, который широко передъ вами развилъ предыдущій ораторъ гр. Бобринскій 2. Для уродливыхъ, исключительныхъ явленій надо создавать исключительные законы; надо развить институтъ опеки за расточительность, который въ настоящее время Сенатъ признаетъ примѣни-

мымъ и къ лицамъ сельскаго состоянія. Надо продумать и выработать законъ о недробимости участковъ. Но главное, что необходимо, это, когда мы пишемъ законъ для всей страны, имѣть въ виду разумныхъ и сильныхъ, а не пьяныхъ и слабыхъ. (*Рукоплесканія центра*). Гг., нужна вѣра. Была минута и минута эта недалека, когда вѣра въ будущее Россіи была поколеблена, когда нарушены были многія понятія; не нарушена была въ эту минуту лишь вѣра Царя въ силу русскаго пахаря и русскаго крестьянина. (*Рукоплесканія центра и справа*). Это было время не для колебаній, а для рѣшеній. И вотъ, въ эту тяжелую минуту, Правительство приняло на себя большую отвѣтственность, проведя въ порядкѣ ст. 87 законъ 9 ноября 1906 г., оно ставило ставку не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и на сильныхъ. Таковыхъ, въ короткое время, оказалось около полумилліона домохозяевъ, закрѣпившихъ за собою болѣе 3.200.000 дес. земли. Не парализуйте, гг., дальнѣйшаго развитія этихъ людей и помните, законодательствуя, что такихъ людей, такихъ сильныхъ людей въ Россіи большинство. (*Рукоплесканія центра и отдѣльныя справа*). Многихъ смущаетъ, что противъ принципа личной собственности раздаются нападки и слѣва, и справа, но лѣвые, въ данномъ случаѣ, идутъ противъ принциповъ

разумной и настоящей свободы. (*Голосъ: слѣва: здорово; голосъ изъ центра*: вѣрно). Неужели не ясно, что кабала общины, гнетъ семейной собственности является для 90.000.000 населенія горькою неволею? Неужели забыто, что этотъ путь уже испробованъ, что колоссальный опытъ опеки надъ громадной частью нашего населенія потерпѣлъ уже громадную неудачу. (*Голосъ изъ центра*: вѣрно). Нельзя возвращаться на этотъ путь, нельзя только на верхахъ развѣшивать флаги какой то мнимой свободы. (*Голосъ изъ центра*: браво). Необходимо думать и о низахъ, нельзя уходить отъ черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народъ отъ нищенства, отъ невѣжества, отъ безправія. (*Бурныя рукоплесканія центра и на нѣкоторыхъ скамьяхъ справа; голосъ слѣва*: а отъ висѣлицъ?). И насколько нуженъ для переустройства нашего царства, переустройства его на крѣпкихъ монархическихъ устояхъ, крѣпкій личный собственникъ, насколько онъ является преградой для развитія революціоннаго движенія, видно изъ трудовъ послѣдняго съѣзда соціалистовъ-революціонеровъ, бывшаго въ Лондонѣ въ сентябрѣ настоящаго года. Я позволю себѣ привести вамъ нѣкоторыя положенія этого съѣзда. Вотъ то, между прочимъ, что онъ постановилъ: «Правительство, подавивъ попытку открытаго возстанія и захвата земель

въ деревнѣ, поставило себѣ цѣлью распылить крестьянство усиленнымъ насажденіемъ личной частной собственности или хуторскимъ хозяйствомъ. Всякій успѣхъ Правительства въ этомъ направленіи наноситъ серьезный ущербъ дѣлу революціи». (*Бурныя рукоплесканія центра*). Затѣмъ дальше: «Съ этой точки зрѣнія современное положеніе деревни прежде всего требуетъ со стороны партіи неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссовъ со всякими индивидуалистическими тяготѣніями». Поэтому, сторонники семейной собственности и справа и слѣва, по мнѣ, глубоко ошибаются. Нельзя, гг., итти въ бой, надѣвши на всѣхъ воиновъ броню, или заговоривъ всѣхъ ихъ отъ пораненій. Нельзя, гг., составлять законъ, исключительно имѣя въ виду слабыхъ и немощныхъ. Нѣтъ, въ міровой борьбѣ, въ соревнованіи народовъ почетное мѣсто могутъ занять только тѣ изъ нихъ, которые достигнутъ полнаго напряженія своей матеріальной и нравственной мощи. Поэтому всѣ силы и законодателя и Правительства должны быть обращены къ тому, чтобы поднять производительныя силы единственнаго источника нашего благосостоянія—земли. Примѣненіемъ къ ней личнаго труда, личной собственности, приложеніемъ къ ней всѣхъ, всѣхъ рѣшительно на-

родныхъ силъ необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, такъ какъ земля—это залогъ нашей силы въ будущемъ, земля—это Россія. (*Бурныя рукоплесканія центра и на нѣкоторыхъ скамьяхъ справа; ироническія восклицанія слѣва*).

---

11 февраля 1909 года.

Гг. члены Государственной Думы! Прежде, чѣмъ Гусударственнная Дума приметъ какоелибо рѣшеніе по заявленію объ азефскомъ дѣлѣ, я хочу подѣлиться съ вами тѣми свѣдѣніями, которыя правительство по этому дѣлу имѣетъ. Несмотря но только что высказанныя соображенія, заявленіе по этому дѣлу представляется мнѣ недостаточно обоснованнымъ; данныя, на которыхъ построено заявленіе, противорѣчатъ тѣмъ матеріаламъ, которые имѣются въ распоряженіи правительства. Обвиненія, которыя вытекаютъ изъ запроса, раздались впервые и раздаются и теперь всего громче изъ революціоннаго лагеря. Поэтому я думаю, что Государственная Дума, выслушавъ меня, можетъ быть, найдетъ, что въ дѣйствіяхъ правительства нѣтъ основаній для запроса о дѣйствіяхъ незаконом'рныхъ. Если, гг., я не выступилъ раньше, то потому, что возводились противъ правительства голословныя обвиненія, я же хотѣлъ имѣть въ рукахъ

хотя какія-нибудь данныя, противъ которыхъ могъ бы возражать, такъ какъ мнѣ казалось, что тѣ лица или партіи, которыя подняли дѣло объ Азефѣ въ Государственной Думѣ, хотятъ поставить правительство въ положеніе невыгодное, сбить его на опредѣленную позицію, которая дала бы заявленіямъ правительства желательную для противниковъ его окраску. Эта позиція, это положеніе—положеніе стороны, стороны обороняющейся, ставъ на которую правительство едва ли могло бы освободить свои объясненія отъ полемическаго оттѣнка. Между тѣмъ, дѣло Азефа, дѣло весьма несложное, и для правительства, и для Государственной Думы единственно достойный, единственно выгодный выходъ изъ него—это путь самаго откровеннаго изложенія и оцѣнки фактовъ. Поэтому, гг., не ждите отъ меня горячей защитительной или обвинительной рѣчи, это только затемнило бы дѣло, придало бы ему вѣдомственный характеръ; отвѣчая же лично на этотъ запросъ, я хотѣлъ бы освѣтить все это дѣло не съ вѣдомственной, не съ правительственной даже, а съ чисто государственной точки зрѣнія. Но, прежде чѣмъ перейти къ безпристрастному изложенію фактовъ, я долженъ установить смыслъ и значеніе, которое правительство придаетъ нѣкоторымъ терминамъ. Тутъ въ предыдущихъ рѣчахъ все время повторялись

слова «провокаторъ», «провокація», и вотъ, чтобы въ дальнѣйшемъ не было никакихъ недоразумѣній, я долженъ теперь же выяснить, насколько различное пониманіе можетъ быть придано этимъ понятіямъ. По революціонной терминологіи всякое лицо, доставляющее свѣдѣнія правительству, есть провокаторъ; въ революціонной средѣ (*Возгласы слѣва*) такое лицо не будетъ названно предателемъ или измѣнникомъ, оно будетъ объявлено провокаторомъ. Это пріемъ не безсознательный, это пріемъ для революціи весьма выгодный. Во-первыхъ, почти каждый революціонеръ, который улавливается въ преступныхъ дѣяніяхъ, обычно заявляетъ, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступленіе, а во-вторыхъ, провокація сама по себѣ есть актъ настолько преступный, что для революціи не безвыгодно, съ точки зрѣнія общественной оцѣнки, подвести подъ это понятіе дѣйствія каждаго лица, соприкасающагося съ полиціей. А между тѣмъ, правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считаетъ провокаторомъ только такое лицо, которое само принимаетъ на себя инициативу преступленія, вовлекая въ это преступленіе третьихъ лицъ, которыя вступили на этотъ путь по побужденію агента-провокатора (*Возгласъ слѣва*: «Вѣрно!»). Такимъ образомъ, агентъ полиціи,

который проникъ въ революціонную организацію и даетъ свѣдѣнія полиціи, или революціонеръ, освѣдомляющій правительство или полицію, eo ipso еще не можетъ считаться провокаторомъ. Но если первый изъ нихъ, на ряду съ этимъ, не только для видимости, для сохраненія своего положенія въ партіи выказываетъ сочувствіе видамъ и задачамъ революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно побуждаетъ кого-нибудь, подстрекаетъ кого-нибудь совершить преступленіе, то, несомнѣнно, онъ будетъ провокаторомъ, а второй изъ нихъ, если онъ будетъ уловленъ въ томъ, что онъ играетъ двойную роль, что онъ въ части сообщалъ о преступленіяхъ революціонеровъ правительству, а въ части самъ участвовалъ въ тѣхъ преступленіяхъ, несомнѣнно, уже станетъ тягчайшимъ уголовнымъ преступникомъ. Но тотъ сотрудникъ полиціи, который не подстрекаетъ никого на преступленіе, который и самъ не принимаетъ участія въ преступленіи, почитаться провокаторомъ не можетъ. Точно такъ же трудно допустить провокацію въ средѣ закоренѣлыхъ революціонеровъ, въ средѣ террористовъ, которые принимали сами участіе въ кровавомъ террорѣ и вовлекали въ эти преступленія множество лицъ. Не странно ли говорить тоже о провоцированіи кѣмъ-либо такихъ лицъ, какъ Гершуни, Гоцъ, Савенковъ, Каляевъ, Швей-

церъ и др.? Но смыслъ и выраженіе запроса не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Азефу приписывается провокація въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а также и активное, послѣдовательное участіе въ цѣломъ рядѣ преступленій чисто-государственныхъ.

Кто-же такой Азефъ? Я ни защищать, ни обвинять его не буду. Такой же сотрудникъ полиціи, какъ и многіе другіе, онъ надѣленъ въ настоящее время какими-то легендарными свойствами. Авторами запроса ему приписывается, съ одной стороны, желѣзная энергія и сила характера, при чемъ свѣдѣнія эти почерпнуты изъ замѣтки «Новаго Времени», которой почему-то приписывается и придается чуть ли не официозный характеръ. Съ другой стороны, ему приписывается цѣлый рядъ преступленій, почерпнутыхъ изъ источниковъ чисто-революціонныхъ. Правительство же, какъ я сказалъ, можетъ опираться только на фактическій матеріалъ, а считаться съ разговорами, которые, несомнѣнно, должны были создаться вокругъ такого дѣла, съ разговорами характера чисто-романическаго, фельетоннаго на тему «Тайны департамента полиціи», оно, конечно, не можетъ. Поэтому, господа члены Государственной Думы, перейдемъ къ фактамъ, пересмотримъ данныя, внѣшнія данныя изъ

жизни Азефа, прослѣдимъ по совѣту члена Государственной Думы Покровскаго революціонную карьеру Азефа, и, параллельно, его полицейскую карьеру и разсмотримъ его отношенія къ главнѣйшимъ террористическимъ событіямъ послѣдняго времени. По разслѣдованіи всего матеріала, имѣющагося въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, оказывается, что Азефъ въ 1892 г. живетъ въ Екатеринославѣ, затѣмъ онъ переѣзжаетъ за границу, въ Карлсруэ, кончаетъ тамъ курсъ наукъ со степенью инженера, въ 1899 году переселяется въ Москву и остается тамъ до конца 1901 г. Послѣ этого онъ уѣзжаетъ заграницу, гдѣ и остается до послѣдняго времени, временами только наѣзжая въ Россію, о чемъ я буду говорить дальше. Отношенія его къ революціи, опять-таки, конечно, по даннымъ департамента полиціи, таковы: въ 1892 г. онъ въ Екатеринославѣ принадлежитъ къ соціалъ-демократической организаціи, затѣмъ, переѣхавъ заграницу, вступаетъ въ ряды только-что сформировавшагося въ то время союза россійскихъ соціалъ-революціонеровъ; затѣмъ въ Москвѣ онъ примыкаетъ къ московской революціонной организаціи, упрочиваетъ тамъ свои связи и сходится съ руководителемъ этой организаціи Аргуновымъ. Къ 1902 г., опять-таки, конечно, по даннымъ департамента полиціи,

относится первое его знакомство съ Гершуни, Гоцемъ и Викторомъ Черновымъ. Это—люди революціоннаго центра. Первые двое играли главнѣйшую роль въ революціи—Гоцъ въ качествѣ инструктора, а Гершуни въ качествѣ организатора всѣхъ террористическихъ актовъ. Въ это время вліяніе Азефа растетъ, растетъ именно благодаря этимъ вліятельнымъ знакомствамъ; въ это время онъ получаетъ и нѣкоторую случайную, но, благодаря именно этимъ связамъ, цѣнную для департамента полиціи освѣдомленность. Къ концу 1904 г. и относится вступленіе Азефа въ заграничный комитетъ партіи. Заграничный комитетъ не есть еще тотъ центральный комитетъ, который даетъ директивы и руководитъ всѣми дѣйствіями революціонеровъ. Въ это время, послѣ ареста въ 1903 году Гершуни, опять-таки по свѣдѣніямъ департамента полиціи, во главѣ боевого дѣла партіи находится Борисъ Савенковъ и только послѣ ареста Савенкова, съ 1906 г., Азефъ, уже въ качествѣ члена центральнаго комитета, подходитъ ближе къ боевому дѣлу и становится представителемъ этой организаціи центральнаго комитета. Такимъ образомъ, съ мая мѣсяца 1906 года, по свѣдѣніямъ департамента полиціи, Азефъ получаетъ полную освѣдомленность о всѣхъ террористическихъ предпріятіяхъ, а до того

времени освѣдомленность его была случайная и далеко не полная. Свѣдѣнія эти основаны на донесеніяхъ самого Азефа, на донесеніяхъ завѣдующихъ розыскною частью и подверглись, конечно, и контрольной повѣркѣ. Такъ, въ 1905 г. въ нашу миссію въ Брюсселѣ является молодой человѣкъ, который заявляетъ, что онъ долженъ былъ совершить террористическій актъ, но онъ раскаялся и готовъ дать откровенныя показанія.

Оказалось, что это лицо предложило себя, въ качествѣ исполнителя смертнаго приговора, революціонной партіи, революціонерами было направлено въ Парижъ, вошло въ переговоры съ центральнымъ комитетомъ и переговаривалось тамъ съ Савенковымъ и Черновымъ, а Азефа не видѣло, что было бы, конечно, трудно допустимо, если Азефъ въ то время былъ бы уже членомъ центральнаго комитета. Затѣмъ, изъ данныхъ розыскныхъ органовъ, которые по обязанностямъ своимъ должны слѣдить за сотрудниками посредствомъ внутренней агентуры и посредствомъ наружнаго наблюденія, подтверждается только что мною описанное положеніе Азефа въ партіи. Такія же свѣдѣнія давали и другіе сотрудники, работавшіе параллельно въ партіи, какъ, напримѣръ, упоминавшійся тутъ Татаровъ, впослѣдствіи убитый революціоне-

рами. Опредѣливши все то, что знало Министерство объ отношеніи Азефа къ революціи, позвольтѣ мнѣ перейти къ отношенію его къ полиціи.

Въ число сотрудниковъ Азефъ былъ принятъ еще въ 1892 г. Онъ давалъ сначала показанія департаменту полиціи, затѣмъ, когда пріѣхалъ въ Москву, поступилъ въ распоряженіе начальника охраннаго отдѣленія, но посылалъ свои донесенія и непосредственно завѣдывающему особымъ отдѣломъ департамента полиціи Ратаеву; затѣмъ, переѣхалъ во второй разъ за-границу, опять давалъ свѣдѣнія непосредственно департаменту полиціи, а когда назначенъ былъ директоромъ департамента Лопухинъ, то переѣхалъ въ Петербургъ и оставался въ Петербургѣ до 1903 г. Затѣмъ, изъ-за заграницы сносился опять съ департаментомъ. Въ 1905 г. поступилъ въ распоряженіе къ только что тутъ упоминавшемуся Рачковскому, который въ то время завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ; въ концѣ 1905 г. Азефъ отошелъ временно отъ агентуры и затѣмъ работалъ въ петербургскомъ охранномъ отдѣленіи. Конечно, временами, когда Азефа начинали подозрѣвать въ партіи или послѣ крупныхъ арестовъ, которые колебали его положеніе, онъ временно отходилъ отъ агентуры, но потомъ опять приближался къ ней.

Вотъ, гг., послѣ выясненія отношенія Азефа къ службѣ розыска и къ революціи, позвольте мнѣ перейти къ террористическимъ актамъ того времени для того, чтобы выяснить, какъ понималъ департаментъ, какъ понимало Министерство отношеніе его къ этимъ актамъ. Но прежде позвольте мнѣ установить одно обстоятельство: во всѣхъ, выдвигаемыхъ противъ Азефа обвиненіяхъ его имя связывалось съ именемъ Рачковскаго. Такъ вотъ, я хотѣлъ выяснить, какъ тутъ, впрочемъ, и говорилось,—что Рачковскій до 1902 г. дѣйствительно завѣдывалъ особымъ отдѣломъ департамента, но въ 1902 г. онъ вышелъ въ отставку и былъ въ отставкѣ до 1905 г. Въ этомъ году генералъ Треповъ былъ назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, и Рачковскій былъ снова принятъ на службу, зачисленъ чиновникомъ особыхъ порученій и откомандированъ въ его распоряженіе. Когда генералъ Треповъ сталъ Товарищемъ Министра, завѣдывающимъ полиціей, то онъ поручилъ Рачковскому управленіе политическимъ отдѣломъ департамента полиціи, которымъ онъ и завѣдывалъ до конца 1905 года, а затѣмъ съ 1906 года, какъ я говорилъ въ первой Думѣ, Рачковскій уже никакихъ обязанностей по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не исполнялъ. Я не знаю, почему чл. Государственной Думы

Пергаментъ нашелъ какое то противорѣчіе въ этомъ заявленіи съ правительственнымъ сообщеніемъ. Въ правительственномъ сообщенія говорится, что никто изъ должностныхъ лицъ, а въ томъ числѣ указанный въ газетныхъ статьяхъ д. с. с. Рачковскій и другіе чины никогда и ни въ какой мѣрѣ не были прикосновенны къ террористическимъ актамъ и инымъ преступнымъ предпріятіямъ революціонеровъ. Несомнѣнно, что это относится къ тому времени, когда Рачковскій исполнялъ активныя порученія по департаменту полиціи, а никакъ не къ настоящему времени. Такимъ образомъ, съ 1902 по 1905 гг., т. е. за время наиболѣе активной дѣятельности Азефа, Рачковскій находился въ отставкѣ. Возвращаясь къ террористическимъ актамъ, позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на нѣкоторые выводы, которые вытекаютъ изъ изученія вообще исторіи терроризма за послѣдніе годы въ Россіи. Слѣдствія, дознанія, всѣ данныя департамента полиціи съ большой яркостью указываютъ на то, что главари революціонныхъ организацій для того, чтобы укрѣпить волю лица, непосредственно исполняющаго террористическій актъ, для того, чтобы поднять его духъ, всегда сами находятся на мѣстѣ преступленія. Такъ Гершуни былъ на Исаакіевской площади во время убійства егермейстера Сипягина. Онъ былъ на Невскомъ, рядомъ съ поручикомъ Григорьевымъ, во время неудачнаго посягательства на оберъ-прокурора Побѣдоносцева. Онъ былъ въ Уфѣ во время убійства губернатора Богдановича; онъ сидѣлъ въ саду «Тиволи» въ Харьковѣ во время покушенія Ѳомы Качура на князя Оболенскаго и даже подтолкнулъ его, когда замѣтилъ въ послѣднюю минуту съ его стороны колебаніе.

Точно также Борисъ Савенковъ во время убійства статсъ-секретаря Плеве и Великаго Князя Сергія Александровича, во время замышлявшагося покушенія на генерала Трепова и во время метанія бомбъ въ Севастополѣ на Соборной площади въ генерала Неплюева, былъ на мѣстѣ преступленія. Поэтому, изучая отношенія Азефа къ преступнымъ дѣяніямъ, необходимо наряду съ другими обстоятельствами имѣть въ виду и этотъ террористическій пріемъ, обычный и очевидно свойственный руководителямъ террористическихъ актовъ въ Россіи. Я опускаю террористическую лѣтопись 1902 года, т. е. убійство егермейстера Сипягина и посягательство на Побѣдоносцева, такъ какъ эти дѣйствія не инкриминируются Азефу. Я только хочу напомнить, что къ этому 1902 г. относится первоначальное знакомство Азефа съ Гершуни и тогда же немедленно

Азефъ сообщаетъ департаменту полиціи о преобладающей роли нѣкоего Гранина, того же Гершуни, въ революціонныхъ организаціяхъ, а затѣмъ изобличаетъ всю подавляющую роль Гершуни въ террористическихъ дѣйствіяхъ Россіи за эти годы. Изученіе процессовъ Ѳомы Качуры и Григорьева даетъ богатый матеріалъ для исторіи русской революціи этого времени. Показанія этихъ лицъ указываютъ то значеніе, которое имѣли въ революціи, въ подготовкѣ всѣхъ террористическихъ актовъ, Гершуни и Мельниковъ. Азефъ въ это время только случайно, черезъ фельдшерицу Ременникову, узнаетъ подробности посягательства на Побѣдоносцева и сообщаетъ о нихъ департаменту полиціи. За это же время изъ переписки о выдачѣ террориста Гоца изъ Неаполя и изъ переписки послѣдняго съ Гершуни точно также обрисовывается главенствующая дѣятельность Гершуни и Мельникова. Изъ этой переписки ясно, какъ возникаетъ первоначально мысль объ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве; въ этой перепискѣ имѣется характерная фраза о просьбѣ Мельникова прислать бомбъ: «Петя проситъ апельсиновъ». 1902 г. ознаменовывается убійствомъ въ Уфѣ губернатора Богдановича; въ этомъ убійствѣ уличается Гершуни. Азефъ находится безвыѣздно въ Петербургѣ.

За это же время открывается и предупреждается цѣлый рядъ другихъ террористическихъ актовъ и назрѣваетъ убійство статсъ-секретаря Плеве, которое приписывается здѣсь Азефу, несмотря на то, что онъ только что передъ этимъ раскрылъ покушеніе на того же статсъ-секретаря Плеве со стороны нѣкой Клитчоглу. Я повторяю, что ни защищать, ни обвинять Азефа я не намѣренъ. Я передаю только тѣ данныя, которыя имѣются въ распоряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Поэтому, чтобы безпристрастно отнестись къ роли Азефа, надо, какъ мнѣ кажется, поставить себѣ 4 вопроса: во-первыхъ, гдѣ былъ Азефъ въ это время; во-вторыхъ, какое положеніе было его въ партіи; въ-третьихъ, какія свѣдѣнія и данныя сообщалъ онъ за это время полиціи и затѣмъ, провѣряла ли полиція, департаментъ—на это, кажется, тутъ кто то и указалъ,—дѣятельность своихъ сотрудниковъ послѣ совершенія этихъ террористическихъ актовъ. Я на этомъ актѣ останавливаюсь особенно долго потому, что Азефъ именно былъ въ это время въ Россіи, иначе мнѣ достаточно было бы сопоставить положеніе Азефа въ партіи и освѣдомленность его съ самымъ совершеніемъ акта. Но Азефъ былъ въ это время въ Россіи, и по тѣмъ даннымъ, о которыхъ я раньше сообщилъ, еще близко

къ боевому дѣлу не стоялъ, а зналъ только то, что могли сообщить ему сильно законспирированные центровики. Гдѣ былъ Азефъ—это удостовѣряется его письменными донесеніями изъ разныхъ городовъ Россіи, такъ что по числамъ можно совершенно ясно установить, въ какомъ городѣ когда онъ былъ. Я долженъ сказать, что онъ ѣздилъ въ это время въ Уфу и имѣлъ тамъ свиданіе съ братомъ Сазонова, Изотомъ, сообщалъ о томъ, что Изотъ не имѣетъ свѣдѣній о своемъ братѣ Егорѣ, бѣжавшемъ изъ тюрьмы и готовящемъ что то чрезвычайно важное. Затѣмъ, 4 іюня Азефъ появляется въ С.-Петербургѣ и открываетъ департаменту полиціи, что лицо, погибшее во время взрыва въ Сѣверной гостинницѣ, во время приготовленія бомбъ, очевидно, для покушенія на статсъ-секретаря Плеве, былъ нѣкто Покатиловъ, что соучастники его находятся въ Одессѣ и въ Полтавѣ. Послѣ этого онъ немедленно ѣдетъ въ Одессу, откуда сообщаетъ, что готовится покушеніе на статсъ-секретаря Плеве, что оно отложено только потому, что не приготовлены бомбы. Примѣрно, черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Плеве погибаетъ отъ руки именно Егора Сазонова, посредствомъ брошеннаго имъ разрывного снаряда. Въ это время, однако, Азефа въ Россіи уже нѣтъ, такъ какъ отъ 16 іюля

имѣется телеграма его изъ Вѣны. Послѣ такого потрясающаго преступленія, какъ удавшееся покушеніе на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, департаментъ полиціи, конечно, разслѣдовалъ, что дѣлалъ въ это время его сотрудникъ. Директоръ департамента Лопухинъ выписываетъ завѣдывающаго агентурою Ратаева изъ-за границы, разслѣдываетъ все дѣло и оставляетъ Азефа на службѣ, на которой онъ и находится за все время директорства Лопухина. Вотъ тѣ внѣшнія свѣдѣнія, которыя имѣются въ департаментѣ полиціи по дѣлу статсъ-секретаря Плеве. Немедленно послѣ этого Азефъ посылаетъ чрезвычайно цѣнныя и важныя донесенія, которыя ведутъ къ раскрытію цѣлаго ряда преступныхъ замысловъ, но наряду съ этимъ онъ даетъ и менѣе важныя свѣдѣнія, т. е. такія, на которыя въ это время мало обращали вниманія. Онъ сообщаетъ, напримѣръ, о конгрессѣ революціонеровъ въ Парижѣ, рѣшившемъ собрать въ Парижѣ конференцію всѣхъ революціонныхъ и опозиціонныхъ партій. Эта конференція состоялась между 17—24 сентября, и согласно донесенію Азефа, на ней были: отъ революціонеровъ—онъ и Черновъ, а отъ конституціоналистовъ—Петръ Струве, Богучарскій, кн. Долгоруковъ и Павелъ Милюковъ (Голоса въ центрѣ: Хорошее знакомство, хороши пріятели! Смѣхъ). 5 февраля

1905 г. совершается въ Москвѣ убійство Великаго Князя Сергія Александровича и подготовляется въ Петербургѣ покушеніе на генерала Трепова. Опять таки по тому положенію, которое по свѣдѣніямъ департамента полиціи, занималъ Азефъ въ партіи, отъ него можно было бы ожидать донесеній болѣе подробныхъ по этому дѣлу, если бы онъ былъ въ это время въ Россіи и имѣлъ бы возможность эти свѣдѣнія достать отъ тѣхъ лицъ, которыя конспиративно вели это боевое дѣло. Дѣло объ убійствѣ Великаго Князя съ полною ясностью освѣщено какъ судебнымъ слѣдствіемъ, судебнымъ процесомъ, такъ и литературой по дѣлу, особенно изданіями подпольными. Но до настоящаго времени мы нигдѣ не встрѣчали имени Азефа въ рядахъ соучастниковъ этого преступленія. Дѣло это совершено Каляевымъ, организовано Борисомъ Савенковымъ, участвовала въ немъ еще Роза Брилліантъ. Азефъ же находился въ это время заграницей по документальнымъ даннымъ департамента полиціи, до покушенія онъ былъ въ Парижѣ, 3 февраля былъ въ Женевѣ, въ Швейцаріи, и непосредственно послѣ этого находился во Франціи, въ Парижѣ. Что же касается покушенія на генерала Трепова, то оно было раскрыто Татариновымъ, который далъ имена всѣхъ организаторовъ покушенія, но не на-

зываетъ между ними Азефа, хотя о роли этого сотрудника департамента полиціи онъ, конечно, не зналъ; наоборотъ, Азефъ сообщаетъ дополнительныя данныя по этому дѣлу. Въ одномъ изъ заявленій сказано, что въ это же время былъ направленъ революціонный отрядъ въ Кіевъ для убійства генералъ-адъютанта Клейгельса. Объ этомъ ни въ департаментѣ полиціи, ни въ охранномъ отдѣленіи никакихъ свѣдѣній нѣтъ.

Были свѣдѣнія въ охранномъ отдѣленіи о томъ, что въ Кіевѣ дѣйствовала мѣстная дружина, которая была извѣстна охранному отдѣленію, и которая была вся своевременно ликвидирована. Другихъ покушеній въ Кіевѣ за это время не было, но вотъ наступаетъ 1906 годъ, арестуется Борисъ Савенковъ, и тутъ, какъ я уже говорилъ, Азефъ становится близко къ боевому дѣлу, въ качествѣ представителя центральнаго комитета въ боевой организаціи. Интересна дальнѣйшая его роль. Я утверждаю, что съ того времени всѣ революціонныя покушенія, всѣ замыслы центральнаго комитета разстраиваются, и ни одно изъ нихъ не получаетъ осуществленія. Указаніе въ запросѣ на покушеніе на Министра Внутреннихъ Дѣлъ Дурново неосновательно, такъ какъ оно, собственно говоря, и открыто съ участіемъ Азефа. Затѣмъ дальше идетъ поражающій рядъ преступленій: покушеніе

на Дубасова, взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, убійство Мина, убійство Павлова, убійство гр. Игнатьева, Лауница, Максимовскаго, но всѣ эти преступленія удаются благодаря тому, что они являются дѣломъ совершенно автономныхъ, совершенно самостоятельныхъ организацій, не имѣющихъ ничего общаго съ центральнымъ комитетомъ. Это удостовѣрено и процессами, это удостовѣряется и данными изъ революціонныхъ источниковъ. Органъ соц.-рев. въ № 4 «Революціонной Мысли» за 1909 г. указываетъ: на «полное безсиліе партіи въ смыслѣ боевой дѣятельности» въ такіе рѣшительные моменты, какъ конецъ 1905 г. и кровавый періодъ, послѣдующій за разгономъ первой Думы, каковыя данныя свидѣтельствовали, что въ центрѣ партіи существовала измѣна, сознательно парализующая всѣ усилія партіи въ сторону широкаго террора.

Успѣшно работали только боевые летучіе отряды, особенно сѣверные; но удачная ихъ работа объясняется только тѣмъ, что они были автономными, не связанными съ центромъ партіи. Замыслы ихъ не могли поэтому быть извѣстны центральному органу. Я говорю, что это подтверждается и всѣми процессами того времени. Всѣ эти покушенія—дѣло максималистовъ, летучихъ отрядовъ,

дружинъ и тому подобныхъ организацій. Повторяю, что всѣ покушенія, всѣ замыслы центральныхъ организацій того времени не приводятъ уже ни къ чему, разстраиваются и своевременно разоблачаются. Тутъ упомянуто было о террористическомъ замыслѣ въ 1908 г. на Священную Особу Государя Императора. Я удостовѣряю, что это принадлежитъ къ области вымысла и, очевидно, центральный комитетъ распускалъ эти слухи для того, чтобы оправдать этимъ свою бездѣятельность въ глазахъ революціонныхъ партій. Вотъ, господа, все, что по даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ извѣстно объ Азефѣ. Я изучалъ подробно это дѣло, такъ какъ меня интересовало, нѣтъ ли въ немъ дѣйствительно уликъ въ соучастіи, въ попустительствѣ или въ небреженіи органовъ правительства. Я этихъ данныхъ, указаній и уликъ не нашелъ. Что касается Азефа, то я опять-таки повторяю, что я не являюсь тутъ его защитникомъ, и что все, что я зналъ о немъ, я вамъ сказалъ. Обстоятельствъ, уличающихъ его въ соучастіи въ какихъ либо преступленіяхъ, я, пока мнѣ не дадутъ другихъ данныхъ, не нахожу.

Въ этомъ дѣлѣ для правительства нужна только правда, и дѣйствительно, ни одна изъ альтернативъ въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть для правительства опасна. Возьмите, гг.,

что Азефъ сообщалъ только обрывки свѣдѣній департаменту полиціи, а одновременно участвовалъ въ террористическихъ актахъ: это доказывало-бы только полную несостоятельность постановки дѣла розыска въ Имперіи и необходимость его улучшить. Но пойдемъ дальше. Допустимъ, что Азефъ, по наущенію правительственныхъ лицъ, направлялъ удары революціонеровъ на лицъ, не угодныхъ администраціи. Но, господа, или правительство состоитъ сплошь изъ шайки убійцъ, или единственный, возможный при этомъ выходъ—обнаруженіе преступленія. И я васъ увѣряю, что если бы у меня были какія-либо данныя, если были-бы какія-либо къ тому основанія, то виновный былъ бы задержанъ, кто-бы онъ ни былъ. Наконецъ, если допустить, что Азефъ сообщалъ департаменту полиціи все то, что онъ зналъ, то окажется, что одинъ изъ вожаковъ, одинъ изъ главарей революціи былъ, собственно, не революціонеромъ, не провокаторомъ, а сотрудникомъ департамента полиціи, и это было-бы, конечно, очень печально и тяжело, но никакъ не для правительства, а для революціонной партіи. Поэтому, я думаю, что, насколько правительству полезенъ въ этомъ дѣлѣ свѣтъ, настолько-же для революціи необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужасъ увлеченнаго на преступный путь, но

идейнаго, готоваго жертвовать собой, молодого человѣка или дѣвушки, когда передъ ними обнаружится вся грязь верховъ революціи. Не выгоднѣе-ли революціи распускать чудовищные легендарные слухи о преступленіяхъ правительства, переложить на правительство весь одіумъ дѣла, обвинить его агентовъ въ преступныхъ происках, которые деморализуютъ и членовъ революціонныхъ партій, и самую революцію. Вѣдь, легковѣрные люди найдутся всегда. Я беру, какъ примѣръ, печатающіяся теперь въ газетѣ «Matin» разоблаченія Бакая, теперешняго революціонера и бывшаго сотрудника департамента полиціи.

Я недавно получилъ отъ Бакая письмо. Онъ проситъ меня ознакомиться съ тѣми документами, которые были задержаны при немъ во время обыска въ 1907 г., и предлагаетъ вернуться въ Петербургъ для того чтобы помочь дальнѣйшимъ разоблаченіямъ. Документы эти, видимо, готовились также для прессы, они почти тождественны съ тѣми, что печатаются въ «Matin», но, конечно, составлены въ гораздо болѣе скромномъ масштабѣ, въ «Matin» они раздуты и разукрашены. Относятся они къ 1905 г., скорѣе къ сыскному отдѣленію, чѣмъ къ охранному, ко времени апогея революціи въ Варшавѣ. Я долженъ сказать, что въ свое

время нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу проникали въ печать, и я года полтора тому назадъ приказалъ полностью разслѣдовать все это дѣло и долженъ удостовѣрить, что все то, что Бакай говоритъ, есть по большей части сплошной вымыселъ, напримѣръ, его разсказъ про Щигельскаго, который былъ здѣсь упомянутъ, и о томъ, что прокуроръ хотѣлъ привлечь его къ отвѣтственности—не соотвѣтствуетъ истинѣ. Точно также не вѣрны только что здѣсь оповѣщенныя съ трибуны свѣдѣнія о томъ, что какое-то лицо, приговоренное къ смертной казни, состоитъ начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Радомѣ. Я долженъ заявить, что это не только не такъ, но въ Радомѣ нѣтъ и охраннаго отдѣленія. (Смѣхъ). Такимъ образомъ, очевидно, не безвыгодно продолжать распускать нелѣпые слухи про администрацію, такъ какъ посредствомъ такого рода слуховъ, посредствомъ обвиненія правительства можно достигнуть многаго, можно переложить, напримѣръ, отвѣтственность за непорядки въ революціи на правительство (Рукоплесканія справа и въ центрѣ). Можно, господа, этимъ путемъ достигнуть можетъ быть упраздненія совершеннаго секретной агентуры, упраздненія чуть ли не департамента полиціи. Эту ноту я и подмѣтилъ въ рѣчахъ предыдущихъ ораторовъ, надежду на то, что само наив-

ное правительство можетъ помочь уничтожить преграды для дальнѣйшаго побѣдоноснаго шествія революціи. И дѣло Азефа, скандалъ Азефа послужитъ такимъ образомъ ad majorem gloriam революціи.

А насколько, гг., такого рода секретная агентура губительна для революціи, насколько она въ революціонное время необходима правительству, позвольте мнѣ объяснить словами того же Бакая. Позвольте мнѣ подѣлиться нѣкоторыми размышленіями Бакая, напечатанными въ послѣднемъ номерѣ журнала «Былое». Бакай въ этомъ номерѣ сообщаетъ, что когда въ концѣ 1904 г. въ заговорщицко-боевой отдѣлъ польской соціалистической партіи вошли два провокатора, то отдѣлу въ теченіе почти цѣлаго года не удалось, несмотря на всѣ усилія, убить варшавскаго генералъ-губернатора, двухъ приставовъ и освободить одного арестованнаго, при чемъ всѣ планы террористовъ рушились, и почти вся группа была арестована. А съ конца 1905 г. въ боевой организаціи, такъ называемыхъ, провокаторовъ уже не было, тогда за годъ ограблены опатовское, либартское и мазавецкое казначейства на сумму болѣе полумилліона рублей, совершены экспропріаціи на сумму около 200.000 руб., убиты: военный генералъ-губернаторъ, помощникъ генералъ-губернатора,

одинъ полковникъ, два подполковника, два помощника пристава, воинскихъ чиновъ 20, жандармовъ—7, полицейскихъ—56; ранено военныхъ—42, жандармовъ—12, полицейскихъ—42, а всего 179 человѣкъ; произведено 10 взрывовъ бомбъ, причемъ убито 8 и ранено 50 лицъ; разгромлено и ограблено—149 казенныхъ винныхъ лавокъ. Эта справка дается не казенной статистикой, и видно, что, такъ называемая, нынѣ упоминаемая провокація правительства, т. е. я думаю, правильная агентура, приводитъ скорѣе къ сокращенію преступленій, а не къ ихъ увеличенію. Но во всякомъ случаѣ, изъ всего этого видно, что единственно возможный выходъ для революціи изъ азефскаго скандала—это, конечно, встрѣчный искъ правительству, предъявленіе къ нему обвиненія въ тягчайшихъ преступленіяхъ.

Я, гг., указалъ на обвиненіе, мнѣ остается указать на обвинителей. Ихъ трое: первый изъ нихъ тотъ самый Бакай, о которомъ я только что сообщалъ. Бывшій фельдшеръ Михаилъ Ефимовичъ Бакай въ 1900 г. собственноручно подалъ докладную записку въ Екатеринославское охранное отдѣленіе о своемъ желаніи поступить сотрудникомъ въ охрану. Сначала въ Екатеринославѣ онъ открылъ революціонную, а отчасти и боевую организацію, обнаружилъ типографію въ

Черниговѣ, а затѣмъ раскрылъ цѣлую группу революціонеровъ, арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Послѣ этого въ революціонной партіи послѣдовалъ такъ называемый его провалъ; онъ оказался провокаторомъ и вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ быть переведенъ въ Варшаву, гдѣ помогаетъ раскрытію польской соц.-рев. организаціи, предупреждаетъ покушеніе на генералъ-адъютанта Скалона и даже чуть не погибаетъ при задержаніи преступника, который долженъ былъ бросить въ генерала разрывной снарядъ. Но одновременно съ этимъ въ охранномъ отдѣленіи возникаетъ противъ Бакая подозрѣніе. Дѣло въ томъ, что обнаружилась продѣлка двухъ евреевъ, нѣкіихъ Зегельберга и Пинкерта, которые черезъ, очевидно, весьма освѣдомленное въ охранномъ отдѣленіи лицо узнаютъ о тѣхъ дѣлахъ, которыя направляются къ прекращенію, и соображая, какія лица должны быть скоро освобождены изъ-подъ ареста, начинаютъ вымогать у родственниковъ этихъ лицъ крупныя суммы денегъ якобы за ихъ освобожденіе (Возгласы негодованія въ центрѣ).

Таинственныя сношенія Бакая съ этими лицами заставили охранное отдѣленіе немедленно и категорически потребовать отъ него подачи его въ отставку, чему Бакай немедленно и молчаливо подчинился, хотя передъ

этимъ онъ усиленно просилъ о переводѣ его въ Петербургъ, мотивируя это тѣмъ, что онъ въ Варшавѣ участвовалъ во многихъ политическихъ процессахъ, которые кончались смертными приговорами, и потому пребываніе его тамъ не безопасно. Послѣ отставки Бакай немедленно передается на сторону революціонеровъ, даетъ революціонерамъ секретные документы, улавливается на этомъ, ссылается въ Сибирь, бѣжитъ заграницу и уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ и теперь занимается тѣмъ, что обнаруживаетъ своихъ сотрудниковъ и даетъ въ подпольную прессу секретные документы и свои измышленія; кромѣ того, онъ старается письменно совратить въ революцію и своихъ прежнихъ товарищей, сотрудниковъ департамента полиціи. Вотъ вамъ, гг., фигура одного изъ видныхъ парижскихъ дѣлателей русской революціи. Второй обвинитель—Бурцевъ. Онъ съ 23-лѣтняго возраста принадлежитъ къ партіи народной воли, обвиняется въ этомъ, ссылается также въ Сибирь, точно также бѣжитъ и проживаетъ послѣ этого въ Швейцаріи, Болгаріи, Англіи и Франціи. Революціонная вѣра Бурцева—сплошной терроръ: убійства, цареубійства, терроръ посредствомъ разрывныхъ бомбъ—вотъ проповѣдь Бурцева. Гг.! Я не хочу быть голословнымъ, я опять таки говорю, что основываюсь исключительно на фактическомъ матеріалѣ: вѣдь самыми свободолюбивыми странами кажется считаются Англія и Швейцарія—обѣ эти страны признали Бурцева преступнымъ.

Въ Англіи, когда Бурцевъ началъ издавать свой журналъ «Народоволецъ», началъ проповѣдывать цареубійство, терроръ, онъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, и въ 1898 г. центральнымъ уголовнымъ судомъ былъ осужденъ на 18 мѣсяцевъ принудительныхъ работъ. Отбывъ ихъ, онъ отправился въ Швейцарію, гдѣ сначала издалъ брошюру «Долой Царя», а затѣмъ книжечку своего собственнаго сочиненія «Къ оружію», и за проповѣдь анархизма и терроризма швейцарскимъ правительствомъ былъ высланъ изъ предѣловъ Швейцаріи. Третій обвинитель—Лопухинъ—бывшій директоръ департамента полиціи. Въ настоящее время Лопухинъ привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ пособничествѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, выразившимся въ томъ, что онъ обнаружилъ партіи службу Азефа дѣлу розыска. Данныя предварительнаго слѣдствія, не опровергаемыя и самимъ Лопухинымъ... (Возгласъ слѣва: «Не подлежатъ оглашенію!») Виноватъ: я слышу тутъ—не подлежатъ оглашенію. Я считаю, что, какъ лицо, стоящее во главѣ правительства, я

имѣю право разсматривать данныя предварительнаго слѣдствія, и разъ онѣ судебною властью не признаны въ настоящее время секретными, я могу ими воспользоваться и сообщить ихъ представительному собранію. (Возгласы слѣва и центра: «Правильно!»). Поэтому я и говорю—по даннымъ предварительнаго слѣдствія, не опровергаемымъ самимъ Лопухинымъ, осенью минувшаго года во время случайной, будто бы, встрѣчи его съ Бурцевымъ въ Германіи, а затѣмъ во время посѣщенія его, Лопухина, 10 декабря минувшаго года, въ Лондонѣ въ гостиницѣ тремя террористами — Савенковымъ, Аргуновымъ и Черновымъ, онъ подтвердилъ имъ что Азефъ былъ сотрудникомъ департамента полиціи. Я, господа, упоминаю объ этомъ не для того, чтобы оцѣнивать поступокъ Лопухина, его оцѣнитъ нелицепріятный судъ (Возгласы слѣва: «Нѣтъ его въ Россіи!»). Если бы правительство не довело этого дѣла до суда, если бы оно терпимо отнеслось къ сношеніямъ бывшихъ высшихъ административныхъ лицъ съ революціонерами, съ проповѣдниками террора, съ участниками даже кроваваго террора, къ разоблаченіямъ этихъ бывшихъ сановниковъ, хранителей государственныхъ тайнъ, предъ революціоннымъ трибуналомъ, то это знаменовало бы не только боязнь передъ разоблаченіями, не только

трусливую робость передъ свѣтомъ гласности, а полный развалъ государственности (рукоплесканія центра). Но я не берусь объяснить вамъ, господа, почему Лопухинъ сдѣлалъ то, что онъ сдѣлалъ; мнѣ нужно было знать другое, а именно, не обладалъ ли онъ свѣдѣніями о преступности Азефа, о соучастіи его въ террористическихъ дѣяніяхъ. Съ этой точки зрѣнія, я и разсматривалъ слѣдственный матеріалъ, и могу утвердительно сказать, что Лопухинъ этими данными не обладалъ, что онъ о преступныхъ дѣяніяхъ Азефа въ этомъ смыслѣ ничего революціонерамъ не сообщалъ, а напротивъ, представители революціонныхъ партій сообщили Лопухину, якобы, объ активномъ даже соучастіи Азефа въ убійствѣ Великаго Князя, въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и въ подготовленіи цареубійства.

Такимъ образомъ, выходитъ, что революціонеръ, убѣжденный проповѣдникъ террора, разоблачаетъ передъ бывшимъ директоромъ департамента полиціи бывшаго его сотрудника, не сообщая ему при томъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе, такъ какъ Бурцевъ указалъ Лопухину, что у него есть много источниковъ для уликъ противъ Азефа, но сообщилъ ему только объ одномъ—о показаніяхъ Бакая, а бывшій директоръ департамента полиціи, на основаніи этихъ данныхъ,

предаетъ революціонерамъ бывшаго сотрудника департамента полиціи, яко-бы опасаясь дальнѣйшей его вредной дѣятельности. Я полагаю, что факты и свѣдѣнія, могущіе предотвратить такого рода несчастія, скорѣе умѣстны въ рукахъ правительства, чѣмъ въ рукахъ террористовъ, и поэтому рѣшилъ, что если были такія данныя, то пусть на нихъ прольетъ свѣтъ процессъ Лопухина; но, видимо, и этотъ процессъ дастъ только тѣ голословныя данныя, которыя оглашаются уже теперь заграничною прессою. Какіе-же, господа, изъ всего этого выводы? Выводъ первый, о которомъ я упомянулъ, что у меня въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ для обвиненія должностныхъ лицъ въ какихъ-либо преступныхъ или незакономѣрныхъ дѣяніяхъ. Въ настоящее время у меня нѣтъ въ рукахъ и данныхъ для обвиненія Азефа въ такъ называемой провокаціи. Второй выводъ, выводъ печальный, но неизбѣжный,—что покуда существуетъ революціонный терроръ, долженъ существовать и полицейскій розыскъ. Познакомтесь, господа, съ революціонной литературой, прочтите строки, поучающія о томъ, какъ надо бороться посредствомъ террора, посредствомъ бомбъ, при чемъ рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугунныя, для того, чтобы было больше осколковъ или чтобы онѣ были начинены гвоздями. Ознакомтесь съ проповѣдями цареубійствъ.

Ознакомьтесь съ проповѣдью, съ горячей проповѣдью о необходимости продолженія террора, каковая резолюція была еще принята партіей революціонеровъ въ Лондонѣ въ 1908 г., и которая принята теперь группой парижскихъ революціонеровъ уже послѣ бѣгства Азефа, и скажите, гг., можетъ ли правительство по совѣсти удовольствоваться только внѣшней, наружной охраной, или на его отвѣтственности, на его совѣсти, лежитъ охранять и Государя и государственность другими путями, путями внутренняго освѣщенія. Я знаю, мнѣ скажутъ: этотъ путь опасенъ; это путь, который влечетъ и къ превышенію власти, и къ провокаціи. Я, гг., не буду утомлять ваше вниманіе перечисленіемъ ряда инструкцій, циркуляровъ, которые даны были мною по полиціи для предупрежденія такихъ явленій; не буду указывать на то, что въ настоящее время усердно работаетъ коммисія подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Макарова по больному для насъ вопросу о реформѣ полиціи. Напомню только, что всѣ тѣ случаи провокаціи, которые доходили до правительства, подвергались судебному разслѣдованію. Вѣдь недавно еще жандармскій офицеръ осужденъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ; недавно еще

въ Калугѣ сотрудникъ департамента полиціи былъ преданъ суду, несмотря на то, что онъ угрожалъ, что откроетъ всѣхъ остальныхъ сотрудниковъ и всѣ извѣстныя тайны, точно также и въ Пензѣ сотрудникъ преданъ суду, несмотря на то, что онъ въ прежнее время оказалъ цѣнныя услуги департаменту полиціи. Я пойду дальше, гг., и скажу, что хотя въ настоящемъ случаѣ я разслѣдовалъ добросовѣстно дѣло и не нашелъ слѣдовъ провокаціи, но въ такомъ дѣлѣ злоупотребленія и провокація возможны и напрасно ссылаются на мою рѣчь въ первой Гос. Думѣ.

Я говорилъ тогда, что правительство, пока я стою во главѣ его, никогда не будетъ пользоваться провокаціей, какъ методомъ, какъ системою. Но, гг., уродливыя явленія всегда возможны! Я повторяю, что, когда уродливыя явленія доходятъ до правительства, когда оно узнаетъ о нихъ, то оно употребляетъ противъ нихъ репрессивныя мѣры. Я громко заявляю, что преступную провокацію правительство не терпитъ и никогда не потерпитъ (Рукоплесканія справа). Но гг. уродливыя явленія нельзя возводить въ принципъ, и я считаю долгомъ заявить, что въ средѣ органовъ полиціи высоко стоитъ и чувство чести, вѣрности присягѣ и долгу. Я знаю службу здѣшняго охраннаго отдѣленія, я знаю, насколько чины его пренебрежительно

относятся къ смертельной опасности. Я помню двухъ начальниковъ охраннаго отдѣленія, служившихъ при мнѣ въ Саратовѣ, я помню, какъ они меня хладнокровно просили, чтобы, когда ихъ убьютъ, я озаботился о ихъ семьяхъ. И оба они убиты, и умерли они сознательно за своего Царя и свою родину. А недавній случай въ Москвѣ, когда на пустой дачѣ въ окрестностяхъ Москвы была устроена ловушка и въ эту ловушку попалъ нарядъ охраны, когда съ крыши чердака революціонеръ навѣрняка разстрѣливалъ каждаго подходящаго къ этой дачѣ, развѣ задумался ночью начальникъ охраннаго отдѣленія и его помощникъ, и не бросились ночью же выручать своихъ товарищей? Оба были тяжело ранены, но развѣ они не доказали, что доблесть и честь для нихъ дороже жизни? Я хотѣлъ, я долженъ былъ на этомъ кончить, но предыдущія рѣчи меня убѣдили, что изъ моихъ выводовъ могутъ построить превратное заключеніе.

Мнѣ могутъ сказать: итакъ, провокаціи въ Россіи нѣтъ, охранка ограждаетъ порядокъ, и русскій гражданинъ долженъ быть признанъ счастливѣйшимъ изъ гражданъ (Смѣхъ слѣва). Въ настоящее время такъ легко искажаютъ цѣли и задачи нашей внутренней политики, что, чего добраго, такое заключеніе и возможно, но я думаю, что для

благоразумнаго большинства наши внутреннія задачи должны были бы быть и ясны и просты. Къ сожалѣнію, достигать ихъ, идти къ нимъ приходится между бомбой и браунингомъ. Вся наша полицейская система, весь затрачиваемый трудъ и сила на борьбу съ разъѣдающей язвой революціи—конечно, не цѣль, а средство, средство дать возможность законодательствовать, да, гг., законодательствовать, потому что и въ законодательное учрежденіе были попытки бросать бомбы! А тамъ, гдѣ аргументъ бомба, тамъ, конечно, естественный отвѣтъ—безпощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтоженіемъ кары, не облегченіемъ возможности дѣлать зло, а громадной внутренней работой. Вѣдь, изнеможенное, изболѣвшееся народное тѣло требуетъ укрѣпленія; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это съ низовъ. И тогда, конечно, сами собою отпадутъ и исключительныя положенія, и исключительныя кары. Не думайте, гг., что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей, и она станетъ здоровой. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты Престола, и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Про-

тивники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнутъ, и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это будетъ тогда, когда изъ за ихъ обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ очертаніяхъ зданіе обновленной, свободной, свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія, преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему Государю, Россіи, (Шумныя рукоплесканія справа и въ центрѣ) и время это, гг., наступаетъ, и оно наступитъ, несмотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда (Рукоплесканія справа и въ центрѣ).

---

12 мая 1909 года.

Гг. члены Государственной Думы. Внесенные Правительствомъ вѣроисповѣдные законопроекты породили уже цѣлую литературу, сдѣлались предметомъ оживленныхъ преній въ политическихъ кругахъ и волнуютъ не только лицъ, близко стоящихъ къ вопросамъ вѣры, но и равнодушныхъ къ ней, видящихъ въ томъ или другомъ ихъ разрѣшеніи признакъ, знаменіе общаго направленія нашей внутренней политики. Поэтому я думаю, что помогу сокращенію преній и болѣе скорому разсмотрѣнію дѣла, если теперь же, немедленно послѣ докладчика, не ожидая общихъ преній, изложу точку зрѣнія Правительства на этотъ вопросъ и постараюсь разсѣять нѣкоторыя возникшія, по моему мнѣнію, вокругъ него недоразумѣнія. Напомню вамъ, прежде всего, что начало религіозной свободы въ Россіи положено тремя актами Монаршаго волеизліянія: Указомъ 12 декабря 1904 г., Указомъ 17 апрѣля 1905 г. и Указомъ 17 октября 1905 г. Утруждать васъ повтореніемъ содержанія этихъ актовъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ, я не буду; упомянулъ же я о нихъ потому, что значеніе, чрезвычайное значеніе ихъ содержанія породило необходимость, послѣ ихъ изданія, въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ со стороны Правительства—въ сторону измѣненія многихъ изъ существующихъ уголовныхъ и гражданскихъ нормъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ административныхъ стѣсненій, противорѣчащихъ принципу вѣроисповѣдной свободы, которыя тогда же были отмѣнены, въ томъ же административномъ порядкѣ, въ которомъ они были изданы, осталась еще обширная область дѣйствующаго законодательства, требующая измѣненій и дополненій въ законодательномъ порядкѣ, сообразно возвѣщеннымъ Монархомъ новымъ началамъ.

Дарованіе свободы вѣроисповѣданія, молитвы, по велѣніямъ совѣсти каждаго, вызвало, конечно, необходимость отмѣнить требованіе закона о согласіи гражданской власти на переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, требованіе разрѣшенія совершать богослуженія, богомоленія, сооружать необходимыя для этого молитвенныя зданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась необходимость опредѣленія условій образованія и дѣйствій религіозныхъ сообществъ, опредѣленія отношенія

государства къ разнымъ исповѣданіямъ и къ свободѣ совѣсти, при чемъ всѣ эти преобразованія не могли получить осуществленія внѣ вопроса о тѣхъ преимуществахъ, которыя сохранены основными законами за Православной Церковью. На Правительство, на законодательныя учрежденія легла, такимъ образомъ, обязанность пересмотрѣть нормы, регулирующія въ настоящее время вступленіе въ вѣроисповѣданіе и выходъ изъ него, регулирующія вѣроисповѣдную проповѣдь, регулирующія способъ осуществленія вѣроисповѣданія, наконецъ, устанавливающія тѣ или другія политическія или гражданскія ограниченія, вытекающія изъ вѣроисповѣднаго состоянія. Но, вступая въ область вѣрованія, въ область совѣсти, Правительство, скажу даже—Государство, должно дѣйствовать крайне бережно, крайне осторожно. Не всегда, какъ вѣрно замѣтилъ докладчикъ, не всегда въ этой области чисто гражданскія отношенія строго отграничены отъ церковныхъ, и часто они тѣсно между собою переплетаются. Отсюда возникаетъ вопросъ: какое же участіе въ установленіи новаго вѣроисповѣднаго порядка въ странѣ должна принимать церковь господствующая, Православная Церковь? Я оставлю въ сторонѣ инославные, иновѣрные исповѣдные вопросы, скажемъ, вопросъ о переходѣ католика въ

лютеранство и обратно, или о смѣшанныхъ бракахъ между протестантами, магометанами и евреями, которые допущены и существующими законами. Православная Церковь въ этихъ вопросахъ не заинтересована, и я думаю, что мало кто въ настоящее время будетъ держаться той точки зрѣнія, въ силу которой Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія вѣдалъ дѣлами католическаго, лютеранскаго и даже еврейскаго духовенства. Но Православная Церковь сильно затронута въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются отношенія Государства къ православной вѣрѣ, къ Православной Церкви и даже къ другимъ вѣроученіямъ, поскольку они соприкасаются съ православіемъ, напр., въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ. И вотъ, поскольку можно судить по повременной прессѣ, по доходящимъ до Правительства и до общества партійнымъ политическимъ откликамъ, и въ настоящее время существуетъ, между прочимъ, мнѣніе, что всѣ вопросы, связанные съ церковью, подлежатъ самостоятельному единоличному вершительству церкви. Оговариваюсь, что это не есть мнѣніе, высказанное Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, но это мнѣніе, долженъ сказать, имѣетъ за собою нѣкоторый какъ бы историческій прецедентъ. Вспомнимъ, гг., времена патріаршества, вспомнимъ положеніе

Патріарха въ Московскій періодъ Русскаго Государства, подвѣдомственный ему приказъ, суды, темницы. Конечно, внѣшніе признаки патріаршей власти имѣютъ мало отношенія къ затронутому мною вопросу, они принадлежатъ скорѣе къ области историческаго воспоминанія, но повторяю, все же существуетъ мнѣніе о томъ, что церковь должна сама опредѣлять свои права, свое положеніе въ государствѣ. Поэтому мнѣніе это обходить молчаніемъ не приходится. На чемъ основано это мнѣніе или, скорѣе, откуда оно выводится, я скажу дальше. Но ранѣе этого позвольте мнѣ обратиться къ вопросу о томъ, какое же было отношеніе государства къ церковному законодательству въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій? Какой въ этомъ отношеніи сложился порядокъ со времени учрежденія Святѣйшаго Синода? Послѣ уничтоженія патріаршества, послѣ уничтоженія помѣстныхъ соборовъ къ Святѣйшему Правительствующему Синоду всецѣло перешла вся руководственно соборная власть. Съ этого времени въ вопросахъ догмата, въ вопросахъ каноническихъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ дѣйствуетъ совершенно автономно. Не стѣсняется Синодъ государственной властью и въ вопросахъ церковнаго законодательства, восходящаго непосредственно на одобреніе Монарха и касающагося внутренняго управленія, внутренняго устроенія церкви. Къ этой области относятся напр., синодальное и консисторское законодательство, законодательство учебное, относящееся до академій, до семинарій, учебныхъ духовныхъ комитетовъ, касающееся церковныхъ старостъ и много другихъ еще вопросовъ. Но независимо отъ этого, вполнѣ самостоятельнаго церковнаго законодательства, Святѣйшій Синодъ, со времени его учрежденія, принимаетъ живое участіе также и въ общей законодательной жизни страны, связывающей церковь съ другими сторонами государственнаго строя, государственнаго управленія. Въ этомъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ создался такой обиходъ: если какой-либо законопроектъ возникалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, то послѣдній чрезъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода запрашивалъ заключеніе заинтересованныхъ вѣдомствъ. Если же законодательная инициатива возникала въ томъ или другомъ Министерствѣ, то Министерство запрашивало съ своей стороны заключеніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, но послѣ этого всегда, во всѣхъ случаяхъ, послѣ разработки законопроекта, онъ поступалъ на государственное уваженіе въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Я не буду приводить въ доказательство этого положенія много примѣровъ изъ исторіи цер-

ковно-гражданскаго законодательства минувшаго вѣка, такъ какъ она изобилуетъ скорѣе случаями излишняго, и скажу даже, неправильнаго вмѣшательства государственной власти въ церковное законодательство; вспомнимъ, напр., случай о перенесеніи на ревизію въ Государственный Совѣтъ дѣла о бракахъ въ VI степени родства, причемъ мнѣніе Государственнаго Совѣта получило силу закона. Но я считаю необходимымъ указать на то, что всѣ законодательныя постановленія въ области взаимодѣйствія господствующей церкви и признанныхъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій всегда проходили въ общемъ законодательномъ порядкѣ и что провозглашеніе свободы вѣроисповѣданія послѣдовало въ порядкѣ Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату, основаннаго на Высочайше одобренныхъ сужденіяхъ Комитета Министровъ. Обращеніе къ прошлому показываетъ, такимъ образомъ, что естественное развитіе взаимоотношеній церкви и государства повело къ полной самостоятельности церкви въ вопросахъ догмата, въ вопросахъ каноническихъ, къ нестѣсненію церкви государствомъ въ области церковнаго законодательства, вѣдающаго церковное устроеніе и церковное управленіе, и къ оставленію за собой государствомъ полной свободы въ дѣлѣ опредѣленія отношеній церкви

къ государству. Наука государственнаго права вполнѣ подтверждаетъ правильность такого порядка вещей. Говоря о господствующемъ исповѣданіи, нашъ извѣстный ученый Чичеринъ указываетъ на то, что государство, конечно въ правѣ надѣлять господствующую церковь и политическими, и имущественными правами. «Но—говоритъ Чичеринъ,—чѣмъ выше политическое положеніе церкви въ государствѣ, чѣмъ тѣснѣе она входитъ въ область государственнаго организма, тѣмъ значительнѣе должны быть и права государства». Отсюда, я думаю, вытекаетъ, что отказъ государства отъ церковно-гражданскаго законодательства—перенесеніе его всецѣло въ область вѣдѣнія церкви, повело бы къ разрыву той вѣковой связи, которая существуетъ между государствомъ и церковью, той связи, въ которой государство черпаетъ силу духа, а церковь черпаетъ крѣпость, той связи, которая дала жизнь нашему государству и принесла ей неоцѣнимыя услуги. Этотъ разрывъ ознаменовалъ бы также наступленіе новой эры взаимнаго недовѣрія, подозрительности между церковной властью и властью общезаконодательной, которая утратила бы природное свое свойство—власти съ церковью союзной. Государство въ глазахъ церкви утратило бы значеніе государства православнаго, а церковь, въ свою очередь, была бы

поставлена въ тяжелое положеніе—въ необходимость самой надѣлять себя политическими и гражданскими правами, со всѣми опасными отсюда проистекающими послѣдствіями. Поэтому ясно, гг., что то мнѣніе, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей рѣчи, мнѣніе о томъ, что церковь должна сама опредѣлять свои права, свое положеніе въ государствѣ, проистекаетъ изъ инстинктивнаго недовѣрія къ существующимъ государственнымъ установленіямъ, особенно съ того времени, когда начали принимать въ нихъ участіе иновѣрцы и лица нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Я думаю, забываютъ при этомъ, что законодательныя рѣшенія, и то неокончательныя, принимаютъ не отдѣльныя лица, не думскія даже комиссіи, а Дума въ своемъ цѣломъ, которая по словамъ Царскаго Манифеста: «должна быть русской по духу и въ которой иныя народности должны имѣть представителей своихъ нуждъ, но не въ количествѣ, дѣлающемъ ихъ вершителями дѣлъ чисто русскихъ». Затѣмъ, если бы Дума допустила ошибку, что всегда возможно, то законопроекты переходятъ, вѣдь, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и затѣмъ идутъ на судъ Монарха, который, по нашему закону, является защитникомъ Православной Церкви, является хранителемъ ея догматовъ. Вотъ, гг., тотъ законный путь, который обез-

печиваетъ вѣроисповѣдные порядки въ странѣ. На этотъ законный путь я уже указывалъ, и повторяю: заключается онъ въ томъ, что государство, не вмѣшиваясь ни въ каноническіе, ни въ догматическіе вопросы, не стѣсняя самостоятельности церкви въ церковномъ законодательствѣ, оставляетъ за собою и право и обязанность опредѣлять политическія, имущественныя, гражданскія и общеуголовныя нормы, вытекающія изъ вѣроисповѣднаго состоянія гражданъ. Но и въ послѣднемъ вопросѣ Правительство должно прилагать всѣ усилія для того, чтобы согласовать интересы вѣроисповѣдной свободы и общегосударственные интересы съ интересами господствующей первенствующей церкви, и съ этою цѣлью должно входить съ нею по этимъ вопросамъ въ предварительныя сношенія. Быть можетъ, въ циклѣ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, внесенныхъ на ваше усмотрѣніе, вслѣдствіе спѣшности работы и ея новизны, могутъ быть усмотрѣны какія-либо уклоненія отъ этихъ принциповъ, можетъ быть усмотрѣно, въ частности, что затронуты въ чемъ-либо и права господствующей церкви, но, при всестороннемъ разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, при всестороннемъ освѣщеніи ихъ въ комиссіи, несомнѣнно, уклоненіе въ ту или другую сторону скоро обнаружится, и Правительство

всегда охотно возьметъ на себя переработку того или другого законопроекта, или его части,—была бы лишь ясна общая руководящая мысль. Но тотъ вопросъ, тотъ законопроектъ, который вы будете разсматривать сегодня, свободенъ, какъ мнѣ кажется, отъ упрековъ въ уклоненіи отъ только что высказанныхъ мною положеній.

Какъ вамъ извѣстно, Святѣйшій Синодъ высказалъ пожеланіе, чтобы законопроектъ былъ дополненъ правилами о томъ, что уклоняющійся отъ православія обязанъ подвергаться увѣщеванію, въ теченіе 40 дней со времени начала увѣщеванія, съ тѣмъ, чтобы переходъ въ иное вѣроисповѣданіе могъ состояться лишь послѣ представленія удостовѣренія о безуспѣшности увѣщанія. Правительство въ свой законопроектъ такого правила не включало, такъ какъ на него нѣтъ указаній въ Указѣ 17 апрѣля; думская комиссія, какъ только что было вамъ тутъ доложено, дополнила законопроектъ установленіемъ промежуточнаго срока со времени заявленія о переходѣ въ другое вѣроисповѣданіе до момента фактическаго перехода. Такого промежуточнаго срока не знаетъ также министерскій законопроектъ, такъ какъ Министерство въ то время думало, что это правило скорѣе относится къ области другого закона, закона регистраціоннаго, какъ тутъ

только что и объяснилъ докладчикъ. Но въ чемъ же состоитъ принципіальная сторона этого дѣла? Конечно, этотъ вопросъ не касается ни догматовъ, ни каноновъ церкви, но онъ относится къ разряду вопросовъ, касающихся внутренняго церковнаго распорядка, такъ какъ обязываетъ церковнослужителей производить наставленіе, увѣщаніе отпадающему не оставлять исповѣдуемой имъ религіи; такимъ образомъ, это вопросъ чисто внутренне-церковный, а я имѣлъ честь вамъ указать, что вопросы церковнаго устроенія получаютъ законодательное разрѣшеніе въ другомъ, чисто автономномъ порядкѣ. Поэтому, по мнѣнію Правительства, такого рода правила могли бы получить силу лишь въ порядкѣ ст. 65 Зак. Осн., въ силу которыхъ Самодержавная Власть въ дѣлѣ церковнаго управленія дѣйствуетъ чрезъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Ею учрежденный; поэтому включеніе этихъ правилъ въ гражданскія узаконенія и проведеніе ихъ общимъ законодательнымъ порядкомъ нанесло бы, какъ мнѣ кажется, ущербъ правамъ Православной Церкви. Но возникаетъ вопросъ, не должно ли государство въ порядкѣ содѣйствія господствующей церкви установить какія-нибудь карательныя нормы или гражданскія ограниченія для тѣхъ лицъ, относительно которыхъ увѣщаніе оказалось безу-

спѣшнымъ. Но едва ли, гг., дѣло исключительно пастырскаго, исключительно нравственнаго воздѣйствія возможно связывать съ какими-либо карательными мѣрами, едва ли эти карательныя мѣры соотвѣтствовали бы и духу началъ вѣроисповѣдной свободы. Для меня совершенно ясно, что гражданская власть, получивши отъ прихожанина заявленіе о желаніи перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, обязана немедленно сообщить объ этомъ приходскому священнику; для меня очевидно, что въ силу существующихъ уже законовъ, гражданская власть должна ограждать отъ всякаго насилія, отъ всякихъ оскорбленій священнослужителя, исполняющаго свой долгъ увѣщанія, но для меня совершенно также очевидно и безспорно, что какія бы то ни было принудительныя мѣры по отношенію къ уклоняющемуся противорѣчили бы духу началъ свободы вѣрованія. Поэтому правильно рѣшила комиссія, когда постановила не присваивать общимъ законодательнымъ учрежденіямъ права регулировать чисто церковные вопросы, когда въ процессѣ отпаденія отъ православія она оставила промежуточный срокъ, который можетъ быть, а по мнѣ и долженъ быть, заполненъ въ порядкѣ законодательства церковнаго. Я, гг., не буду касаться нѣсколькихъ другихъ менѣе, по мнѣ, важныхъ пунк-

товъ настоящаго законопроекта, напр., пункта о возрастѣ, по достиженіи котораго разрѣшается переходъ въ другія вѣроисповѣданія, о правахъ малолѣтнихъ, о гербовомъ сборѣ и т.д. Если понадобится, разъясненіе по этимъ вопросамъ дастъ вамъ присутствующій здѣсь представитель вѣдомства. Но я не могу не коснуться одного весьма важнаго дополненія, предложеннаго комиссіей, дополненія, имѣющаго чрезвычайное значеніе. Если совершенно безспорно, что разъ провозглашена свобода вѣрованія, то отпадаетъ надобность всякаго разрѣшенія гражданской власти на переходъ въ другое вѣроисповѣданіе, если совершенно безспорно, что въ нашемъ законодательствѣ не могутъ быть сохранены какія нибудь кары за вѣроотступничество (уже 14 декабря 1906 г. уничтожена ст. 185, карающая за отпаденіе отъ христіанства въ нехристіанство), то величайшему сомнѣнію должно быть подвергнуто предложеніе комиссіи о необходимости провозглашенія въ самомъ законѣ свободы перехода изъ христіанства въ нехристіанство. Я долженъ сказать, что включеніе въ законопроектъ правила о возможности такого перехода для лицъ, ближайшіе предки которыхъ исповѣдывали нехристіанскую вѣру, совершенно не соотвѣтствуетъ тому принципу, который только что былъ тутъ приве-

денъ докладчикомъ. Вникнемъ въ соображеніе комиссіи. Комиссія, какъ я понялъ изъ словъ докладчика, находитъ, во-первыхъ, что разъ переходъ изъ христіанства въ нехристіанство не наказуемъ, то неузаконеніе такого перехода было бы актомъ недостойнаго государства лицемѣрія. (*Голоса слѣва*: вѣрно). Во-вторыхъ, комиссія находитъ, что было бы стѣснительно для свободы совѣсти лицъ, отпавшихъ въ нехристіанство, исполнять нѣкоторые христіанскіе таинства и обряды, необходимые въ нашемъ гражданскомъ обиходѣ, напр., бракъ, крещеніе, погребеніе. Въ-третьихъ, по мнѣнію комиссіи, самое исполненіе этихъ таинствъ и обрядовъ было бы ничѣмъ инымъ, какъ узаконеннымъ кощунствомъ. (*Голоса слѣва*: вѣрно). Наконецъ, по мнѣнію комиссіи, сама церковь должна отлучать отъ себя лицъ, отрекшихся отъ Христа. (*Голоса слѣва*: и это вѣрно). Такъ я понялъ докладчика? (*Голоса слѣва*: правильно). И мнѣ кажется, что оспаривать эти принципы невозможно—они теоретично совершенно правильны. Но, гг., прямолинейная теоретичность ведетъ иногда къ самымъ неожиданнымъ послѣдствіямъ, и сама думская комиссія не довела до конца этого принципа (*голоса слѣва*: это вѣрно), не пошла до конца по избранному ею пути и впала, какъ мнѣ кажется, сама съ собой въ нѣкоторыя про-

тиворѣчія. (*Голоса справа*: вѣрно, правильно). Вѣдь, въ дѣйствительности, гг., гораздо больше лицъ, которыя себя признаютъ совершенно невѣрующими, чѣмъ такихъ, которыя рѣшатся перейти въ магометанство, буддизмъ или еврейство. И всѣ соображенія комиссіи относительно лицъ, перешедшихъ въ нехристіанство, могутъ быть отнесены полностью къ лицамъ, заявляющимъ себя невѣрующими. Вѣдь и эти лица точно также кощунствуютъ, совершая таинство, вѣдь они точно также должны были бы быть отлучены отъ церкви. Между тѣмъ, комиссія совершенно правильно признаетъ, что у насъ невозможно признаніе принципа невѣроисповѣдности, Konfessionslosigkeit. Съ одной стороны, комиссія идетъ гораздо дальше многихъ европейскихъ законодательствъ, которыя не знаютъ открытаго признанія перехода изъ христіанства въ нехристіанство, съ другой стороны—комиссія не слѣдуетъ до конца за западными образцами и не рѣшается признать принципъ внѣ вѣроисповѣднаго состоянія. Однако, торжество теоріи одинаково опасно и въ томъ и въ другомъ случаѣ: вездѣ, гг., во всѣхъ государствахъ принципъ свободы совѣсти дѣлаетъ уступки народному духу и народнымъ традиціямъ и проводится въ жизнь, строго съ ними сообразуясь. Это подтверждается изученіемъ всѣхъ иностранныхъ законода-

тельствъ. Возьмемъ на выдержку Прусское законодательство, и оно ставитъ нѣкоторыя преграды свободѣ совѣсти и свободѣ вѣроисповѣданія, оно требуетъ, во-первыхъ, предварительнаго заявленія о переходѣ въ другое вѣроисповѣданіе, оно требуетъ, затѣмъ, и уплаты со стороны отпадающаго въ продолженіе двухъ лѣтъ повинностей въ пользу той общины, отъ которой онъ отпадаетъ. Въ школьномъ законодательствѣ, Прусское государство требуетъ церковнаго обученія всѣхъ дѣтей, даже не принадлежащихъ ни къ какому исповѣданію. Австрія не признаетъ браковъ между христіанами и нехристіанами. Наконецъ, въ странѣ свободы совѣсти, въ Швейцаріи, эта свобода совѣсти подвергнута также нѣкоторымъ стѣсненіямъ. Не говорю уже о томъ, что въ Швейцаріи не дозволяется сооружать монастырей, не допущена проповѣдь іезуитовъ, о чемъ упоминалъ уже тутъ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Но поражаетъ въ Швейцаріи то, что тогда, когда въ нѣкоторыхъ кантонахъ совершенно изгнанъ изъ школъ Законъ Божій, въ другихъ кантонахъ школьное обученіе строго конфессіонально. Въ Люцернѣ, напр., все школьное обученіе отдано въ руки католическаго духовенства, а такъ какъ тамъ существуетъ обязательность обученія, то, какъ кажется, образованіе юноше-

ства въ Люцернѣ не находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ принципомъ свободы совѣсти. Неужели, гг., если въ другихъ странахъ, болѣе нашей индифферентныхъ въ религіозныхъ вопросахъ, теорія свободы совѣсти дѣлаетъ уступки народному духу, народнымъ вѣрованіямъ, народнымъ традиціямъ,—у насъ, нашъ народный духъ долженъ быть принесенъ въ жертву сухой, непонятной народу теоріи? Неужели, гг., для того, чтобы дать нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, уже безнаказанно отпавшимъ отъ христіанства, почитаемымъ церковью заблудшими, дать имъ возможность открыто порвать съ церковью, неужели для этого необходимо вписать въ скрижали нашего законодательства начало, равнозначущее въ глазахъ обывателей уравненію православныхъ христіанъ съ нехристіанами? Неужели въ нашемъ строго-православномъ христіанствѣ отпадетъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ государства христіанскаго? Народъ нашъ усерденъ къ церкви и вѣротерпимъ, но вѣротерпимость не есть еще равнодушіе.

Не думайте, гг., что этотъ вопросъ, вопросъ простой, доступный совѣсти каждаго, я хотѣлъ бы затемнить непристойными, скажу прямо, въ этомъ дѣлѣ совѣсти пріемами какого-то дутаго паѳоса. Я не хотѣлъ бы взывать даже къ вашему чувству, хотя бы

чувству религіозному. Но я полагаю, что въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ совѣсти, мы всѣ, гг., должны подняться въ область духа. Въ это дѣло нельзя примѣшивать и политическихъ соображеній. Мнѣ только что тутъ говорили, что вѣроисповѣдные законы поставлены на очередь въ Государственной Думѣ по соображеніямъ свойства политическаго. На этомъ, молъ, вопросѣ скажется, полѣвѣло или поправѣло Правительство. Но неужели забываютъ, гг., что наше Правительство не можетъ уклоняться то влѣво, то вправо (*слѣва движеніе; рукоплесканія справа*), что наше Правительство можетъ итти только однимъ путемъ, путемъ прямымъ, указаннымъ Государемъ и, еще недавно, названнымъ Имъ (*голоса справа*: браво; *рукоплесканія*), недавно всенародно Имъ признаннымъ незыблемымъ? Вотъ и теперь мы стоимъ передъ великимъ вопросомъ проведенія въ жизнь высокихъ началъ указа 17 апрѣля и Манифеста 17 октября. Опредѣляя способы выполненія этой задачи, вы, гг., не можете стать на путь соображеній партійныхъ и политическихъ. Вы будете руководствоваться, я въ этомъ увѣренъ, какъ теперь, такъ не разъ и въ будущемъ, при проведеніи другихъ реформъ, соображеніями иного порядка, соображеніями о томъ, какъ преобразовать, какъ улучшить нашъ бытъ, сообразно новымъ началамъ, не

нанося ущерба жизненной основѣ нашего государства, душѣ народной, объединившей и объединяющей милліоны русскихъ. Вы всѣ, гг., и вѣрующіе и невѣрующіе бывали въ нашей захолустной деревнѣ, бывали въ деревенской церкви. Вы видѣли, какъ истово молится нашъ русскій народъ, вы не могли не осязать атмосферы накопившагося молитвеннаго чувства, вы не могли не сознавать, что раздающіяся въ церкви слова для этого молящагося люда—слова божественныя. И народъ, ищущій утѣшенія въ молитвѣ, поймете, конечно, что за вѣру, за молитву каждаго по своему обряду, законъ не карает. Но тотъ же народъ, гг., не уразумѣетъ закона, закона чисто вывѣсочнаго характера, который провозгласитъ, что православіе, христіанство уравнивается съ язычествомъ, еврействомъ, магометанствомъ. (*Голоса справа*: правильно; *рукоплесканія справа и въ центрѣ*). Гг., наша задача состоитъ не въ томъ, чтобы приспособить православіе къ отвлеченной теоріи свободы совѣсти, а въ томъ, чтобы зажечь свѣточь вѣроисповѣдной свободы совѣсти въ предѣлахъ нашего русскаго православнаго государства. Не отягощайте же, гг., нашъ законопроектъ чуждымъ, непонятнымъ народу привѣскомъ. Помните, что вѣроисповѣдный законъ будетъ дѣйствовать въ русскомъ государствѣ, и что

утверждать его будетъ Русскій Царь, который для слишкомъ ста милліоновъ людей былъ, есть и будетъ Царь Православный. (*Рукоплесканія справа и въ центрѣ*).

---

30 мая 1909 года.

Гг. члены Государственной Думы По вопросу о продленіи срока полномочій членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній я скажу очень немногое. Проектъ Правительства, конечно, легко осложнить, легко попутно развернуть чуть ли не весь польскій вопросъ, и изъ дѣла, по существу самаго простого, создать дѣло весьма запутанное и даже съ трудомъ разрѣшимое. Но дѣло это въ глазахъ Правительства разрѣшается весьма легко, если заранѣе выяснить три основныхъ положенія: во-первыхъ, справедливъ ли существующій порядокъ избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній? Во-вторыхъ, законенъ ли тотъ путь, который предлагаетъ Правительство, и, въ-третьихъ, соотвѣтственно ли, цѣлесообразно ли въ настоящее время поднимать все это дѣло? Конечно, трудно оспаривать, что существующее представительство отъ западнаго края въ Государственномъ Со-

вѣтѣ и ненормально и несправедливо. Доказать противное, я думаю, невозможно, такъ какъ цифры говорятъ, что въ западныхъ губерніяхъ изъ всего населенія поляковъ всего только 4%, а дѣйствительность показываетъ что отъ девяти западныхъ губерній всѣ девять членовъ Государственнаго Совѣта поляки. Если трудно доказать справедливость такого положенія, то легче, можетъ быть, пытаться доказывать, что положеніе это необходимо и даже, пожалуй, цѣлесообразно. Дѣлается это такимъ образомъ: выдвигается принципъ, что Государственный Совѣтъ не есть Государственная Дума; въ Совѣтъ выбираются лица изъ среды болѣе культурной, болѣе состоятельной, болѣе устойчивой. Не вина поляковъ, если въ этой средѣ преобладаютъ они, и если они, такимъ образомъ, являются естественными представителями этихъ слоевъ населенія. Попадая же въ Государственный Совѣтъ, поляки естественно уже являются защитниками всѣхъ интересовъ края и, будучи такими же русскими подданными, какъ и всѣ другіе, очевидно, правомочны принимать участіе и въ разрѣшеніи всѣхъ общегосударственныхъ вопросовъ. Въ постановкѣ этого вопроса кроется, по моему мнѣнію, крупная основная ошибка. Дѣйствительно, въ Государственный Совѣтъ избираются лица изъ высшихъ слоевъ населенія,

такъ сказать, верхи его, но избираетъ, намѣчаетъ достойнѣйшихъ лицъ изъ этихъ верховъ, несомнѣнно, все населеніе, такъ что избранники населенія являются представителями интересовъ всего населенія, а никакъ не одного лишь болѣе состоятельнаго его слоя. Поэтому по основному закону во внутреннихъ губерніяхъ избирательнымъ собраніемъ для выборовъ членовъ Государственнаго Совѣта является губернское земское собраніе, т. е. учрежденіе, представляющее хозяйственные и экономическіе интересы всей губерніи. Смыслъ такого порядка заключается въ томъ, что плательщики повинностей выбираютъ въ Государственный Совѣтъ изъ болѣе состоятельныхъ, изъ болѣе зрѣлыхъ и устойчивыхъ плательщиковъ своего представителя, который такимъ образомъ и является представителемъ плательщиковъ всей губерніи. Въ губерніяхъ же западныхъ избирателями являются лица, владѣющія достаточнымъ количествомъ земли для непосреднственнаго участія въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, та среда, изъ которой избираются члены Государственнаго Совѣта, и во внутреннихъ и въ западныхъ губерніяхъ, одинакова, но среда избирателей совершенно различна, и въ западныхъ губерніяхъ она состоитъ исключительно изъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, а

избранникъ ихъ является представителемъ именно ихъ интересовъ, а не представителемъ интересовъ всего населенія. Такъ какъ наиболѣе состоятельная среда въ Западномъ краѣ есть среда польская, то нынѣшніе представители отъ западныхъ губерній въ Государственномъ Совѣтѣ являются, несомнѣнно, представителями поляковъ, т. е. громаднаго меньшинства. Я могу подтвердить это положеніе еще однимъ примѣромъ: извѣстно, что въ Государственный Совѣтъ избираются лица, достигшія 40-лѣтняго возраста, но избираютъ ихъ всѣ возрасты населенія, конечно, гражданскіи правоспособные. Результатъ выборовъ былъ бы, вѣроятно, совершенно иной, если бы въ число избирателей входила одна лишь категорія лицъ 40 лѣтъ и свыше. Въ западныхъ же губерніяхъ выборы рѣшаетъ именно одна категорія, конечно, не возрастная—не 40 лѣтъ и свыше, какъ въ моемъ примѣрѣ,—а категорія имущественная, которая въ томъ краѣ есть одновременно и категорія племенная. Конечно, можетъ случиться, что въ одной или двухъ губерніяхъ число русскихъ православныхъ избирателей на бумагѣ поднимается до 40—45%, даже до 50%, но надо имѣть въ виду, что вслѣдствіе неправильнаго построенія самого закона, въ составъ выборщиковъ входятъ только высшіе слои населенія, т. е. слои наносные,

которые часто отсутствуютъ и тѣсно съ землею не связаны. Между тѣмъ коренное осѣдлое населеніе, состоящее изъ болѣе мелкихъ землевладѣльцевъ самимъ закономъ отъ выборовъ отстранено, а оно всего больше заинтересовано въ правильномъ представительствѣ. Перейдемъ теперь ко второму вопросу: законенъ ли тотъ путь, который предлагается Правительствомъ? Правительство говоритъ: дабы не закрѣплять на три года явно неправильнаго представительства, установимте срокъ,—въ данномъ случаѣ срокъ годичный, въ теченіе котораго совершенно спокойно и осмысленно возможно опредѣлить новый справедливый порядокъ, а на этотъ промежутокъ продлимъ полномочія существующаго представительства. Конечно, тутъ возможно возраженіе, что такимъ порядкомъ, такимъ путемъ законодательныя учрежденія могутъ сами продлить свои полномочія до конца своихъ дней. Несомнѣнно, могутъ быть нелѣпые по существу законы, но съ юридической, съ формальной стороны продленіе полномочій представителей не является ни нелѣпостью, ни абсурдомъ. Такое продленіе знаютъ многія иностранныя законодательства, и они всегда проводились по существу съ пользой для населенія и въ силу существенной для страны необходимости. Въ Англіи,

при Георгѣ I былъ проведенъ такъ называемый семилѣтній актъ, septimal act, которымъ были продолжены полномочія депутатовъ палаты общинъ, въ томъ числѣ полномочія засѣдавшаго въ то время состава палаты съ трехъ до семи лѣтъ. Въ исторіи законодательныхъ учрежденій Франціи продленіе полномочій депутатовъ повторяется неоднократно: въ 1809 г. части депутатовъ, выбывавшей по закону изъ состава законодательнаго корпуса, были продлены полномочія на всю сессію 1809 г. и на 1810 г. Въ 1824 г. полномочія депутатовъ были продлены съ трехъ на семь лѣтъ, при чемъ законъ этотъ былъ точно также распространенъ и на депутатовъ засѣдавшей въ то время палаты. Въ 1893 г. полномочія лицъ, избранныхъ депутатами на четыре года въ сентябрѣ и августѣ 1893 г., были продлены до 31 мая 1898 г. Въ практикѣ нашихъ земскихъ и городскихъ учрежденій точно также извѣстны случаи продленія срока полномочій гласныхъ. Не говоря уже о самомъ законѣ, который по ст. 53 положенія 1890 г. уполномочиваетъ на продленіе полномочій прежнихъ гласныхъ въ случаѣ недобора $^2/_3$ гласныхъ, у всѣхъ въ памяти, что въ порядкѣ верховнаго управленія бывали случаи продленія полномочій существовавшаго состава гласныхъ въ виду предстоявшихъ измѣненій

въ законѣ. Такъ это было при введеніи новаго земскаго положенія въ 1890 г., при введеніи новаго городового положенія въ 1892 г. и при преобразованіи петербургскаго общественнаго управленія въ 1901 г. Такимъ образомъ, законопроектъ Правительства долженъ быть признанъ строго юридически обоснованнымъ. Но перейдемъ теперь къ послѣднему вопросу,—къ вопросу о томъ, цѣлесообразно ли, своевременно ли въ настоящее время поднимать все это дѣло. Противъ предложенія Правительства о продленіи полномочій членовъ Государственнаго Совѣта можно привести, конечно, много доводовъ, настаивая именно на его несвоевременности. Первый и, скажу, самый сильный изъ этихъ доводовъ тотъ, что Правительство само, по собственной иниціативѣ не возбуждало этого вопроса и дѣйствуетъ яко бы подъ давленіемъ части членовъ Государственнаго Совѣта, внесшихъ предложеніе объ измѣненіи порядка выборовъ въ Государственный Совѣтъ отъ Западнаго края. Второй доводъ, второй мотивъ тотъ, что нельзя безъ кричащей необходимости прикасаться къ избирательному закону. Наконецъ, въ видѣ третьяго довода приводится соображеніе, что лица польскаго происхожденія держатъ себя въ Государственномъ Совѣтѣ весьма корректно, что всѣми признается полезность

ихъ работы и что ихъ мнѣнія, ихъ національныя идеи, каковы бы они ни были, не могутъ имѣть никакого значенія, такъ какъ въ Государственномъ Совѣтѣ они теряются, какъ мнѣнія ничтожнаго меньшинства. Дѣйствительно, Правительство не возбуждало вопроса объ измѣненіи избирательнаго закона въ Западномъ краѣ, но не дѣлало оно этого потому, что всегда полагало и въ настоящее время полагаетъ, что лучшимъ, самымъ естественнымъ способомъ разрѣшенія этого вопроса было бы распространеніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ на эти девять западныхъ губерній. Но, имѣя въ виду, что реформу земскихъ учрежденій во внутреннихъ губерніяхъ трудно разсчитывать провести чрезъ законодательныя учрежденія въ ближайшемъ времени, и что эта работа, казалось бы, должна предшествовать распространенію Земскаго Положенія на Западный край, Правительство и признало пріемлемой основную мысль предложенія группы членовъ Государственнаго Совѣта, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду реорганизовать составъ избирателей и распространить выборное право на болѣе широкіе слои населенія. Правительство не боялось и частичнаго исправленія выборнаго закона, такъ какъ постепенное исправленіе и улучшеніе закона иногда болѣе безопасно, чѣмъ его крутая

ломка. Наконецъ, образъ дѣйствій польскихъ членовъ въ Государственномъ Совѣтѣ не имѣетъ для Правительства никакого значенія, такъ какъ законодательное предположеніе Правительства не можетъ, конечно, считаться направленнымъ лично противъ кого бы то ни было. Но вообще, гг., если дожидаться благопріятной минуты для того, чтобы внести поправку въ несовершенный законъ, то можно съ увѣренностью сказать, что минута эта не настанетъ никогда. Возьмемъ, напр., лицъ, имѣющихъ право безплатнаго или льготнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. (Въ прежнее время такихъ лицъ было много). Они, занимая платныя мѣста, вызываютъ нареканія платныхъ пассажировъ, между тѣмъ лично они, конечно, совершенно не отвѣтственны за свое льготное положеніе. Но, несомнѣнно, что они всегда сочтутъ высшей несправедливостью приравненіе ихъ къ платнымъ пассажирамъ и отнятіе у нихъ даровой или льготнаго проѣзда. Между тѣмъ, гг., члены Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній прошли въ Государственный Совѣтъ по льготному тарифу, и ничего оскорбительнаго для нихъ, ничего несправедливаго въ измѣненіи этого порядка быть не можетъ, такъ какъ необходимость, государственная необходимость, заставляетъ примѣнять ко всѣмъ тарифъ

общій. Съ этою цѣлью, цѣлью установленія порядка безобиднаго и справедливаго для всѣхъ слоевъ населенія, Правительство и внесло предложеніе объ установленіи годового срока. Если, гг., мы не установимъ сами для себя опредѣленнаго предѣльнаго срока, несомнѣнно дѣло застрянетъ, дѣло затянется, дѣло завязнетъ. Между тѣмъ думская комиссія заявила о желательности распространить на западныя губерніи Земское Положеніе. То же пожеланіе высказано и комиссіей Государственнаго Совѣта. Правительство же, какъ я уже указалъ, не взяло на себя иниціативы такого предложенія потому только, что полагало недостижимымъ провести въ короткое время законопроектъ о расширеніи компетенціи земскихъ учрежденій. Но въ послѣднее время Государственная Дума стала на новую точку зрѣнія; она сама высказывала пожеланіе, чтобы въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ было введено дѣйствующее нынѣ Земское Положеніе. Я долженъ сказать, что эта точка зрѣнія весьма облегчаетъ положеніе Правительства и, становясь на нее, Правительство можетъ взять на себя и беретъ на себя внесеніе въ осеннюю сессію законопроекта о распространеніи существующаго Земскаго Положенія на девять западныхъ губерній (*рукоплесканія справа и въ центрѣ*), разумѣется, съ

нѣкоторыми измѣненіями въ способѣ выбора гласныхъ соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и мѣстнымъ особенностямъ. Если это окажется непріемлемымъ, то можно установить нѣчто другое—создать избирательное собраніе, примѣняясь къ избирательному собранію для выборовъ земскихъ гласныхъ, и возложить на это собраніе непосредственно выборъ членовъ Государственнаго Совѣта. Руководствуясь этими соображеніями, я прошу васъ, гг., не отклонять законопроекта Правительства. Движимые необходимостью закончить дѣло въ теченіе года, мы, гг., дружными усиліями, несомнѣнно, проведемъ въ теченіе этого срока новый законопроектъ о введеніи земства въ Западномъ краѣ, законопроектъ немаловажный, который не можетъ не внести умиротворенія въ мѣстную работу. Я прошу васъ, гг., объ этомъ въ виду возстановленія справедливости по отношенію къ 15-милліонному русскому населенію въ Западномъ краѣ. Не ненависть, не желаніе нанести полякамъ напрасное оскорбленіе руководитъ Правительствомъ,—это было бы не только не великодушно, это было бы не государственно. (*Голоса*: браво, браво; *рукоплесканія справа и въ центрѣ*). Правительствомъ руководитъ сознаніе, которое должно всегда и впредь руководить всякимъ русскимъ Правительствомъ, сознаніе необхо-

димости прислушиваться къ справедливымъ требованіямъ природнаго русскаго населенія окраинъ и, если эти требованія обоснованы, поддерживать ихъ всею силою правительственнаго авторитета. (*Рукоплесканія справа и въ центрѣ*).

* * *

Я долженъ заявить, что предложеніе партіи 17 октября соотвѣтствуетъ одному изъ тѣхъ варіантовъ, которые Правительство имѣло въ виду внести въ Думу. Если и былъ внесенъ другой варіантъ, то потому, что Правительство полагало, что при выборахъ на одинъ годъ будутъ во всякомъ случаѣ выбраны лица польскаго или русскаго происхожденія—безразлично; но не тѣ, которыя были бы выбраны всѣмъ населеніемъ. Съ другой стороны, я долженъ заявить, что главная цѣль Правительства—это достигнуть принятія годичнаго срока, въ теченіе котораго нынѣ дѣйствующій порядокъ былъ бы исправленъ. Такъ какъ внесенное предложеніе клонится къ тому же, то я и заявляю, что противъ него, если оно Думою будетъ принято, Правительство ничего не имѣетъ. Я долженъ, однако, сдѣлать одну оговорку: по моему мнѣнію, предложеніе фракціи 17 октября не есть поправка—такого рода существенныя поправки не должны были

бы имѣть мѣста, такъ какъ это было бы нежелательнымъ прецедентомъ, — это есть, собственно говоря, измѣненіе законопроекта, измѣненіе, предложенное фракціей 17 октября, находящееся въ полномъ соотвѣтствіи съ правительственнымъ предложеніемъ, измѣненіе, на которое Правительство выражаетъ полное свое согласіе. (*Рукоплесканія центра и справа*).

---

11 декабря 1909 г.

Гг. члены Государственной Думы. Позвольте мнѣ, въ качествѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, дать вамъ краткія объясненія по обсуждаемому вопросу. Во-первыхъ, необходимо установить, что по существу въ вопросѣ объ увеличеніи содержанія чинамъ губернскихъ правленій и канцелярій губернаторовъ между Государственной Думой и Правительствомъ разногласій не существуетъ. Въ основаніе этого вопраса легло, какъ мы только что выслушали, пожеланіе въ этомъ направленіи самой Государственной Думы, выраженное въ формулѣ отъ 2 мая 1908 г., принятой Думою по предложенію члена Государственной Думы Томашевича. Первоначально Правительство, дѣйствительно, предполагало удовлетворить это пожеланіе Государственной Думы внесеніемъ, совмѣстно съ проектомъ реформы губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, и новыхъ штатовъ этихъ установленій. Бюджетная комсисія, какъ

видно изъ только что выслушаннаго нами доклада, и до настоящаго времени считаетъ, что это единственно правильный способъ, такъ какъ полагаетъ, что, ранѣе преобразованія этихъ учрежденій, усиленіе ихъ окладовъ преждевременно. Правительство нѣсколько сошло съ этой точки зрѣнія по мотивамъ чисто практическаго свойства. Въ настоящее время совершенно ясно, что проектъ губернской реформы не можетъ быть разсматриваемъ въ Государственной Думѣ одновременно или параллельно съ реформой уѣздной и волостной, такъ какъ сама конструкція проекта губернской реформы можетъ быть въ довольно крупныхъ чертахъ измѣнена сообразно тѣмъ принципамъ, которые въ конечной формѣ будутъ установлены для волостной и, главнымъ образомъ, для уѣздной организаціи, скажемъ, хотя бы въ вопросѣ объ административномъ судѣ. Поэтому Министерство, дѣйствительно, нѣсколько задержалось представленіемъ проекта губернской реформы, уже изготовленнаго Правительствомъ. Но даже если Правительство теперь же, сейчасъ, внесло бы въ Государственную Думу свой проектъ реорганизаціи губернскихъ учрежденій, то на проведеніе этого проекта въ законодательныхъ учрежденіяхъ потребовалось бы, конечно, не малое количество времени. По этимъ соображеніямъ

Правительство начало изыскивать другіе способы болѣе быстраго и менѣе сложнаго осуществленія думскаго пожеланія. Казалось, что этотъ способъ былъ найденъ именно путемъ представленія на ваше разрѣшеніе того проекта, который обсуждается сегодня. И, дѣйствительно, Государственная Дума два года тому назадъ высказала пожеланіе, чтобы были измѣнены штаты 1876 г., конечно, въ сторону увеличенія окладовъ. Правительство въ настоящее время это и предлагаетъ, поясняя лишь, что нормы 1876 г. по существу не являются штатами, а расписаніемъ, установленнымъ, въ силу самаго закона, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Создавать же въ настоящее время по поводу усиленія окладовъ закрѣпленные самимъ закономъ штаты едва ли даже удобно, такъ какъ устанавливать новое служебное положеніе чиновниковъ можно, казалось бы, только сообразуясь съ самымъ духомъ, характеромъ, идеей всей губернской реформы, т. е. переустройства всего губернскаго строя. Частичная же мѣра, предложенная вамъ въ смыслѣ пропорціональнаго увеличенія оклада 1876 г., казалось, не повлечетъ за собой какого-либо произвольнаго или несообразнаго распредѣленія этихъ суммъ, такъ какъ и до настоящаго времени ничего подобнаго не было; наконецъ, Министръ Внутреннихъ

Дѣлъ ограниченъ и общей суммой ассигнованія, а также необходимостью соглашенія по этому вопросу съ вѣдомствомъ финансовымъ и контрольнымъ. Я не вижу разнорѣчія во взглядахъ Думы, Правительства и бюджетной комиссіи, точно такъ же и въ вопросѣ о спеціальныхъ средствахъ. Само собой, относя часть расходовъ на процентный сборъ съ гуртового скота и на типографскія суммы, Правительство пока придерживается тѣхъ правилъ въ расходованіи спеціальныхъ суммъ, которыя существуютъ въ настоящее время, но когда они будутъ измѣнены, то, конечно, расходы эти въ полномъ соотвѣтствіи со взглядами бюджетной комиссіи будутъ перенесены на средства государственнаго казначейства. Въ чемъ же, въ концѣ концовъ, разница во взглядахъ Правительства и бюджетной комиссіи? Разница не въ существѣ, а во времени. Бюджетная комсисія находитъ, что усиленіе окладовъ въ настоящее время преждевременно, что губернскіе чиновники могутъ обождать. Но правильно ли, гг., ставить житейскія потребности людей въ зависимость отъ чрезвычайно многогранныхъ условій прохожденія сложной государственной реформы. Не правильнѣе ли сначала подготовить кадръ достаточно обезпеченныхъ работниковъ? Два года тому назадъ, тутъ же,

въ Государственной Думѣ, вы слышали краснорѣчивое описаніе бѣдственнаго положенія чиновъ губернскихъ правленій и губернаторскихъ канцелярій. Въ настоящее время я не буду утомлять васъ изложеніемъ цифровыхъ данныхъ, указывающихъ на то, что штатные чины этихъ учрежденій находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ мѣстные чины всѣхъ остальныхъ вѣдомствъ, что канцелярскіе чины и писцы живутъ часто со своими семьями на оклады въ 15 р. въ мѣсяцъ, а иногда и на 10 р., что, наконецъ, обстановка губернскихъ правленій и губернскихъ канцелярій настолько убога, что часто, въ силу невозможности пріобрѣсти какой-либо лишній шкафъ, важныя дѣла, важныя бумаги валяются на столахъ и даже прямо на полу. Губернскія же типографіи въ свою очередь обременены неоплатными долгами, въ силу прямой необходимости употреблять всѣ наличныя средства на содержаніе со дня на день губернскихъ правленій. Гг., нѣтъ ни одного губернатора, который горько бы не жаловался на совершенно невозможное положеніе этихъ подчиненныхъ ему учрежденій. Недавно одинъ губернаторъ представилъ въ Министерство подробный расчетъ, показывающій, что его курьеръ, лакей и поваръ гораздо лучше обезпечены, чѣмъ канцелярскіе служители его канцеляріи. Я долженъ при этомъ замѣтить, что, несмотря на это, въ общемъ эти маленькіе люди служатъ вполнѣ добросовѣстно, но они выбиваются изъ силъ, они живутъ только надеждой на улучшеніе своего положенія. Я припоминаю случай во время моей службы въ Саратовской губ., доказывающій, насколько лихорадочно и, быть можетъ, даже наивно они ждутъ измѣненія свой участи. Это было въ самые смутные дни октября или ноября мѣсяца 1905 г., въ тѣ дни, когда всѣ учрежденія и даже гимназисты и гимназистки младшихъ классовъ обращались къ губернаторамъ и къ начальству съ предъявленіемъ разныхъ требованій. Мнѣ докладываютъ что пришли чиновники губернскаго правленія. Выхожу къ нимъ: «что, гг., вамъ угодно?»—«Да мы къ вамъ, ваше превосходительство—вы такъ всегда къ намъ отечески относитесь—пришли за совѣтомъ. Вотъ теперь всѣ учрежденія бастуютъ или предъявляютъ требованія; мы, Боже упаси, бунтовать не хотимъ, но боимся, что если мы не проявимся, то о насъ забудутъ, какъ забывали до настоящаго времени». И вотъ, гг., прошло четыре года и положеніе этихъ чиновъ не измѣнилось. Измѣнилось развѣ только то, что на губернскія правленія возложены новыя и довольно обременительныя обязанности. Такъ можно ли, гг., дольше ждать? Гг., пра-

вительственные чиновники нищенствуютъ, нищенствуютъ и правительственныя учрежденія. Соотвѣтствуетъ ли это достоинству и пользѣ государства? Я вопросъ этотъ не ставлю на политическую почву. Внѣ всякой политики, можно ли оспаривать, что намъ необходима въ провинціи дѣльная и умѣлая администрація. А между тѣмъ въ рукахъ губернскихъ правленій и губернскихъ канцелярій находится нервъ мѣстнаго управленія; они докладываютъ и освѣщаютъ важнѣйшіе вопросы мѣстной жизни. Будучи хорошо знакомъ съ этимъ положеніемъ, я считаю своимъ долгомъ, своей обязанностью заявить вамъ, гг., что ждать нельзя. Возьмите на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, дайте намъ возможность, не медля, не ожидая общаго административнаго переустройства, улучшить, упорядочить эту важную часть мѣстнаго управленія. По этимъ соображеніямъ я поддерживаю правительственный законопроектъ и отказываюсь, въ виду окончанія года, отъ того условнаго кредита, который былъ внесенъ на 1909 г. Новаго условнаго кредита мы въ настоящемъ году, дѣйствительно, не вносили, вслѣдствіе пожеланія самой Думы не злоупотреблять этою формою кредита. Но я предлагаю поступить такимъ образомъ: принять правительственный законопроектъ, изложивъ его отд. IV такимъ образомъ:

«Вносить на покрытіе издержки, вызываемой означенной въ отд. I мѣрой, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по 1.160.000 р. въ годъ, начиная съ 1911 г., а въ 1910 г. отнести расходъ на общія сбереженія по смѣтѣ Министерства того же года». Затѣмъ, въ виду того, что намъ неизвѣстно время, когда наступитъ возможность использовать эти сбереженія, я прошу добавить еще отд. V слѣдующаго содержанія: «Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ ввести эту мѣру въ дѣйствіе въ теченіе 1910 г., въ срокъ по ближайшему его усмотрѣнію, въ предѣлахъ могущихъ быть остатковъ по смѣтѣ Министерства того же года». *(Рукоплесканія справа и на отдѣльныхъ скамьяхъ центра).*

---

31 марта 1910 г.

Гг. члены Государственной Думы. Заявленіе 32 членовъ Государственной Думы обращено ко мнѣ, какъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ. Ознакомившись съ этимъ заявленіемъ я убѣдился, что мнѣ было бы не трудно рядомъ формальныхъ доказательствъ установить полную непріемлемость, скажу даже болѣе,—невозможность запроса, подобнаго внесенному, вслѣдствіе несоотвѣтствія его существа самой природѣ запросовъ, какъ ихъ понимаетъ наше законодательство. Актъ 24 августа не есть дѣйствіе Министра или подвѣдомственныхъ ему учрежденій, о которомъ говоритъ ст. 58 Учр. Гос. Думы. Это актъ руководительства Верховной власти по отношенію къ своему Правительству, это есть не распоряженіе властей, подлежащихъ контролю Государственной Думы, а выраженіе воли Государя Императора, послѣдовавшее въ порядкѣ верховнаго управленія на точномъ основаніи ст. 11 Зак. Осн. Послѣ

разъясненій юридическаго свойства, представленныхъ здѣсь въ томъ же порядкѣ мыслей докладчикомъ, мнѣ осталось бы только завершить вашу освѣдомленность представленіемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ данныхъ, если бы не тревожная мысль, которая овладѣла мною при слушаніи рѣчей нѣсколькихъ предыдущихъ ораторовъ. Мысль эта заставляетъ меня выйти изъ тѣсныхъ рамокъ формальныхъ доказательствъ и вступить въ область болѣе серьезныхъ разъясненій, къ которымъ одинъ лишь фактъ предъявленія запроса, по мнѣнію Правительства, непріемлемаго, меня побудить не могъ бы. Я задаю себѣ вопросъ, не могутъ ли только что высказанныя здѣсь сужденія, оставленныя Правительствомъ безъ отвѣта, вызвать, даже послѣ отклоненія запроса, недоброе впечатлѣніе какого-то разлада разныхъ факторовъ государственности по отношенію къ нашимъ вооруженнымъ силамъ. А вѣдь въ дѣлѣ, касающемся нашей арміи, ничего не должно оставаться неяснымъ и темнымъ! Мы живемъ въ слишкомъ сложное время и, несмотря на всеобщее желаніе мира, всѣ элементы государства, не враждебные ему, должны работать надъ созданіемъ, надъ накопленіемъ живой, активной народной силы (*голоса въ центрѣ и справа*: браво), а то впечатлѣніе, о которомъ я только-что говорилъ, можетъ на-

ложить на эту работу единственно, можетъ быть, опасныя для арміи путы. Для меня съ самаго начала преній, точно такъ же какъ и для другихъ ораторовъ, было ясно, что лицъ, поддерживающихъ заявленіе о запросѣ, интересуетъ не одна юридическая, но, можетъ быть, въ большей еще степени, политическая сторона дѣла. Вопросъ въ настоящее время достаточно ярко расчленился. Правительство, по мнѣнію ораторовъ оппозиціи, совершило юридически незаконный актъ—это одна сторона вопроса, но Правительство сдѣлало это, послѣдовательно проводя принципъ постояннаго преуменьшенія правъ Государственной Думы, слѣдуя своей постоянной реакціонной политикѣ—это вторая часть, и я думаю, для моихъ оппонентовъ наиболѣе существенная. Къ этой второй темѣ въ Государственной Думѣ возвращаются очень часто и по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Я избѣгалъ отвѣчать на такого рода нападки, полагая, что полемика на такіе мотивы безрезультатна, и не имѣя просто времени заниматься политической гимнастикой. Но разъ такого рода доводы приводятся вновь, какъ аргументы въ пользу принятія запроса, запроса свойства, по моему мнѣнію, небезопаснаго, то и мнѣ придется коснуться двумя, тремя словами этихъ аргументовъ, дабы неправильностью фона, налагаемаго на весь запросъ, не была

бы затемнена самая ясность рисунка. Во-первыхъ, гг., совершенно несомнѣнно, что правительство суровымъ образомъ и реагировало, и реагируетъ противъ революціи; поэтому для революціонеровъ и для лицъ, сочувствующихъ, или сочувствовавшихъ имъ, настоящее Правительство — Правительство реакціонное. Но точно такъ же извѣстно, что Правительство приняло на себя задачу установить прочный правомѣрный порядокъ, проводя одновременно реформы, предуказанныя съ высоты Престола. Вотъ тутъ по этому поводу слышится цѣлый рядъ попрековъ, цѣлый рядъ нареканій въ томъ, что Правительство, дѣйствительно, достигаетъ внѣшняго порядка, но достигаетъ его способами противозаконными, что Правительство безъ всякой надобности усиливаетъ репрессіи, что оно старается затормозить всѣ реформы и свести на нѣтъ дѣятельность Государственной Думы. Слѣдуетъ ли, гг., доказывать, что вся сущность этихъ горячихъ нареканій складывается изъ партійной страстности, изъ неправильныхъ фактовъ и выводовъ и частицы правды. Частица правды заключается въ томъ, что въ области управленія могутъ быть и бываютъ ошибки, злоупотребленія и превышенія власти. Правительство это искореняетъ и, смѣю вась увѣрить, искоренитъ. *(Въ центрѣ рукоплесканія и голоса:* браво, браво). Но изъ

этихъ случаевъ съ большой легкостью дѣлается выводъ о томъ, что вся наша администрація беззаконничаетъ и что это беззаконіе возведено Правительствомъ въ систему. (*голосъ слѣва*: вѣрно). Выводъ этотъ, по отношенію къ нашей администраціи, честно превозмогающей громадный трудъ, и произволенъ, и несправедливъ. Противники Правительства, впрочемъ, выводы свои не всегда ставятъ въ соотвѣтствіе съ фактами. Для доказательства этого мнѣ придется отойти нѣсколько въ сторону и привести нѣсколько примѣровъ. Такъ, за послѣднее время, за послѣднее трехлѣтіе, Правительство сочло возможнымъ смягчить или отмѣнить исключительное положеніе въ 130 различныхъ мѣстностяхъ, а между тѣмъ еще недавно мы слышали здѣсь упрекъ, что Правительство не можетъ управлять иначе, какъ посредствомъ исключительныхъ положеній. Административная высылка, мѣра временная, мѣра обоюдоострая, примѣняется все рѣже и рѣже. Въ 1908 г. этой ссылкѣ подверглось 10.060 чел., а въ 1909 г.—1.991 чел., т. е. въ пять разъ меньше, а между тѣмъ мы слышали тутъ недавно, что ссылка примѣняется чаще, чѣмъ прежде. Обязательныя постановленія тамъ, гдѣ это возможно, ослабляются и за послѣднее трехлѣтіе точно такъ же вслѣдствіе ихъ неправильности, ихъ отмѣнено было 386.

Между тѣмъ тутъ постоянно говорится объ усиленіи произвола мѣстныхъ властей. Да, не слышали ли вы здѣсь недавно о томъ, что военные суды чаще, чѣмъ когда бы то ни было, отвлекаются теперь отъ своей прямой обязанности? И это говорилось послѣ того, какъ Государю Императору угодно было лично указать на возможность обращенія къ военной подсудности общеуголовныхъ преступленій только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, съ примѣненіемъ смертной казни только въ видѣ самаго крайняго средства, ограждающаго потрясаемые устои государственности. (*Движеніе слѣва; звонокъ Предсѣдателя*). Я, гг., привожу это не для того, чтобы съ кѣмъ-либо спорить, а потому, что считаю, что Государственная Дума въ правѣ быть вѣрно освѣдомленной и о дѣйствіяхъ, и о видахъ Правительства. Я не могу при этомъ открыто не заявить, что тамъ, гдѣ революціонная буря еще не затихла, тамъ, гдѣ еще съ бомбами врываются въ казначейства и въ поѣзда, тамъ, гдѣ подъ флагомъ соціальной революціи грабятъ мирныхъ жителей, тамъ, конечно, Правительство силой удерживаетъ и удержитъ порядокъ, не обращая вниманія на крики о реакціи. (*Голоса справа*: браво). Но, гг., равнодѣйствующая жизни показываетъ, что Россія сошла уже съ мертвой точки, и я надѣюсь, что по мѣрѣ

отмиранія нашей смуты будутъ отпадать и стѣсненія въ пользованіи обществомъ предоставленными ему правами; я надѣюсь, что и печать, и общества, и союзы, которые въ недавніе тяжкіе дни были еще зажигательными нитями для бенгальскихъ огней революціи, постепенно будутъ вдвигаться въ нормы постояннаго закона. (*Шумъ слѣва; голоса справа*: браво). И Правительство это дѣлаетъ не для того, чтобы подыгрываться подъ какое-либо настроеніе, не для того, чтобы купить кого-либо, не для того, чтобы уничтожить партійное или, такъ называемое, общественное недовольство. Послѣ горечи перенесенныхъ испытаній Россія естественно не можетъ не быть недовольной; она недовольна не только Правительствомъ, но и Государственной, Думой, и Государственнымъ Совѣтомъ, недовольна и правыми партіями и лѣвыми партіями. Недовольна потому, что Россія недовольна собою. Недовольство это пройдетъ, когда выйдетъ изъ смутныхъ очертаній, когда обрисуется и укрѣпится русское государственное самосознаніе, когда Россія почувствуетъ себя опять Россіей! И достигнуть этого возможно, главнымъ образомъ, при одномъ условіи: при правильной совмѣстной работѣ Правительства съ представительными учрежденіями (*голоса въ центрѣ*: браво), работѣ, которая такъ легко нарушается искаженіемъ и цѣлей, и задачъ Правительства. Нарушаться эта работа можетъ и другимъ путемъ, и я опасаюсь, что на этотъ другой путь стали нѣкоторые ораторы, только-что говорившіе передо мною съ этой трибуны. Вспоминая то, что говорилъ членъ Государственной Думы Милюковъ о томъ, что устройство арміи должно проходить въ общемъ законодательномъ порядкѣ, сопоставляя это съ выслушанной нами въ прошломъ засѣданіи рѣчью члена Государственной Думы Соколова 2, вспоминая его краснорѣчивое заявленіе о томъ, что Государственная Дума желала бы много сдѣлать для мощи арміи, для устройства ея, но что ей мѣшаютъ на этомъ пути, что и сама армія должна знать, что́ Дума хотѣла бы для нея сдѣлать и что́ служитъ для этого помѣхой, я боюсь, что изъ роли спокойнаго лѣтописца я долженъ буду перейти къ роли обвинителя. Исторія послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что армію нашу не могла подточить ржавчина революціи (*голоса въ центрѣ*: браво), что матерьяльные ея запасы восполняются, что духъ ея прекрасенъ, а я думаю и не сокрушимъ, потому что это духъ народа (*въ центрѣ и справа рукоплесканія и голоса*: браво), но исторія революціи, исторія паденія государствъ учитъ, что армія приходитъ въ разстройство тогда, когда перестаетъ быть единой, единой въ повиновеніи

одной безапелляціонной, священной волѣ. Введите въ этотъ принципъ ядъ сомнѣнія, внушите нашей арміи хотя бы обрывокъ мыслей о томъ, что устройство ея зависитъ отъ коллективной воли, и мощь ея уже перестанетъ покоиться на единственно неизмѣняемой соединяющей нашу армію, силѣ—на власти Верховной. Принципъ этотъ, принципъ единаго руководительства нашею арміею свято до настоящаго времени блюдется и Правительствомъ и законодательными учрежденіями. Никто еще не высказывалъ сомнѣнія въ томъ, чтобы законодателемъ недостаточно былъ указанъ удѣлъ народнаго представительства въ дѣлѣ сотрудничества Ему по укрѣпленію вооруженныхъ силъ страны. Удѣлъ этотъ выражается въ участіи опредѣленія контингента новобранцевъ, въ обсужденіи представленій объ ассигнованіи средствъ на наши военныя нужды, въ ассигнованіи этихъ средствъ или въ отказѣ въ этихъ кредитахъ. И въ этомъ важномъ дѣлѣ, возложенномъ на законодательныя учрежденія, Правительство, несомнѣнно обязано, по мѣрѣ и въ предѣлахъ возможности, представлять имъ нужные матеріалы и данныя. И совершенно неправильно было бы дѣйствіе Правительства, выразившееся въ испрошеніи кредитовъ на опредѣленныя надобности съ предвзятымъ намѣреніемъ употребить эти расходы на другую

цѣль. Но точно такъ же противозаконно было бы использованіе законодательными учрежденіями своихъ бюджетныхъ или кредитныхъ правъ для закрѣпленія въ арміи угоднаго имъ порядка. И я опасаюсь, что эти безспорно ясныя начала могутъ быть затемнены сомнѣніемъ, которое авторы запроса хотѣли бы вгвоздить въ убѣжденіе оппозиціонной части нашего общества. Они хотятъ убѣдить въ томъ, что разъ они предъявляютъ споръ о преуменьшеніи правилами 24 августа правъ Государственной Думы, то самыя права Государственной Думы, въ области устройства арміи уже не могутъ подлежать сомнѣнію А насколько опасно противопоставленіе, хотя бы незамѣтное, правамъ Монарха въ этой области иныхъ непредуказанныхъ закономъ правъ, я уже указывалъ раньше. Но я на этотъ счетъ предвижу вопроеъ: если въ этой области все такъ ясно, то къ чему же самыя правила 24 августа 1909 г., не могутъ ли они сами вызвать сужденія, на опасность которыхъ я только что указывалъ? Вотъ тутъ позвольте мнѣ обратиться къ исторіи дѣла! Никто я думаю, не будетъ оспаривать, что на долю теперешняго Правительства легла весьма нелегкая задача, задача проведенія въ нашу государственную правительственную жизнь новыхъ государственныхъ началъ. И, я думаю, понятно, что въ этомъ

новомъ дѣлѣ; въ эпоху перелома въ нашемъ правительственномъ и административномъ строѣ, Правительство ежечасно наталкивается на всевозможныя затрудненія. Затрудненія эти я дѣлю на двѣ категоріи: къ одной категоріи я отношу всѣ недоумѣнія, возникающія и возникавшія между законодательными учрежденіями и Правительствомъ, а къ второй—затрудненія въ примѣненіи самимъ Правительствомъ своихъ принципіально безспорныхъ правъ. Возьмемъ, напр., право бюджетное или право установленія условій выпуска займовъ. Въ этихъ вопросахъ проявилась несомнѣнная разность въ пониманіи Правительствомъ и законодательными учрежденіями предѣловъ ихъ взаимныхъ правъ, но я утверждаю, что по отношенію ст. 96 никакихъ затрудненій этого рода не возникало. У Правительства въ этомъ вопросѣ возникали сомнѣнія, но не по отношенію къ Государственной Думѣ, а по цѣлому ряду принципіальныхъ вопросовъ внутренняго правительственнаго распорядка. Я укажу это на примѣрѣ. Ст. 96 объемлетъ собою цѣлый рядъ вопросовъ высокаго интереса, но такъ такъ обыкновенно она отождествляется съ вопросомъ о штатахъ, а вопросъ этотъ считается для Правительства самымъ непріятнымъ, то позвольте мнѣ остановиться именно на этомъ примѣрѣ.

Извѣстно, что способъ примѣненія ст. 96 давно уже особливо озабочивалъ Правительство, вслѣдствіе чего для выясненія этого вопроса была въ свое время учреждена комиссія покойнаго нынѣ Товарища Министра Финансовъ Чистякова. Извѣстно также, что Правительство считало необходимымъ достигнуть соглашенія несходившихся между собою мнѣній въ этомъ дѣлѣ разныхъ вѣдомствъ. Но не надо забывать, въ чемъ именно заключалось сомнѣніе Правительства. Никогда правительство не допускало и мысли, что устройство военныхъ частей, а слѣдовательно и штатовъ этихъ частей могло бы проходить иначе, какъ въ порядкѣ ст. 96, такъ какъ для Правительства было всегда безспорно, что постановленія по строевой, технической и хозяйственной части объемлютъ собой и военные штаты. Еще весной 1908 г., въ томъ засѣданіи, о которомъ уже упоминалъ тутъ одинъ изъ предыдущихъ ораторовъ, представитель Правительства въ Государственномъ Совѣтѣ заявилъ, что, по понятію Правительства, организація арміи и флота опредѣляется не въ общемъ законодательномъ порядкѣ ст. 96, и что лишь ассигнованіе кредитовъ, ассигнованіе денегъ должно проходить порядкомъ общимъ. Сомнѣнія Правительства были другія: военное и морское вѣдомства заключаютъ въ себѣ

много организацій, вѣдающихъ не одни только военныя дѣла. Достаточно упомянуть о томъ, что гражданское управленіе въ цѣлыхъ областяхъ подчинено военному вѣдомству, что есть цѣлый рядъ городовъ, въ которыхъ градоначальники должны быть обязательно изъ лицъ морского вѣдомства. Поэтому поневолѣ, устанавливая порядокъ производства этихъ дѣлъ, Правительство должно было установить грань между функціями гражданскими и военными военнаго и морского вѣдомствъ. Сомнѣнія Правительства, которыя должны были быть разрѣшены междувѣдомственной комиссіей, и заключались въ томъ,—гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, какимъ образомъ установить эту грань, такъ какъ къ функціямъ гражданскимъ нѣкоторые относили и устройство центральныхъ частей этихъ вѣдомствъ, т. е. штаты ихъ въ качествѣ органовъ высшаго административнаго управленія. Вотъ въ этой стадіи вопроса и вклинился въ дѣло вопросъ, разбиравшійся въ то время въ Государственномъ Совѣтѣ, вопросъ о штатахъ Морского Генеральнаго штаба. При обсужденіи его Правительство заявило, что какъ этотъ вопросъ, такъ и цѣлый рядъ вопросовъ, получившихъ уже движеніе и разрѣшеніе черезъ обѣ палаты, Правительство понимаетъ, какъ вопросы сепаратные, которые не должны предрѣшать

принципіальнаго вопроса, разсматривавшагося междувѣдомственною коммиссіею. Но вокругъ дѣла о штатахъ Морского Генеральнаго Штаба разыгрался принципіальный споръ, который общественною молвою былъ поднятъ на совершенно неожиданную, небывалую высоту. Рѣшеніе Государя Императора положило конецъ этимъ спорамъ, дало окончательное направленіе этому дѣлу военно-административнаго характера; указаніе Правительство получило въ вопросѣ военнаго пониманія отъ единственной компетентной въ дѣлѣ военнаго строительства инстанціи, отъ Верховнаго Вождя арміи. (*Голоса справа*: браво). Такимъ образомъ, было разрѣшено и правительственное затрудненіе, правительственное недоумѣніе, внутри-правительственный вопросъ, вопросъ, который на нашемъ аграрномъ языкѣ мы могли бы назвать вопросомъ внутринадѣльнаго разверстанія, но этимъ ничуть не было установлено какое-нибудь новое разграниченіе правъ Правительства и правъ народнаго представительства, такъ какъ таковой вопросъ и не поднимался. Я такъ долго остановился на этомъ вопросѣ и представилъ вамъ такъ подробно всѣ эти данныя не для того, чтобы объяснять дѣйствія Правительства, а для того, чтобы вамъ сталъ яснымъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла и самое суще-

ство правилъ 24 августа 1909 г. Получивъ указанія Верховной власти въ вопросѣ о штатахъ, т. е. въ одной части общаго вопроса, Правительство должно было разработать и получить дальнѣйшія указанія въ общемъ вопросѣ, такъ какъ ст. 96 обнимаетъ собой еще цѣлый рядъ вопросовъ, такъ напр., вопросъ о гражданскомъ законодательствѣ въ казачьихъ областяхъ, вопросы бюджетнаго характера и т. д. Вотъ въ порядкѣ верховнаго направленія правительственнаго аппарата и должна была протекать дальнѣйшая правительственная работа. Это ясно доказываетъ и Высочайшій рескриптъ на мое имя, который ставитъ эту правительственную работу въ предѣлы, указанные нашими Основными Законами. Это доказываетъ и вся дальнѣйшая правительственная работа. Позвольте познакомить васъ съ отрывкомъ изъ журнала Совѣта Министровъ отъ 26 мая минувшаго года. Журналъ этотъ Высочайше утвержденъ. Онъ гласитъ: «Совѣтъ Министровъ замѣтилъ съ своей стороны, что Высочайше возложенная на него задача состоитъ лишь въ выработкѣ правилъ, которыми въ случаѣ одобренія ихъ Вашимъ Величествомъ должны руководствоваться органы исполнительной власти и въ частности военное и морское вѣдомства при направленіи относящихся къ устройству воору-

женныхъ силъ Россіи законодательныхъ предположеній. При этомъ Вашему Величеству благоугодно было въ рескриптѣ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ отъ 27 минувшаго апрѣля выразить Высочайшую волю о томъ, чтобы правила сіи составлены были въ предѣлахъ, указанныхъ Основными Государственными Законами. Поэтому установленное въ сихъ послѣднихъ отношеніе общихъ законовъ къ спеціальному военному законодательству должно быть строго соблюдено, какъ необходимое условіе закономѣрнаго осуществленія настоящаго дѣла, заключающагося, само собой разумѣется, не въ толкованіи, или расширенія точнаго смысла существующихъ законовъ, ибо сіе возможно было бы только въ законодательномъ порядкѣ, а въ преподаніи вѣдомствамъ руководящихъ указаній къ правильному примѣненію закона». Вышеизложенное опрокидываетъ, я думаю, не только правильность построенія самаго запроса, но и правильность построенія заблудшей мысли, пытавшейся внести разладъ въ согласованную работу высшихъ государственныхъ органовъ въ дѣлѣ укрепленія военной мощи Россіи. Я знаю, что многіе хотѣли бы поставить этотъ вопросъ иначе; желательно возбудить споръ изъ-за правъ, споръ для нашей арміи губительный; желательно доказать,

отч правилами были нарушены права Государственной Думы, что необходима борьба съ Правительствомъ, и что эта борьба, быть можетъ, болѣе важна, чѣмъвозможная въ будущемъ вооруженная борьба за судьбы Россіи. Но я открыто заявляю убѣжденное мнѣніе Правительства: до настоящаго времени Государственная Дума въ своемъ цѣломъ съ величайшимъ уваженіемъ относилась къ правамъ Верховнаго Водителя нашей арміи и Правительство, съ своей стороны, никогда на права Государственной Думы не покушалось. Въ правильномъ пониманіи этого, я полагаю, и комиссія Государственной Думы выразилась за отклоненіе заявленія о запросѣ. Я увѣренъ, что и Государственная Дума съ силою отброситъ запросъ 32 своихъ членовъ, предуказавъ этимъ, что въ дѣлѣ защиты Россіи мы всѣ должны соединить, согласовать свои усилія, свои обязанности и свои права для поддержанія одного историческаго высшаго права Россіи—быть сильной (*Въ центрѣ и справа рукоплесканія и голоса*: браво).

7 Мая 1910 года.

Гг. члены Государственной Думы. Годъ тому назадъ Правительство заявило Государственной Думѣ о готовности своей внести въ законодательныя учрежденія законопроектъ о распространеніи Земскаго Положенія 1890 г. на девять губерній Западнаго края. Вы помните, что въ ту пору въ Государственномъ Совѣтѣ, въ порядкѣ инициативы, возникло предположеніе о необходимости измѣненія способа избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ Западнаго края. Правительство точно такъ же считало существующій способъ несправедливымъ и подлежащимъ измѣненію, поэтому приходилось, по мысли Правительства и группы членовъ Государственнаго Совѣта, создать такое новое избирательное собраніе, въ которомъ права русскаго экономически-слабаго большинства были бы ограждены отъ польскаго экономически и культурно-сильнаго меньшинства. Но это наталкивало на мысль,

нельзя ли этому новому избирательному собранію придать еще нѣкоторыя функціи, такъ какъ казалось, что оно имѣетъ въ себѣ всѣ данныя, всѣ задатки для правильнаго веденія земскаго дѣла. Какъ вамъ извѣстно, Земское Положеніе не было до настоящаго времени распространено на Западный край, несмотря на цѣлый рядъ предположеній и плановъ Правительства, и именно вслѣдствіе того, что всѣ возникавшія предположенія не давали увѣренности, что русскія государственныя начала будутъ достаточно ограждены отъ напора многоплеменныхъ мѣстныхъ вліяній и вожделѣній. Но разъ эта задача благополучно разрѣшалась для избирательнаго собранія, то она тѣмъ самымъ была, конечно, разрѣшена и по отношенію къ земству. Поэтому Правительству оставалось только внести на законодательное разсмотрѣніе законопроектъ измѣненнаго, согласно мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ, Положенія 1890 г., съ тѣмъ, чтобы будущія земскія собранія явились избирательными коллегіями для выборовъ членовъ Государственнаго Совѣта. Вотъ, за эту работу и взялось Правительство, вооружилось всѣми необходимыми матеріалами, собрало статистическій матеріалъ и прежде всего задало самому себѣ вопросъ: какимъ же образомъ оградить русскія государственныя начала, ка-

ковы предѣлы ограниченій, обезпечивающіе эти начала и одновременно не убивающіе самую возможность земской самодѣятельности? Разбираясь въ этихъ вопросахъ, Правительство столкнулось съ двумя теченіями мысли. Одно изъ нихъ, самое, на первый взглядъ, естественное и справедливое, основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: разъ признано возможнымъ привлечь къ мѣстной экономической дѣятельности мѣстные элементы, то нельзя трактовать ихъ, какъ элементы опасные. Всякое стѣсненіе, всякое ограниченіе ихъ было бы только искусственнымъ раздуваніемъ старинной племенной вражды между національностями польской и русской, это было бы, какъ только что выразился предыдущій ораторъ, увѣковѣченіемъ политической борьбы, узаконеніемъ политической ненависти, отдаленіемъ эры примиренія и даже хуже того - быть можетъ, введеніемъ политики въ ту область, которая должна быть политикѣ чужда. Единственное ограниченіе которое допускается по этой теоріи,—это огражденіе государствомъ отдѣльныхъ племенныхъ группъ путемъ пропорціональнаго представительства, такъ какъ иначе болѣе сильныя, болѣе многочисленныя группы поглотили бы, подавили бы болѣе мелкія національныя группы, которыя точно такъ же развились историческимъ путемъ. Сторон-

ники этого взгляда считаютъ всякое ограниченіе, выходящее за эти предѣлы, прямо какимъ-то дикимъ, противокультурнымъ національнымъ, уничтожающимъ самую идею земскаго представительства. Вотъ тотъ совершенно опредѣленный отвѣтъ на прежде всего подлежащій выясненію коренной вопросъ, который, по моему понятію, соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію польскихъ уроженцевъ западныхъ губерній и представителей нашей оппозиціи. Но правительственная идея шла по другимъ теченіямъ, она приводила къ другимъ выводамъ, и правительственный законопроектъ, какъ вамъ извѣстно, не соотвѣтствуетъ приведеннымъ соображеніямъ. Исходная точка, однако, одна и та же. И Правительство, и его противники сознаютъ одинаково, что сообразно теперешнему состоянію Западнаго края необходимо использовать его мѣстные элементы. Правительство обязано сгруппировать ихъ, иначе оно стало бы пособникомъ отсталости края, края который до настоящаго времени не имѣетъ ни самообложенія, ни уѣздныхъ земствъ, который вслѣдствіе этого не можетъ экономически прогрессировать, что въ свою очередь отражается, конечно, и на благосостояніи всего государства. Это, какъ я только что сказалъ, одинаково понимаютъ какъ Правительство, такъ и его противники. Но послѣдніе счи-

таютъ это положеніе самодовлѣющимъ, Правительство же раздѣляетъ его въ его теоретической чистотѣ, лишь постольку и поколѣ оно не противорѣчитъ тѣмъ преемственно проводимымъ государствомъ національнымъ задачамъ, которыя оно поставило себѣ въ Западномъ краѣ. Каковы эти задачи и какое ихъ отношеніе къ земству, я скажу нѣсколько позже, но самое наличіе ихъ заставляетъ уже признать разъединеніе областей экономической и политической, необходимость подчиненія земской идеи идеѣ государственной, которая поставила себѣ въ западной Россіи извѣстныя задачи и извѣстныя цѣли. Первоначально Правительство проводило эти задачи вооруженной силой, затѣмъ оно начало проводить ихъ административными мѣрами, которыя давали перевѣсъ на мѣстѣ русскимъ государственнымъ элементамъ. Такимъ образомъ, изъ центра, изъ хранилища матеріальной силы и государственнаго смысла давался импульсъ для возсозданія, для насажденія русскихъ государственныхъ ячеекъ, русскихъ государственныхъ очаговъ. Конечно, гг., эти ячейки, эти гнѣзда были слабѣе, были и разбросаннѣе чѣмъ крѣпкія цитадели польской культуры, которыя вѣками планомѣрно насаждались въ западной Россіи, и вотъ, когда наступило время для большей свободы и самодѣятельности мѣстныхъ группъ,

спрашивается, въ правѣ ли государство предоставить русскія силы самимъ себѣ, въ правѣ ли оно теперь, въ настоящее время, сразу отказать въ помощи тѣмъ слабымъ отросткамъ русской государственности, которые тамъ еще не окрѣпли, которые не могутъ еще самостоятельно себя ограждать? Возможно ли въ настоящее время на политической аренѣ Западнаго края предоставить свободное состязаніе, свободное соревнованіе двумъ политическимъ и экономическимъ факторамъ, русскому и польскому? Достойна ли русскаго Правительства роль посторонняго зрителя, посторонняго наблюдателя (*справа и въ центрѣ рукоплесканія и голоса:* браво), стоящаго на этомъ историческомъ ипподромѣ, или въ качествѣ безпристрастнаго судьи у призового столба, регистрирующаго лишь успѣхи той или другой народности? (*Рукоплесканія справа, голоса:* вѣрно, браво). А чтобы получить отвѣтъ, правильный отвѣтъ на эти вопросы, отвѣтъ, отвѣчающій нашимъ государственнымъ задачамъ, необходимо искать его, гг., не въ абстрактной доктринѣ а въ опытѣ прошлаго и въ области фактовъ. (*Рукоплесканія справа; голоса:* браво). И вотъ совершенно добросовѣстныя изысканія въ этихъ областяхъ привели Правительство къ необходимости: во-первыхъ, разграниченія польскаго и русскаго элемента во время самаго процесса земскихъ выборовъ;

во вторыхъ, установленія процентнаго отношенія русскихъ и польскихъ гласныхъ, не только фиксировавъ ихъ имущественное положеніе, но запечатлѣвъ исторически сложившіяся соотношенія этихъ силъ; въ третьихъ, учесть въ будущемъ земствѣ историческую роль и значеніе православнаго духовенства (*голоса справа:* браво), и, наконецъ, дать извѣстное огражденіе правамъ русскаго элемента въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ. Переходя къ изложенію передъ вами тѣхъ мотивовъ, которые послужили основаніемъ къ этимъ выводамъ, я прежде всего долженъ оговорить, что какія-либо половинчатыя мѣры при такой постановкѣ вопроса были бы только вредны. И дѣйствительно, если, гг., и вы и Правительство признаете, что должны быть ограждены русскіе государственные интересы, то, казалось бы, и нелогично и вредно обезпечить ихъ только въ части, основываясь только на бумажныхъ данныхъ, не учитывая реальнаго соотношенія силъ. Негосударственно, гг., ставить себѣ извѣстную задачу и не обезпечить въ полномъ объемѣ ея достиженіе. Если невозможно минимальное участіе русскаго элемента въ земствѣ вслѣдствіе его отсутствія, или вслѣдствіе того, что оно можетъ парализовать свободную самодѣятельность земства введеніемъ случайнаго элемента, то лучше тогда отъ

введенія земства отказаться. (*Голоса въ центрѣ*: вѣрно, вѣрно). Вотъ почему Правительство и предлагаетъ вамъ отсрочить введеніе земства въ трехъ губерніяхъ Виленскаго генералъ-губернаторства; въ остальныхъ шести губерніяхъ Правительство считаетъ необходимымъ ввести земство одновременно, такъ какъ въ нихъ достаточно элементовъ для свободной земской самодѣятельности, при одновременномъ сохраненіи и интересовъ государственности. Мотивы почему Правительство предлагаетъ вамъ въ предѣлахъ Виленскаго генералъ-губернаторства земства не вводить, вамъ освѣтятъ, быть можетъ, въ чемъ именно Правительство видитъ связь между экономической, хозяйственной и политической жизнью западной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ предѣлахъ Виленскаго генералъ-губернаторства земскія функціи принадлежатъ мѣстнымъ губернскимъ распорядительнымъ комитетамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія. Соприкасаясь съ этими учрежденіями, мѣстное населеніе видитъ въ нихъ учрежденія русскія, а соприкасаться ему съ ними приходится на каждомъ шагу: мѣстный житель, когда онъ боленъ, обращается въ сельскую лѣчебницу, въ сельскую аптеку, къ сельскому врачу, къ сельской повивальной бабкѣ, къ фельдшеру; рабочій ищетъ работы на земскомъ шоссе, при постройкѣ больницы и

школы; родители имѣютъ дѣло съ учителями; сироты поступаютъ въ земскіе пріюты—все это учрежденія, носящія русскую окраску, учрежденія, которыя запечатлѣны русской государственностью. Представьте же себѣ, гг., что случится въ этомъ краѣ при передачѣ всѣхъ этихъ учрежденій въ мѣстныя руки. Русская недвижимая собственность въ Ковенской губ. составляетъ не болѣе 14%, въ Виленской губ.—20½%. И если, гг., не исковеркать совершенно земской идеи, не насадить русскихъ въ земствѣ по назначенію, то, конечно, оно перейдетъ въ руки мѣстныхъ людей, и въ первую голову самыхъ сильныхъ, т. е. не литовцевъ, не бѣлоруссовъ, а поляковъ. Не думайте, гг., что у Правительства есть какая-нибудь предвзятость, есть какая-нибудь непріязнь къ польскому населенію. (*Голосъ слѣва*: еще бы; *голосъ справа*: тише). Со стороны государства это было бы нелѣпо, а съ моей стороны это было бы даже дико, потому что именно въ тѣхъ губерніяхъ, о которыхъ я теперь говорю, я научился цѣнить и уважать высокую культуру польскаго населенія и съ гордостью могу сказать, что оставилъ тамъ немало друзей. (*Шумъ слѣва*; *голосъ справа*: тише).

Но, гг., будьте справедливы и отдайте себѣ отчетъ, разсудите безпристрастно, какъ отзовется на населеніи передача всѣхъ мѣст-

ныхъ учрежденій въ руки мѣстнаго населенія. Вѣдь сразу, какъ въ театрѣ при перемѣнѣ декораціи, все въ краѣ измѣнится, все будетъ передано въ польскія руки, земскій персоналъ будетъ замѣненъ персоналомъ польскимъ, пойдетъ польскій говоръ. Въ Виленской, Ковенской и Гродненской губ., гдѣ съ 1863 г. вѣдь отвыкли отъ польскихъ порядковъ, огорошенный обыватель сразу даже не разберется, не пойметъ, что случилось, но потомъ очень скоро онъ твердо уразумѣетъ, что это означаетъ, что край перешелъ въ область тяготѣнія Царства Польскаго (*голоса справа*: браво), что Правительство не могло удержать его въ своихъ рукахъ, вслѣдствіе ли своей матеріальной слабости или отсутствія государственнаго смысла. (*Голоса справа*: браво, браво). Но мнѣ скажутъ, что всѣ эти разсужденія относятся къ тремъ губерніямъ генералъ-губернаторства, а что въ остальныхъ шести губерніяхъ племенное соотношеніе болѣе благопріятно для русскихъ людей, и поэтому въ этихъ губерніяхъ остаются въ силѣ всѣ соображенія, согласно которымъ недовѣріе къ мѣстнымъ русскимъ элементамъ является оскорбленіемъ, и всѣ мѣропріятія, мѣшающія свободному соревнованію народностей, являются источникомъ смуты и раздраженія. Но, гг., такъ ли это? Вѣдь при рѣшеніи такихъ важныхъ вопро-

совъ необходимо руководствоваться не благожелательнымъ порывомъ, а фактами, примѣняя строго математическій точный методъ. А факты, которые внимательно должны изучить и государственные люди и законодатели, это, гг., факты историческіе, это ошибки нашихъ предшественниковъ, это опытъ пережитого до самыхъ послѣднихъ дней. Я, гг., не сталъ бы, можетъ быть, касаться этихъ предметовъ, этихъ историческихъ данныхъ, если бы не коснулся ихъ предыдущій ораторъ. Но онъ началъ съ 1863 г. Я, конечно, не буду тоже вамъ пересказывать всю исторію западной Руси, но принужденъ привести вамъ нѣсколько историческихъ сопоставленій, поучительныхъ, по моему взгляду, для предотвращенія отъ повторенія неоднократно уже повторявшихся ошибокъ. Западныя губерніи, какъ вамъ извѣстно, въ XIV столѣтіи представляли изъ себя сильное литовско-русское государство. Въ XVIII столѣтіи край этотъ перешелъ опять подъ власть Россіи съ ополяченнымъ и перешедшимъ въ католичество высшимъ классомъ населенія и съ низшимъ классомъ, порабощеннымъ и угнетеннымъ, но сохранившимъ вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ преданность православію и Россіи. (*Голоса справа*: браво, браво). Въ эту эпоху русское государство было властно вводить свободно въ край русскія государ-

ственныя начала. Мы видимъ Екатерину Великую, несмотря на всю ея гуманность, водворяющую въ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ, русскихъ должностныхъ людей, вводящею общія губернскія учрежденія, отмѣняющею Литовскій статутъ и Магдебургское право. Ясно стремленіе этой Государыни укрѣпить еще струящіяся въ краѣ русскія теченія, вливъ въ нихъ новую русскую силу для того, чтобы придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску. Но не такъ думали ея преемники. Они считали ошибкой государственное воздѣйствіе на благопріятное въ русскомъ смыслѣ разрѣшеніе процесса, которымъ бродилъ Западный край въ теченіе столѣтія, процесса, который заключался въ долголѣтней борьбѣ началъ русско-славянскихъ и польско-латинскихъ. Они считали эту борьбу просто законченной. Справедливость, оказанная высшему польскому классу населенія, должна была сдѣлать эту борьбу безсмысленной, ненужной, должна была привлечь эти верхи населенія въ пользу русской государственной идеи. Опытъ этотъ, произведенный Императорами Павломъ Петровичемъ и Александромъ Благословеннымъ, пріобрѣтаетъ съ нашей точки зрѣнія особую важность и особую поучительность. Я прохожу мимо общихъ государственныхъ мѣропріятій,

которыя приняты были этими Государями и которыя привели край къ прежнему положенію. Но позвольте остановить ваше вниманіе на томъ довѣріи, которое было оказано мѣстнымъ, хозяйскимъ, такъ сказать, земскимъ теченіемъ края. Русскіе люди, которые были поселены въ краѣ, были опять выселены; былъ возстановленъ опять Литовскій статутъ, были возстановлены сеймики, которые выбирали маршалковъ, судей и всѣхъ служилыхъ людей. Но то, что въ великодушныхъ помыслахъ названныхъ Государей было актомъ справедливости, на дѣлѣ оказалось политическимъ соблазномъ. Облегчали польской интеллигенціи возможность политической борьбы и думали, что въ благодарность за это она отъ этой борьбы откажется! Немудрено, гг., что Императора Александра I ждали крупныя разочарованія. И дѣйствительно, скоро весь край принялъ вновь польскій обликъ. Какъ яркій примѣръ я приведу вамъ превращеніе старой православной метрополитенской церкви въ анатомическій театръ при польскомъ Виленскомъ университетѣ. Къ концу царствованія Императора Александра I весь край былъ покрытъ тайными обществами. Вездѣ гнѣздились заговоры, въ воздухѣ носилась гроза, которая и разразилась послѣ смерти Александра въ 1831 г. первымъ вооруженнымъ возстаніемъ.

Это возстаніе, гг., открыло глаза русскому Правительству. Государь Императоръ Николай Павловичъ вернулся къ политикѣ Екатерины Великой. Своею цѣлью онъ поставилъ, какъ писалъ въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора Юго-Западнаго края: «Вести край сей силой возвышенія православія и элементовъ русскихъ къ безпредѣльному единенію съ великорусскими губерніями». И далѣе: «дотолѣ не перестанутъ дѣйствовать во исполненіе изъясненныхъ видовъ моихъ, пока ввѣренныя вамъ губерніи не сольются съ остальными частями Имперіи въ одно тѣло, въ одну душу». (*Рукоплесканія справа*). Тутъ, гг., видна ясная политическая идея, и эти простыя, честно, открыто сказанныя слова не оставляли уже мѣста добросовѣстному заблужденію со стороны польскаго общества. Но я долженъ замѣтить, что въ царствованіе Императора Николая Павловича ему даже не представилось необходимости принимать особенно рѣзкія мѣры по отношенію тѣхъ учрежденій, которыя носили земскую окраску. Политика въ царствованіе Николая Павловича вращалась вокругъ уніатскаго вопроса, что привело къ возсоединенію уніатовъ, вращалась вокругъ школьнаго дѣла, при чемъ польскій университетъ былъ перенесенъ изъ Вильны въ Кіевъ. Мѣстнымъ обывателямъ не была

даже окончательно заграждена возможность поступать на государственную службу; дворянскимъ собраніямъ было лишь вмѣнено въ обязанность принимать на дворянскую службу лишь, безпорочно прослужившихъ не менѣе десяти лѣтъ на военной или гражданской службѣ. И мало-по-малу, безъ особой ломки планы и виды Императора начали проходить въ жизнь. Но, гг., судьбѣ было угодно, чтобы опытъ, единожды уже произведенный послѣ смерти Екатерины II, повторился еще разъ. По восшествіи на престолъ, Императоръ Александръ II, по врожденному ему великодушію, сдѣлалъ еще разъ попытку привлечь на свою сторону польскіе элементы Западнаго края. Вмѣсто того, чтобы продолжать политику проведенія русскихъ началъ, которыя начали уже получать преобладаніе надъ польскими стремленіями и вліяніями, поставлено было цѣлью эти стремленія, эти вліянія обезвредить, сдѣлать ихъ однимъ изъ слагаемыхъ государственности въ Западномъ краѣ. И, тривіально говоря, поляки были попросту еще разъ сбиты съ толку; поляки никогда не отказывались и не стремились отказаться отъ своей національности, какія бы льготы имъ предоставлены ни были, а льготы эти съ своей стороны питали надежды иллюзіи осуществленія національнаго польскаго стрем-

леніе—ополяченія края. Дѣйствительно, въ это время къ Государю Императору Александру II начали со всѣхъ сторонъ обращаться съ домогательствами и просьбами. Могилевское дворянство чрезъ Рогачевскаго предводителя Богуша обратилось къ Императору съ просьбой вернуть польскому дворянству всѣ права, которыя оно имѣло при польскихъ корояхъ, и ввести польское судопроизводство; Подольское дворянство обратилось съ ходатайствомъ присоединить Подольскую губ. къ Царству Польскому (*смѣхъ справа*) и т. д. Я не буду приводить другихъ примѣровъ, но намъ, въ порядкѣ изслѣдованія хозяйственно-экономическаго теченія, на что только я обращаю вниманіе въ своемъ изложеніи, не мѣшаетъ вспомнить попытку того времени со стороны польскаго дворянства укрѣпить за собой господство надъ русско-литовскимъ простонародьемъ путемъ отмѣны крѣпостного права безъ надѣленія землей. Я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы вы могли учесть существующій до настоящаго времени извѣстный аристократизмъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые привыкли держать мѣстное населеніе подъ сильнымъ экономическимъ гнетомъ и въ экономической зависимости. (*Голоса справа*: вѣрно). Въ это то время западно-русскій народъ изобрѣлъ про себя самого весьма

унылую, весьма печальную поговорку: «Зробишь—панъ бере, не зробишь—панъ дере, нехай, кажу, насъ вмісті чортъ побере». (*Смѣхъ и рукоплесканія справа*). Въ это время пробудились у поляковъ всѣ врожденныя хорошія и дурныя стремленія; они проснулись, пробужденные примирительной политикой Императора Александра II, политикой, которая, какъ и 30 лѣтъ передъ этимъ, окончилась вторымъ вооруженнымъ возстаніемъ. Я не буду подробно останавливаться на тѣхъ, дѣйствительно, суровыхъ, крутыхъ мѣрахъ, которыя были примѣнены къ мѣстному польскому населенію, о которыхъ болѣзненно говорить и о которыхъ упоминалъ уже предыдущій ораторъ. Вы знаете всѣ тѣ ограниченія и относительно польскаго языка, и относительно правъ службы, и относительно правъ землевладѣнія, и относительно дворянскаго представительства, которыя были въ ту пору приняты и которыя продержались до 1905 г., мѣры, которыя, по странной иронiи судьбы, были результатомъ великодушнаго порыва великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, Царя-Освободителя. Вотъ, гг., тѣ историческіе уроки, которые, я думаю, съ достаточной яркостью указываютъ, что такое государство, какъ Россія, не можетъ и не въ правѣ безнаказанно отказываться отъ проведенія своихъ историческихъ задачъ.

(*Рукоплесканія и голоса справа и въ центрѣ*: браво, великолѣпно). Но, гг., историческія задачи забываются. Въ памяти у многихъ, однако, сохранились, я думаю, событія послѣднихъ лѣтъ. И дѣйствительно, любопытно прослѣдить, какимъ образомъ реагировали на тѣ потрясенія, которыя перенесла Россія въ 1905 г. и дальнѣйшіе годы, вліятельные польскіе круги въ Западной Россіи. Повторялась историческая возможность, дважды открывавшаяся уже при Императорѣ Александрѣ I и Александрѣ II. Вѣдь послѣ указа 12 декабря 1904 г. и воспослѣдовавшаго въ разъясненіе этого указа Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ отъ 1 мая 1905 г.—о которомъ тутъ упоминалось — представлялась возможность польскому населенію итти вмѣстѣ, итти рука объ руку съ русскими по культурному пути, по спокойному государственному руслу. Какъ же воспользовалась польская интеллигенція этою возможностью? Да такъ же, какъ и въ первые два раза: сильнымъ поднятіемъ враждебнаго настроенія по отношенію ко всему русскому. (*Голоса слѣва*: невѣрно; *голоса справа*: вѣрно; *шумъ справа*). Случилось то, гг., что должно было случиться: каждый разъ, когда слабѣетъ въ краѣ русская творческая сила, выдвигается и крѣпнетъ польская. Я не буду приводить вамъ особенно рѣзкихъ эпизодовъ изъ исторіи тѣхъ дней, рѣзкіе эпизоды вѣдь случались по всей Россіи. Если я говорю на эту тему, то потому лишь, что она затронута была предыдущимъ ораторомъ. Повторяю, я никого не обвиняю, я разсказываю. Въ 1906 г. и въ послѣдующіе годы, въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ произошло приблизительно одно и то же: и духовенство и интеллигенція старались то смутное броженіе, которое проникло въ народъ, направить въ національное русло. Въ то время, какъ вы знаете, были попытки насильственно смѣнять всѣхъ православныхъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, изгоняли православныхъ учителей изъ школъ, предъявлялись повсемѣстно требованія. Но особенно успѣшно поднять народныя массы не удалось—движеніе, какъ и въ прежнія времена, сосредоточилось въ интеллигенціи и духовенствѣ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ эту эпоху особенно замѣтную роль сыгралъ римско-католическій епископъ бар. Роопъ. Дѣятельность его примѣчательна потому, что онъ—полунѣмецъ, полуполякъ, человѣкъ по взглядамъ своимъ, по убѣжденіямъ спокойный, прожившій долгое время въ центрѣ Россіи, не можетъ считаться прирожденнымъ агитаторомъ, онъ просто въ силу обстоятельствъ, въ силу необходимости и,

я думаю въ смягченной формѣ, вслѣдствіе своихъ качествъ, явился олицетвореніемъ тѣхъ польскихъ теченій, которыя господствовали въ это время на Литвѣ. Онъ долженъ былъ въ угоду этимъ теченіямъ даже смягчить свою аграрную политику, придать ей другіе контуры, онъ долженъ былъ особенно сурово относиться къ ксендзамъ литовской и бѣлорусской національностей и замѣнять въ литовскихъ приходахъ этихъ ксендзовъ ксендзами-поляками. Изъ неоднократныхъ моихъ бесѣдъ съ епископомъ я вынесъ впечатлѣніе, что онъ находится подъ гнетомъ тѣхъ идей, которыя господствовали надъ умами освободительной эпохи Императоровъ Александра I и Александра II. Ему казалось, онъ даже былъ увѣренъ, что русское государственное начало въ краѣ рушилось, что его уже нѣтъ, что осталось пустое мѣсто, которое нужно спѣшить заполнить польскимъ содержимымъ. Онъ открыто, совершенно сознательно, bona fide говорилъ о томъ, что необходимо формированіе полковъ изъ мѣстныхъ обывателей, если возможно, одного и того же исповѣданія, онъ говорилъ объ автономіи не только Царства Польскаго, но и объ автономіи другихъ областей; онъ проповѣдывалъ—я скажу его собственными словами—«необходимость передачи въ опытныя, честныя руки управленіе краемъ въ случаѣ дальнѣйшей дезорганизаціи существующаго управленія и окончательной потери авторитета органами послѣдняго». (*Слѣва голоса:* браво). И польская интеллигенція поддержала своего епископа. Вѣдь поѣздки епископа по своей епархіи—это было торжественное шествіе по польской землѣ; вездѣ тріумфальныя арки съ польскими флагами и гербами, встрѣчи съ оркестрами музыки, съ зажженными факелами, проводы всадниками, въ національныхъ костюмахъ, такъ называемыми, бандеріями. Гипнозъ былъ полный! Чтобы разрушить его, необходимъ былъ choc, который и воспослѣдовалъ въ видѣ Высочайшаго указа отъ 4 сентября объ увольненіи епископа бар. Роопа отъ должности. Но то, что наиболѣе ярко создалъ бар. Роопъ на Литвѣ, существовало повсюду. Польское общество стало спѣшно, наскоро перекрашивать Западный край въ польскую краску. Сельскохозяйственныя общества превратились въ общества польскія. Я помню хорошо Минскую сельскохозяйственную выставку 1901 г. Вездѣ были русскіе флаги, русскія надписи, совершенно корректное отношеніе къ русскимъ экспонентамъ. Поговорите съ тѣми лицами, которыя посѣтили въ 1908 г. и въ 1909 г. сельскохозяйственныя выставки въ Проскуровѣ, Винницѣ, Слуцкѣ, вѣдь они вынесли

впечатлѣніе польскаго края, полнаго игнорированія всего русскаго. Въ Юго-Западномъ краѣ въ 1906 г. образовалось общество русскихъ землевладѣльцевъ, которые хотѣли итти вмѣстѣ съ поляками, итти рука объ руку вмѣстѣ съ ними. Я помню депутацію отъ русскихъ землевладѣльцевъ Юго-Западнаго края, которая явилась въ Петербургъ просить о томъ, чтобы были уничтожены всѣ ограниченія для поляковъ; но вѣдь русскіе землевладѣльцы ошиблись, Вѣдь этотъ союзъ скоро рушился; въ Кіевѣ и Житомірѣ въ 1906 г. на польскихъ съѣздахъ было провозглашено, что польская культура выше русской, и что поляки имѣютъ въ Юго-Западномъ краѣ особое положеніе. Прочтите «Дневникъ Кіевскій» за октябрь мѣсяцъ 1906 г.: тамъ помѣщено письмо отъ польскихъ землевладѣльцевъ, заявляющихъ, что они достаточно сильны, что имъ не нужно союзничества, не нужно помощи со стороны русскихъ. И немудрено, гг., что взгляды русскихъ землевладѣльцевъ, являвшихся просить за поляковъ въ Петербургъ, что взгляды эти измѣнились. Думая объ этомъ, я часто вспоминалъ о томъ, что мнѣ приходилось говорить польскимъ депутатамъ, которые являлись ко мнѣ передъ роспускомъ второй Думы, передъ 3 іюня 1907 г. Я говорилъ имъ, я повторялъ имъ, что въ политикѣ

нѣтъ мести, но есть послѣдствія. Но поляки не были въ силахъ измѣнить свое политическое направленіе; они не могли этого сдѣлать и при выборахъ въ Государственную Думу и Совѣтъ; вездѣ, гдѣ русскіе имъ предлагали соглашеніе, почти вездѣ они это отвергали. Я возьму какъ примѣръ Минскую губ., гдѣ наиболѣе уважаемые поляки изъ умѣреннаго стана во время послѣднихъ выборовъ въ Государственный Совѣтъ не могли оказать никакого вліянія на своихъ соотечественниковъ. Все это, конечно, повліяло и на Правительство, которое въ 1906 г. готовило законопроектъ о введеніи земства въ Западномъ краѣ на началахъ пропорціональнаго представительства, но намѣреніе это оставило. Все, что я сказалъ, всѣ эти историческія данныя, всѣ эти факты являются посылками, которыя облегчатъ мнѣ мои выводы и заключенія. Вамъ понятно, что все историческое прошлое Западнаго края говоритъ за необходимость оградить его отъ племенной борьбы во время выборовъ въ земства, оградить его отъ преобладающаго вліянія польскаго элемента въ экономической, хозяйственной жизни, которою, главнымъ образомъ, и живетъ мѣстное населеніе. Да, необходимо ввести земство, необходимо дать просторъ мѣстной самодѣятельности, необходимо развить силу тѣхъ племенъ, которыя

населяютъ Западный край, но историческія причины заставляютъ поставить государственныя грани для защиты русскаго элемента, который иначе неминуемо будетъ оттѣсненъ, будетъ отброшенъ. Изъ всего этого, гг., вытекаетъ для меня необходимость національныхъ курій. И куріи эти должны быть только избирательныя. Превращеніе этихъ курій въ собранія политическія, разжигающія страсти, сеймики, рѣшающіе вопросъ о томъ, настала или нѣтъ пора совмѣстной выборной кампаніи поляковъ съ русскими, и рѣшающіе вопросъ этотъ мозаично, случайно, создающіе дѣйствительно враждебную атмосферу для совмѣстной дѣятельности польскихъ и русскихъ классовъ,—это, по мнѣнію Правительства, недопустимо, и предложеніе комиссіи Государственной Думы о факультативномъ соединеніи національныхъ курій непріемлемо. Нельзя забывать, гг., что польскому элементу, полякамъ при ихъ прекрасной дисциплинѣ, при ихъ культурности, при ихъ силѣ немудрено будетъ склонять русскія избирательныя собранія избирать гласныхъ совмѣстно, но затѣмъ, пользуясь или большинствомъ избирателей поляковъ, или, къ сожалѣнію, абсентеизмомъ русскихъ, добиваться избранія тѣхъ изъ русскихъ, которые имъ угодны. Но даже самое установленіе національныхъ

курій не обезпечитъ еще, не оградитъ русскихъ государственныхъ интересовъ. Преобладаніе этихъ началъ, преобладаніе надъ всѣми другими интересами можетъ осуществиться только путемъ преобладанія русскаго элемента въ земскихъ собраніяхъ.

Теорія говоритъ о томъ, что число земскихъ гласныхъ по различнымъ категоріямъ должно опредѣляться сообразно цѣнности принадлежащаго каждой категоріи имущества. Но теорія въ данномъ случаѣ едва ли правильно разрѣшитъ сложныя исторически наслоившіяся племенныя соотношенія. Вспомните, что большинство населенія въ западныхъ губерніяхъ, громадное большинство принадлежитъ къ русской національности и православному исповѣданію. Болѣе состоятельныя лица—землевладѣльцы были ранѣе тоже русскіе и православные, но съ вѣками они утратили свою національность, они превратились въ поляковъ и поляковъ стойкихъ. Мнѣ помнится, что въ былыя времена въ Вильнѣ носитель одного изъ древнѣйшихъ русскихъ именъ на указаніе ему, что предки его были православные, надменно презрительно отвѣчалъ: «Да, но еще раньше они были язычниками». *(Смѣхъ справа).* Вотъ, гг., такимъ землевладѣльцамъ, а также и прирожденнымъ полякамъ принадлежатъ громадныя земельныя простран-

ства въ краѣ, и эти земельныя пространства, по мысли комиссіи, должны опредѣлять число польскихъ гласныхъ, а численно подавляющее большинство населенія, правда, земельно бѣдное, но сохранившее свою національность, въ расчетъ приниматься не должно. Простите, гг., но тутъ, очевидно, недоразумѣніе. (*Голоса справа:* вѣрно). Вѣдь Правительство предлагаетъ учесть, принять во вниманіе оба признака: принять во вниманіе и признакъ національный и признакъ матеріальный, такъ сказать, имущественно-культурный, взять среднее ариѳметическое этихъ признаковъ; комиссія же предлагаетъ принять во вниманіе лишь одинъ признакъ—признакъ имущественный, и, наталкиваясь при этомъ на чрезвычайно невыгодныя соотношенія для русскихъ земскихъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, вводить коррективъ, но коррективъ гораздо болѣе опасный, чѣмъ коррективъ на численность населенія, который предлагаетъ Правительство. Комиссія предлагаетъ опредѣлить число польскихъ гласныхъ въ уѣздахъ, учитывая средній по губерніямъ процентъ стоимости польской недвижимости по отношенію къ стоимости всей недвижимости губерніи. Этотъ пріемъ, конечно, увеличиваетъ число русскихъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ, польскихъ преимущественно, уѣздахъ, но, съ другой стороны,

онъ насаждаетъ въ чисто-русскихъ уѣздахъ искусственно гласныхъ-поляковъ. Возьмите примѣры: Черкасскій у., Кіевской губ.,—всего на всего въ немъ семь владѣльцевъ поляковъ полно-цензовиковъ; по расписанію комиссіи предполагается восемь гласныхъ поляковъ; въ Велижскомъ у., Витебской губ., всего на всего четыре цензовика-поляка, предполагается четыре гласныхъ отъ поляковъ, тогда какъ въ обоихъ уѣздахъ если учесть стоимость польскихъ имуществъ въ уѣздѣ, возможно было бы пропорціонально отвести лишь по одному гласному на уѣздъ. Я привелъ самые разительные примѣры, но общее число гласныхъ-поляковъ по шести губерніямъ достигаетъ по варіанту комиссіи угрожающихъ для русскихъ интересовъ размѣровъ. Всего по законопроекту Правительства гласныхъ-поляковъ 256; по варіанту комиссіи число ихъ доходитъ до 457, на 70% болѣе. Правда, гг., ни въ одной изъ губерній, въ общемъ, число поляковъ-гласныхъ не превышаетъ 30%; остальные 70% принадлежатъ крестьянамъ и русскимъ крупнымъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Но необходимо, гг., принять во вниманіе, что крестьяне и мелкіе землевладѣльцы, какъ я уже сказалъ, находятся подъ сильнымъ экономическимъ давленіемъ польскихъ помѣщиковъ. (*Голосъ слѣва:* а какъ въ Россіи?). Русскій элементъ,

русскіе помѣщики тамъ не сплочены и, къ сожалѣнію, часто не проживаютъ въ краѣ. Поэтому, если прямо смотрѣть на вещи, понятенъ страхъ преобладанія 30% богатыхъ, пустившихъ глубокіе корни въ краѣ польскихъ помѣщиковъ въ союзѣ съ частью крестьянъ и, можетъ быть, къ сожалѣнію, ополяченныхъ русскихъ. *(Голоса справа:* вѣрно). Для экономическаго прогресса, для поступательнаго движенія края впередъ, конечно, необходимо, какъ я сказалъ, земство; но необходимо принять во вниманіе и учесть и всѣ приведенныя обстоятельства, необходимо также вспомнить о роли духовенства, исторической въ Западномъ краѣ, о томъ благотворномъ вліяніи, которое оно имѣло на крестьянство, о томъ, какъ оно его соединяло. Поэтому Правительство настаиваетъ на томъ, чтобы въ уѣздныхъ собраніяхъ было не менѣе трехъ, а въ губернскихъ собраніяхъ — не менѣе четырехъ представителей отъ духовенства. Я оставляю до постатейнаго чтенія другіе менѣе важные вопросы, какъ, напр., вопросъ объ уменьшеніи ценза или о разслоеніи избирательнаго съѣзда на два съѣзда, тѣмъ болѣе, что Правительство не имѣетъ противъ этого принципіальныхъ соображеній.

Мнѣ остается высказаться по поводу рѣшенія комиссіи относительно предоставленія должностей по выборамъ и по назначенію

въ земствахъ безразлично польскаго и русскаго происхожденія. Комиссія предполагала, что разъ русскіе гласные будутъ въ большинствѣ въ земскихъ собраніяхъ, тѣмъ самымъ обезпечено достаточное положеніе русскаго элемента въ земскихъ учрежденіяхъ. Я увѣренъ, что это не такъ; я увѣренъ, что только силой твердаго закона можно установить minimum русскаго элемента въ этихъ учрежденіяхъ. Я говорю, гг., о minimum'ѣ, такъ какъ проектомъ предполагается установить 50%, т. е. такое число, на которое сообразно проценту населенія польскій элементъ никогда даже не могъ бы и разсчитывать. Вопросъ о служащихъ осложняется легкостью приглашенія на мѣста польскихъ служащихъ, дешевизной ихъ, трудностью отказать почтенному иногда человѣку, который проситъ предоставить должность поляку, отказать только потому, что онъ полякъ, не опираясь на твердый законъ; осложняется нѣкоторымъ добросердечіемъ, нѣкоторою податливостью русскаго элемента. Все это равномѣрно относится и къ вольнонаемнымъ и къ выборнымъ должностямъ. Особенную важность имѣетъ должность предсѣдателя управы, такъ какъ отъ него зависитъ и назначеніе на должности вольнонаемныхъ. *(Слѣва шумъ и голоса:* нѣтъ). Я слышу возгласы отрицательные, возгласы «нѣтъ». Я не буду голо-

словенъ, я укажу на городскія самоуправленія. Тамъ, гдѣ польскій элементъ можетъ оказать достаточное воздѣйствіе, тамъ онъ, какъ въ Минскомъ городскомъ самоуправленіи, не пропускаетъ совсѣмъ русскихъ — это было на послѣднихъ городскихъ выборахъ, гдѣ не прошелъ ни одинъ гласный по русскому списку. Намъ говорятъ «нѣтъ». Я укажу на другія городскія самоуправленія, гдѣ въ исполнительные органы проникаетъ смѣшанный составъ, какъ, напр., въ Житомірѣ. Тамъ всѣ важнѣйшія должности по найму: и бухгалтеры, и секретари, и юрисконсульты, и врачи, и завѣдывающіе водопроводомъ,— все отдано полякамъ. (*Голоса справа*: вѣрно). Я, гг., на этомъ заканчиваю свои объясненія. Но я бы не хотѣлъ сойти съ этой трибуны, не подчеркнувъ еще разъ, что цѣль правительственнаго законопроекта не въ угнетеніи правъ польскихъ уроженцевъ Западнаго края (*шумъ слѣва*), а въ защитѣ уроженцевъ русскихъ. (*Голоса справа*: браво; *голосъ слѣва*: шовинизмъ). Законопроектъ даетъ законное представительство всѣмъ сломъ мѣстнаго населенія, всѣмъ интересамъ; онъ только ставитъ предѣлъ дальнѣйшей многовѣковой племенной политической борьбѣ. (**Егоровъ**, *съ мѣста*: которую вы разжигаете). Онъ ставитъ этотъ предѣлъ, ограждая властнымъ и рѣшительнымъ словомъ русскія государственныя начала. Подтвержденіе этого принципа здѣсь, въ этой залѣ, вами, гг., разрушитъ, можетъ быть, немало иллюзій и надеждъ, но предупредитъ и не мало несчастій и недоразумѣній, запечатлѣвъ открыто и нелицемѣрно, что Западный край есть и будетъ край русскій навсегда, на вѣки. (*Продолжительныя рукоплесканія справа и въ центрѣ и голоса*: браво).

15 мая 1910 года.

Гг. члены Государственной Думы. Я буду весьма кратокъ. Я уже высказалъ вамъ во-время общихъ преній вглядъ Правительства на тѣ признаки, которые должны опредѣлять число польскихъ гласныхъ въ будущемъ западномъ земствѣ. Въ настоящее время, передъ окончательнымъ рѣшеніемъ этого вопроса, я прошу васъ еще разъ взглянуть на него безъ предвзятости. Вспомните, что дѣло идетъ не о Царствѣ Польскомъ, дѣло идетъ объ области, обнимающей собой шесть губерній, въ которыхъ среднее число поляковъ опредѣляется цифрой въ $4{,}_2\%$. Цифра эта повышается для Волынской губ. до $7{,}_9\%$ и опускается для Подольской до $2{,}_3\%$. Если даже признавать эти цифры невѣрными, если увеличить ихъ на 50%, то все-таки убѣдитесь, что край этотъ далеко не польскій. Если бы Правительство руководствовалось національнымъ шовинизмомъ, оно предложило бы

вамъ опереться на эти цифры, но вы знаете, что Правительство само, дорожа культурнымъ элементомъ, ввело въ свой законопроектъ принципъ имущественный. Надо принять еще во вниманіе одно обстоятельство, которое мнѣ кажется, упущено предыдущими ораторами, надо принять во вниманіе, что частное землевладѣніе образовалось и приняло особую окраску въ Западномъ краѣ не такъ, какъ оно образовалось въ остальныхъ губерніяхъ Россіи—не путемъ естественнаго, правильнаго, мѣстнаго наростанія, а въ силу историческаго шквала, который налетѣлъ на этотъ край и опрокинулъ въ немъ все русское. (*Голоса справа:* браво, браво). Нельзя исключительное, притомъ неблагопріятное для русскихъ анти-національное историческое явленіе брать въ основу, единственную основу всего законопроекта; нельзя забыть все прошлое, нельзя на все махнуть рукой; торжествовала бы только теорія, шаблонъ, одинаковый на всю Россію. Если эти высказанные мною принципы признаются вами неправильными, признаются одіумомъ, то этотъ одіумъ Правительство на себя принимаетъ. (*Голоса справа*: браво). Вамъ высказали соображенія о томъ, что Правительство заражено человѣконенавистничествомъ, что Правительство желаетъ уничтожить польскій элементъ и искоренить его

изъ Западнаго края. *(Голосъ слѣва*: правильно; *голосъ справа*: тише). Но, гг., объ этомъ не приходится говорить, если имѣть въ виду тѣ широкія рамки, въ которыя ставитъ правительственный законопроектъ польское населеніе въ Западномъ краѣ. Я боялся бы, боялся бы тревожно другого—это равнодушія закона къ русскимъ, которые имѣютъ право требовать себѣ защиты закона. Поэтому не упорства ради, а въ силу только-что высказанныхъ мною соображеній, Правительство настаиваетъ на непринятіи всѣхъ поправокъ, отрицающихъ тѣ два признака, которые введены въ правительственный законопроектъ, между прочимъ и, поправки, внесенной Думскою комиссіею. Эта послѣдняя поправка непріемлема, такъ какъ она неправильно отражаетъ соотношеніе мѣстныхъ силъ. Она принимаетъ совершенно абстрактный средній губернскій или общегубернскій признакъ; она совершенно искусственно, сообразно этой мертвой цифрѣ уменьшаетъ даже количество польскихъ голосовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они, казалось бы, имѣютъ на это право, и вводитъ насильственно поляковъ въ земства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по численной наличности они на это права не имѣютъ. Что касается ценза, то Правительство не возражало бы противъ пониженія его на половину. Затѣмъ относительно введенія большаго количества крестьянъ въ земства, надо обратить вниманіе на то, что кромѣ тѣхъ крестьянъ, въ количествѣ одной трети, которые проходятъ по волостямъ, они будутъ проходить точно такъ же и въ качествѣ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Поэтому увеличивать количество крестьянъ возможно, казалось бы, только въ ущербъ культурнымъ элементамъ края. *(Голоса слѣва:* ага). Помните, гг., что если въ настоящее время не будетъ принятъ земскій законопроектъ, то, несомнѣнно, край лишится возможности къ дальнѣйшему процвѣтанію, которое такъ дорого и Правительству, и Государственной Думѣ. Не принятъ будетъ этотъ законопроектъ, край будетъ долгое еще время пребывать въ той экономической дремотѣ, въ которой доселѣ пребываетъ Западная Россія. Не забывайте этого. *(Рукоплесканія справа и въ центрѣ).*

21 мая 1910 года.

Гг. члены Государственной Думы. Я думаю, вы поймете меня, если при обсужденіи вопроса такой исторической важности, какъ вопросъ финляндскій, я принужденъ буду, говоря отъ имени Правительства, соблюдать, точно такъ же, какъ и два года тому назадъ, величайшую сдержанность и осторожность. Всѣ писанныя нормы, которыя опредѣляютъ положеніе Финляндіи въ государствѣ, а также всѣ законодательные акты, относящіеся до Финляндіи, за послѣднія сто лѣтъ носятъ на себѣ слѣды самыхъ разнообразныхъ политическихъ и историческихъ теченій, часто другъ другу противорѣчащихъ, часто случайныхъ, зависящихъ отъ временныхъ событій и условій. Сужденія же послѣдняго времени отличаются такою страстностью, такою склонностью опорочить финляндскую политику Правительства, приписывая ей своекорыстныя побужденія, что я

одною изъ своихъ главнѣйшихъ задачъ ставлю освобожденіе спора отъ излишнихъ, затемняющихъ его подробностей, отъ принижающихъ его пріемовъ, дабы представить на вашъ судъ, очищенную отъ этихъ путъ и привѣсокъ, точку зрѣнія, по моимъ понятіямъ, государственную. Я убѣжденъ, что масса матеріаловъ, документовъ, актовъ, касающихся отношеній Финляндіи къ Россіи, даютъ возможность легко защищать всякую теорію; достаточно повыдергать изъ архивныхъ грудъ нужные для этого матеріалы и строить на нихъ свои сужденія. Для этого не нужно даже особой недобросовѣстности. Достаточно нѣкоторой предвзятости и предубѣжденности. Но этотъ путь не для Правительства. Пускай политическое построеніе Правительства сочтется многими прямолинейнымъ, пускай оно многимъ будетъ непріятно, но пусть его не назовутъ изворотливымъ и недоброкачественнымъ. Я начну съ того, что многимъ, очевидно, непонятно, почему Правительство въ настоящее время подняло финляндскій вопросъ. Финляндія процвѣтаетъ, Финляндія никому не мѣшаетъ и обострять отношеній къ ней—это или роковая ошибка, или недобросовѣстная авантюра. (*Голосъ слѣва*: вѣрно). Но дѣло, гг., не такъ просто: кризисъ 1905 и послѣдующихъ годовъ оставилъ этотъ вопросъ открытымъ,

и только преступная бездѣятельность власти могла бы заставить Правительство его замолчать. (*Голосъ справа*: браво). Остается неразрѣшеннымъ хотя бы крупный вопросъ объ исполненіи финляндцами воинской повинности. Дѣло въ краткихъ словахъ обстояло такъ. Въ 1905 г. временно былъ пріостановленъ, а затѣмъ и отмѣненъ законъ о распространеніи всеобщей воинской повинности на Великое Княжество Финляндское. Пріостанавливая этотъ законъ, Государь Императоръ повелѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ, до урегулированія вопроса, вносить изъ финляндскихъ средствъ въ государственное казначейство по 10.000.000 марокъ въ годъ. Хотя Сеймъ и пытался воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы распространить свое распоряженіе на статныя средства, которыя по закону находятся въ распоряженіи одного Монарха, но, какъ никакъ, деньги эти были заплачены. Въ 1908 г. вопросъ, однако, вернулся въ первоначальное положеніе. Оставить его неразрѣшеннымъ было невозможно, приняться же за его разрѣшеніе —значило поднять весь финляндскій вопросъ, такъ какъ тутъ сталкивались двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія: точка зрѣнія правительственная и точка зрѣнія финляндская. Правительственная точка зрѣнія заключается въ томъ, что отбытіе

воинской повинности и несеніе расходовъ на военную нужду болѣзненно касаются общеимперскихъ интересовъ, отражаясь и на числѣ новобранцевъ, призываемыхъ изъ русскихъ губерній, и на количествѣ повинностей, уплачиваемыхъ русскимъ населеніемъ; а финляндская точка зрѣнія сводилась къ тому, что вопросъ этотъ по конституціи долженъ разрѣшаться одностороннимъ актомъ Сейма. А каковъ долженъ былъ быть этотъ сеймовый актъ, видно изъ представленій Сената о возстановленіи отдѣльныхъ финляндскихъ войскъ. Этимъ и только этимъ путемъ, по мнѣнію финляндцевъ, могъ быть правильно и законно разрѣшенъ вопросъ. И нельзя сказать, чтобы Правительство въ этомъ дѣлѣ дѣйствовало неосторожно и вызывающе. Если бы статный фондъ былъ неисчерпаемъ, то, конечно, возможно было вопросъ оттянуть, путемъ хотя бы ежегоднаго перечисленія изъ статныхъ суммъ въ государственное казначейство опредѣленныхъ взносовъ, взамѣнъ исполненія финляндцами личной воинской повинности. Но не желая ослаблять расходы на культурныя надобности, которыя питаются изъ статнаго фонда, Государь предложилъ Сейму изыскать суммы для этихъ взносовъ изъ сеймовыхъ средствъ. И вотъ, гг., уже второй Сеймъ отвѣчаетъ на это совершенно законное требованіе Монарха рѣ-

шительнымъ отказомъ. Я остановился на этомъ случаѣ, какъ на ближайшемъ механическомъ поводѣ, вскрывающемъ русско-финляндскій вопросъ. Одно изъ двухъ—приходится или взыскать и установить способъ рѣшенія общеимперскихъ вопросовъ и финляндскихъ законовъ, касающихся интересовъ Имперіи, или примириться съ односторонним разрѣшеніемъ ихъ Сеймовъ. Но можетъ быть надо было бы итти на это, можетъ быть государственная мудрость именно и заключается въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Финляндіи совершенно свободное, автономное государство, связанное съ Россіей только общими внѣшними интересами, и создать на порогѣ Петербурга благодарный и довольный народъ. Конечно, гг., всякое разумное правительство передъ тѣмъ, какъ итти на столкновеніе, на такъ называемый конфликтъ съ частью государства, должно ясно дать себѣ отчетъ—въ чемъ же заключаются интересы государства, не поддаваясь при этомъ ни чувству ложнаго самолюбія, ни чувству національнаго шовинизма. Поэтому надлежало проанализировать, выгоднѣе ли для всего народа—не для однихъ, конечно, только финляндцевъ—полное невмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла, во внутреннюю жизнь Финляндіи. Вамъ, конечно, извѣстно, что въ исторіи русско-финляндскихъ

отношеній были эпохи, когда финляндская самостоятельность достигала широкихъ размѣровъ, когда связь ея съ Россіей ослабѣвала. Такихъ главнѣйшихъ было три момента: первый—послѣ изданія октябрьскаго манифеста 1905 г., когда Финляндія, казалось, достигла всего того, о чемъ она только могла мечтать; ранѣе, послѣ убійства генералъ-адъютанта Бобрикова, когда при генералъ-губернаторѣ кн. Оболенскомъ ясенъ былъ поворотъ въ сторону соглашенія съ финляндцами; наконецъ, еще раньше послѣ воцаренія Императора Александра II, когда оказывалось явное доброжелательство финляндцамъ. Что же эти эпохи принесли Россіи? Что Россія отъ этого выиграла? Выиграть она могла, во-первыхъ, нравственно, завоевавъ симпатіи финляндцевъ и обезопасивъ себя съ этой стороны; выиграть она могла политически, пріобрѣтя для русскихъ гражданъ нѣкоторыя преимущества путемъ чисто финляндскаго законодательства; выиграть она могла, наконецъ, матеріально, связавъ болѣе крѣпко свои экономическія узы съ достаточнымъ народомъ, находящимся подъ однимъ съ нею скипетромъ. Если бы были достигнуты экономическія и нравственныя выгоды, то, конечно, дальнѣйшій путь былъ бы ясенъ. Благо и Россіи и Финляндіи требовала бы полной государственной—я под-

черкиваю слово государственной—автономіи послѣдней. Но, мнѣ кажется, трудно доказать, что ослабленіе связи между Финляндіей и Россіей увеличивало бы симпатіи Финляндіи къ русскому государству. Вы помните событія, которыя произошли въ октябрѣ 1905 г. въ Финляндіи. Я вамъ ихъ подробно излагалъ два года тому назадъ. Вы не забыли, конечно, цѣлыхъ кораблей, нагруженныхъ оружіемъ, вы не забыли и «воймы», и красной гвардіи, и безнаказанно подготовлявшихся въ Финляндіи террористическихъ актовъ противъ Россіи. Газеты того времени отражаютъ эти настроенія и эти событія. Я думаю, что никогда еще активное возбужденіе противъ Россіи не достигало такихъ размѣровъ въ Финляндіи, какъ въ ту эпоху. Лозунгомъ тогдашнимъ было: вооруженіе для защиты добытаго. Но и въ предыдущій періодъ, послѣ убійства генералъ-адъютанта Бобрикова, уступки Россіи не вызывали благодарности со стороны финляндіи. Характерны въ этомъ отношеніи тѣ всеподданнѣйшіе доклады, которые посылалъ въ Петербургъ посланный въ Финляндію съ примирительной миссіей тогдашній генералъ-губернаторъ кн. Оболенскій. Пріѣхавъ въ Финляндію, онъ былъ пораженъ возрастающей враждебностью ко всему русскому со стороны населенія, особенно

интеллигенціи, вошедшей въ сношенія, въ связь съ русскими террористами. Интересно во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 1904 г. сообщеніе кн. Оболенскаго, что въ засѣданіи одной изъ комиссій извѣстный сенаторъ Лео Мехелинъ, доказывая необходимость упорнаго отстаиванія разныхъ требованій, ссылался на предстоящую якобы въ Россіи революцію, имѣющую вспыхнуть не далѣе, какъ въ шестинедѣльный срокъ. Это было писано въ 1904 г., а въ послѣдующемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1905 г. кн. Оболенскій, описывая начавшіеся въ краѣ безпорядки, пишетъ: «Приведенные въ первой моей всеподданнѣйшей запискѣ слова Мехелина о предстоящемъ въ Россіи мятежѣ оправдались—безпорядки въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Имперіи состоялись именно въ указанный имъ срокъ». Но еще въ болѣе мирныя времена, въ тѣ времена, когда начались созывы Сеймовъ, когда государство начало опредѣлять свое отношеніе къ области, безъ ущерба для государства,—я говорю не своими словами, а привожу слова почтеннаго Н. Х. Бунге изъ записки, найденной въ его документахъ,—уже начали раздаваться обвиненія со стороны финляндцевъ о нарушеніи ихъ правъ со стороны Россіи. Далѣе Бунге говоритъ о возрастающей въ

то время враждебной отчужденности Финляндіи отъ Россіи. Но перенесемся въ еще болѣе отдаленныя времена, времена крымской кампаніи, когда уже со стороны Россіи никакого давленія на Финляндію не оказывалось, и въ тѣ времена уже извѣстенъ «союзъ безкровныхъ», который мечталъ объ отторженіи княжества отъ Россіи. Но, гг., если ослабленіе узъ Финляндіи съ Россіей не принесло Россіи никакихъ нравственныхъ выгодъ, не обезопасило ее съ этой стороны, то, можетъ быть, совершенно самостоятельная работа Финляндскаго Сейма создала такую законодательную практику, которая была выгодна для «другой страны», какъ въ Финляндіи часто называютъ Россію. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года при обсужденіи въ Финляндскомъ Сеймѣ того самаго законопроекта, который теперь обсуждаете вы, бывшій сенаторъ Нюбергъ, конечно, желая привести доводы въ пользу финляндской аргументаціи, заявилъ о томъ, что существуетъ цѣлый рядъ законоположеній, которыя безспорно касаются интересовъ Россіи и которыя были изданы въ финляндскомъ законодательномъ порядкѣ. И это, гг., безусловно такъ: Финляндскій Сеймъ расширялъ свою законодательную самостоятельность до того, что не стѣснялся подчасъ улавливать, регулировать и даже отмѣнять русскія законо-

дательныя нормы. Принесло ли это пользу русскимъ гражданамъ или, по крайней мѣрѣ, было ли это безвредно? Не всегда. Я не буду приводить вамъ цѣлый рядъ законоположеній подобнаго характера, какъ, напр. подчиненіе православной консисторіи финляндскому закону о гербовомъ сборѣ, какъ постоянныя попытки подчинить финляндскихъ гражданъ за преступленія, совершенныя ими въ Имперіи, финляндскому уголовному закону, но я остановлюсь тутъ на самой яркой попыткѣ, извѣстной въ литературѣ предмета, признанной фактомъ, попыткѣ обойти, отмѣнить въ финляндскомъ порядкѣ цѣлый рядъ русскихъ узаконеній, попыткѣ поставить Финляндію въ самостоятельное яко-бы положеніе въ международномъ союзѣ, попыткѣ уравнять имперскіе русскіе интересы съ интересами международными. Я говорю объ Уголовномъ Уложеніи 1889 г. Извѣстно, что это Уголовное Уложеніе было уже Высочайше утверждено 19 декабря 1889 г., а затѣмъ было манифестомъ отъ 1 декабря 1890 г., когда обнаружилась подкладка этого дѣла, временно пріостановлено введеніемъ въ дѣйствіе. Тревогу тогда забилъ извѣстный нашъ ученый, сенаторъ Таганцевъ, который, какъ частный человѣкъ, случайно ознакомился съ этимъ дѣломъ. Въ этомъ его огромная, незабвенная государ-

ственная заслуга. Такимъ образомъ, врядъ ли русскимъ подданнымъ былъ выгоденъ способъ рѣшенія ихъ дѣлъ, о которомъ упоминалъ бывшій сенаторъ Нюбергъ, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, права русскихъ подданныхъ мало чѣмъ и отличаются въ Финляндіи отъ правъ иностранцевъ.

Но перейдемъ теперь къ слѣдующему вопросу: о томъ, какъ матеріально отражается на Россіи государственное самоопредѣленіе Финляндіи? Съ одной стороны, на Россію ложатся всѣ тѣ расходы, которые обусловливаются состояніемъ Финляндіи въ составѣ Русскаго государства, и которые Имперіи не возвращаются. Затѣмъ, Россія несетъ ущербъ невыгоды отъ тѣхъ льготъ которыя ею предоставляются Финляндіи, отъ льготъ таможенныхъ, тарифныхъ, монетныхъ и т. д. Первая категорія расходовъ заключаетъ въ себѣ расходы по защитѣ государства, расходы по содержанію Министерства Императорскаго Двора и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Я намѣренно не упоминаю о взносахъ въ замѣнъ исполненія воинской повинности, такъ какъ эти взносы мы такъ или иначе получимъ. Я не принимаю во вниманіе доли финляндцевъ въ уплатѣ процентовъ по общеимперскимъ займамъ, хотя я думаю, что военныя тяготы, для которыхъ, главнымъ образомъ, и заключались наши займы,

должны были бы равномѣрно ложиться на всѣ части государства. Я не учитываю также доли финляндцевъ въ содержаніи высшихъ имперскихъ учрежденій, напр., Государственной Думы, потому что мнѣ могутъ отвѣтить, что, кромѣ вреда, эти учрежденія ничего финляндцамъ принести не могутъ. *(Слѣва рукоплесканія и голоса*; вѣрно). Но я думаю, что было бы совершенно справедливо, если бы на финляндцевъ, точно такъ же, какъ и на всю остальную Имперію, упадали бы нѣкоторые совершенно безспорные расходы, ложащіеся на каждаго жителя Имперіи въ суммѣ: 3 р. 59 к. на содержаніе арміи и флота, 10,2 к. на содержаніе Министерства Двора, 3,9 к. на содержаніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; всего 3 р. 73 к. на жителя, а если вычесть платимыя финляндцами на однородные расходы—я беру въ расчетъ всѣ подходящіе расходы, пенсіи, лоцію и т. д.—54 к. съ жителя, то на каждаго финляндца придется 3 р. 19 к., а на всю Финляндію 9.625.000 р. На Россію тягота эта ложится по 6 к. на каждаго жителя, иными словами каждый русскій, старикъ и младенецъ, женщина и мужчина, за проблематическое право обладанія Финляндіей платятъ по 6 к. въ годъ, а съ семьей въ 5 душъ—30 к., а каждый финляндецъ получаетъ льготу отъ Имперіи по 3 р. 19 к.,

а на каждое семейство 15 р. 95 к. въ годъ. Въ расчетъ этотъ не вошли таможенные доходы, которые составляютъ 16.500.000 р., между тѣмъ, какъ нашъ тарифъ по финляндской границѣ—тарифъ уравнительный, т. е. Россія получаетъ въ свою пользу тарифныя ставки въ размѣрѣ, взыскиваемомъ на остальныхъ границахъ, за вычетомъ взыскиваемыхъ Финляндіей. Сопоставляя все это, будетъ ясно, почему Финляндія, расходуя на каждаго жителя совершенно столько же, сколько и Россія, т. е. по 15 руб. съ копейками, можетъ употреблять на культурныя надобности вдвое больше, а на управленіе, несмотря на всѣ припѣвы о нашемъ бюрократизмѣ, втрое больше, чѣмъ Россія. Гг., я привелъ всѣ эти цифры только для того, чтобы доказать, что развивающаяся государственность Финляндіи съ матеріальной стороны особыхъ выгодъ Имперіи не приноситъ. Во всякомъ случаѣ, потери нравственныя, политическія и матеріальныя, вызываемыя, очевидно, тѣмъ, что нѣкоторыя общеимперскія дѣла разрѣшаются односторонне въ финляндскомъ порядкѣ, не могутъ уравновѣшиваться тѣми правами административнаго законодательства, которыя принадлежатъ нашимъ Монархамъ. Тутъ много упоминалось объ административномъ законодательствѣ и законодательствѣ параллельномъ.

Надо помнить, что права эти весьма шатки, неопредѣленны, и что со времени начала созыва Сеймовъ въ 1863 г. эта область еще болѣе сузилась; напр., цѣлый рядъ законовъ о самоуправленіи сельскомъ и городскомъ, о промыслахъ, банкахъ, акціонерныхъ компаніяхъ, о лѣсахъ и многіе другіе, прежде разрѣшавшіеся въ порядкѣ административнаго законодательства, теперь давно рѣшаются при посредствѣ народнаго представительства. Точно такъ же цѣлый рядъ доходовъ, какъ, напр., доходы винокуренные, доходъ гербовый, доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ, отъ прибылей банковъ, которые прежде поступали въ штатный фондъ, находящійся въ распоряженіи Монарха, въ настоящее время поступаютъ въ сеймовыя средства. Поэтому наивно было бы думать, что посредствомъ административнаго законодательства можно было бы оградить общеимперскіе интересы или даже интересы русскихъ гражданъ въ Финляндіи. Понятно поэтому, что лица, которыя отвѣчаютъ за интересы Россіи, не могли не чувствовать, не сознавать, что то стремительное, центробѣжное теченіе, которое неудержимо приняли финляндскія дѣла, все болѣе и болѣе наносило ущербъ Россіи. Уже Императоръ Александръ II дѣлалъ строгія словесныя внушенія Сейму, а Императоръ Александръ III,

познавъ безсиліе словъ, постановилъ разработать проектъ общеимперскаго законодательства и внести его въ Государственный Совѣтъ. Завершилъ мысль Императора Александра III нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ манифестомъ 3 февраля 1899 г. основныя положенія котораго были пріостановлены въ 1905 г. Такимъ образомъ, въ настоящее время общеимперскіе интересы ничѣмъ не обезпечены, въ настоящее время вопросъ опять оказывается висящимъ въ воздухѣ, и картина государственнаго безсилія является полной. И въ это время намъ говорятъ о благоразуміи, говорятъ о томъ, что необходимо ждать, ждать въ то время, когда партнеръ не ждетъ, когда ждать-значитъ проигрывать, проигрывать можетъ быть наслѣдіе отцовъ. Не всегда, впрочемъ, сами финляндцы строили свои расчеты на малодушіи русскихъ. Такъ, напр., сенаторъ Даніельсонъ-Кальмари еще въ таганцевской комиссіи заявлялъ: «И въ Финляндіи въ настоящее время смотрятъ на этотъ вопросъ иначе, чѣмъ въ то время, когда онъ возникъ впервые. Нынѣ сознаютъ, что земскіе чины должны дать свое согласіе на отнесеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, бывшихъ до сего времени предметомъ финляндскаго законодательства, къ области законодательства общегосударствен-

наго. Событія послѣднихъ лѣтъ привели къ убѣжденію, что измѣненіе въ разсматриваемомъ нынѣ отношеніи неизбѣжно и представляется возможнымъ также и съ точки зрѣнія финляндцевъ. Хотя все еще есть люди, которые считаютъ нашимъ правомъ и долгомъ отклонить требованія относительно общегосударственныхъ законовъ, все-таки мнѣніе это, насколько намъ извѣстно, не имѣетъ болѣе значительнаго числа приверженцевъ ни на Сеймѣ, ни въ Сенатѣ, ни вообще среди нашего народа. Все болѣе преобладающее значеніе получаетъ мнѣніе, что намъ необходимо считаться съ взглядами, господствующими «здѣсь въ Россіи», и что мы поэтому должны упорно отстаивать свое мнѣніе, иногда даже въ такихъ случаяхъ, когда мы не убѣждены въ необходимости измѣненія постановленій, касающейся законодательной компетенціи, такъ какъ цѣль могла бы быть достигнута и безъ такихъ мѣръ. Мы, слѣдовательно, можемъ идти на уступки, лишь бы намъ и при новыхъ условіяхъ гарантировано было существованіе въ качествѣ особаго народа съ собственнымъ политическимъ бытіемъ». Это, конечно, говорилось до событій 1905 г., но и затѣмъ въ комиссіи сенатора Харитонова финляндскіе члены не отрицали существованіе интересовъ и дѣлъ общеимперскаго свойства и

предлагали для разрѣшенія ихъ особый способъ—способъ делегаціи, способъ сравнивающій Россію съ Финляндіей и въ концѣ концовъ ничего не разрѣщающій, такъ какъ при разногласіи финлядскихъ и русскихъ членовъ этихъ делегацій, большинство вопросовъ, по мнѣнію автора проекта, должно было оставаться неразрѣшеннымъ. Русское Правительство предпочитало все-таки изыскать способъ разрѣшенія этихъ вопросовъ, въ концѣ концовъ ихъ разрѣшающій. Поэтому, гг., позвольте мнѣ въ дальнѣйшемъ исходить изъ того положенія, что необходимость разрѣшенія вопроса объ общеимперскомъ законодательствѣ установлена. Но тутъ самъ собой возникаетъ вопросъ: какая же власть должна рѣшить основной вопросъ, т. е. самый способъ теченія общеимперскихъ дѣлъ, сущность этихъ дѣлъ, вопросъ процессуальный и вопросъ матеріальный? Въ существѣ своемъ тутъ споръ можетъ сосредоточиться на слѣдующемъ: финляндцы, опираясь на слова Императора Адександра I, на дарованную имъ конституцію, на подтвержденія незыблимости коренныхъ старинныхъ шведскихъ законовъ, на возможность отмѣны сеймовыхъ законовъ только путемъ взаимнаго согласія Монарха и Сейма, приходятъ къ тому заключенію, что Россіи принадлежитъ право рѣшенія

только въ области внѣшнихъ международныхъ сношеній, а что всѣ внутреннія дѣла, хотя бы и обнимающія общеимперскіе интересы, могутъ быть законно разрѣшаемы только въ финляндскомъ порядкѣ, сеймовомъ или административномъ. Эта точка зрѣнія наиболѣе образно была высказана тѣмъ же сенаторомъ Лео Мехелиномъ, который, въ 1904 году въ газетѣ «Fria ord» заявлялъ о томъ, что взаимоотношеніе обѣихъ странъ требуетъ, чтобы Царь и Великій Князь былъ единственнымъ русскимъ, который могъ бы и долженъ былъ бы вліять на финляндскія дѣла. Такимъ образомъ, внутреннимъ дѣламъ противополагаются внѣшнія, но не общегосударственныя такимъ образомъ, провозглашается теорія личной уніи, или по терминологіи финляндской, уніи реальной. Отсюда ясенъ логическій выводъ, что рѣшеніе вопроса объ измѣненіи взаимоотношеній Россіи и Финляндіи, взаимоотношеній, сильно осложнившихся за сто лѣтъ, должно принадлежать исключительно творчеству Финляндскаго Сейма; Россіи должно принадлежать, въ лицѣ ея Монарха, лишь право veto, что сводитъ роль Россіи къ пассивному сопротивленію противъ вредныхъ для нея актовъ и не даетъ ей возможности привести свои отношенія съ Финляндіей къ благополучному исходу. Свое мнѣіе о томъ,

какъ возникла и какъ развивалась эта теорія, я уже излагалъ передъ Государственной Думой. Я считаю совершенно излишнимъ, въ настоящее время, оспаривать юридическое построеніе финляндцевъ. Совершенно несомнѣнно, что Императоръ Александръ I утвердилъ для Финлиндіи безъ всякаго точнаго опредѣленія основныя нормы конституціонныхъ законовъ Швеціи. Совершенно неопровержимо, что и послѣ Фридрихсгамскаго договора, въ 1810 и 1816 гг., въ тѣхъ манифестахъ, на которые тутъ ссылались, Императоръ Александръ I подтверждалъ дарованную имъ краю конституцію, или конституціи, и заявлялъ о политическомъ существованіи финляндскаго народа. Совершенно вѣрно, что при Императорѣ Александрѣ II, въ 1869 г., былъ изданъ Сеймовый Уставъ, который былъ признанъ незыблемымъ основнымъ закономъ, подлежащимъ измѣненію или отмѣнѣ лишь по согласному рѣшенію Монарха и Сейма. Совершенно безспорно также, что монетный законъ 1877 г. былъ признанъ общимъ сеймовымъ закономъ, а законъ о воинской повинности въ главныхъ своихъ статьяхъ—даже закономъ основнымъ. Я бы не хотѣлъ утаить ни одного изъ доводовъ, которые говорятъ въ пользу финляндской точки зрѣнія, я не возьму на себя неприглядной для Правительства

обязанности выискивать отдѣльныя слова, выраженія, опорочивающія эти акты: нельзя историческій споръ ставить въ зависимость отъ адвокатской ловкости ораторовъ и ловить на словѣ историческихъ дѣятелей, давно уже сошедшихъ въ могилу. (*Голосъ въ центрѣ*: это правильно.) Задача Правительства иная: Правительство считаетъ, что Финляндія пользуется широкой мѣстной автономіей, что Финляндіи дарована провинціальная конституція, но Правительство вполнѣ убѣждено, что тѣ предметы, которые обнимаютъ всю Имперію, или тѣ финляндскіе законы, которые затрагиваютъ интересы Россіи, выходятъ за предѣлы компетенціи Финляндскаго Сейма. Всякое другое пониманіе завело бы насъ въ историческій тупикъ. (*Голоса въ центрѣ*: правильно.). Вѣдь для всѣхъ, я думаю, гг., ясно, что нормы законодательныя, правовыя нормы и отношенія не окаменѣваютъ, но измѣняются, развиваются вслѣдъ за развитіемъ жизни народной. Точно такъ же должны были измѣниться взаимоотношенія Россіи и Финляндіи. Должна же быть какая-нибудь конечная инстанція, какая-нибудь верховная, суверенная, на юридическомъ языкѣ, власть, которая бы эти вопросы рѣшала, рѣшала бы вопросы объ измѣненіи нормъ взаимоотношеній Финляндіи и Россіи, которая рѣшала бы

и общіе для нихъ вопросы. Мы вѣдь видимъ, что право административнаго законодательства Монарховъ не покрываетъ этихъ вопросовъ. Мы видимъ, какъ мало удачны попытки Финляндскаго Сейма рѣшать эти вопросы захватнымъ правомъ. Предоставленіе же Сейму рѣшенія принципіальнаго вопроса объ общегосударственномъ законодательствѣ было бы равносильно предоставленія ему правъ, которыя членъ Государственной Думы Милюковъ назвалъ учредительными, по вопросу, который касается всей Россіи. Это было бы незаконно по отношенію къ Россіи. Это не соотвѣтствовало бы существу провинціальной финляндской конституціи. Я скажу болѣе, такого права самоопредѣленія не имѣютъ даже составныя части сложныхъ государствъ. Намъ возразятъ, да уже возражали, что въ томъ учрежденіи въ Германіи, которое рѣшаетъ вопросы объ измѣненіи отдѣльныхъ конституцій, имѣютъ право голоса всѣ союзныя государства. Но, я думаю, что въ настоящее время никто еще не признаетъ Финляндію государствомъ союзнымъ съ Россіей. Англійское Colonial Legislation Volidity act безусловно признаетъ силу за рѣшеніями колоніальныхъ парламентовъ только тогда, когда они не противорѣчатъ законодательнымъ актамъ Британскаго парламента. Но если державная власть въ дѣлѣ

общеимперскаго законодательства не принадлежитъ и не можетъ принадлежать Финляндскому Сейму, то кому же она принадлежитъ по праву? До настоящаго времени ее безспорно осуществляли русскіе Монархи, т. е. единственная общая законодательная для Финляндіи и для Россіи власть. Въ виду неопредѣленности финлядскихъ законовъ, въ виду туманности даже самого понятія основныхъ финляндскихъ законовъ, въ виду неясности границъ между мѣстнымъ и общеимперскимъ законодательствомъ, Монархи наши безразлично осуществляли эту власть и путемъ имперскихъ повелѣній, и въ порядкѣ административнаго законодательства, и въ порядкѣ сеймоваго законодательства, которое, какъ вы видѣли, иногда даже вторгается въ область законодательства чисто русскаго. Но что совершенно ясно, совершенно безспорно, это то, что сами наши Государи сознавали, что они, и они одни, властны и правомощны выполнять общеимперское законодательство въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндіи. Александръ I, даровавъ Финляндіи конституцію и потребовавъ отъ земскихъ чиновъ въ Борго ихъ мнѣнія по разнымъ вопросамъ (simples avis), запечатлѣвъ въ Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ державныя права Россіи, тщательно и добросовѣстно охранялъ финлянд-

скую автономію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались и Россіи, онъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ ограниченій и дѣйствовалъ совершенно патріархально. Разрѣшивъ финляндцамъ управляться въ своихъ границахъ на основаніи старинныхъ шведскихъ законовъ, Александръ I во всѣхъ своихъ манифестахъ, даже самыхъ льготныхъ, все же признавалъ Финляндію частью, и подчиненной частью русскаго государства, Россіи. Онъ даже, какъ вы знаете, не счелъ необходимымъ, утверждая эти законы, сдѣлать оговорку о томъ, что они имѣютъ силу только въ той мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ русскимъ Основнымъ Законамъ, настолько онъ признавалъ ихъ провинціальный характеръ. Вѣдь въ этихъ законахъ, которые по ст. 57 Формы Правленія должны быть понимаемы буквально, не только запрещается назначать генералъ-губернаторовъ, но вопреки единственному фундаментальному закону того времени о престолонаслѣдіи требуется, какъ тутъ уже упоминали, лютеранскаго исповѣданія вѣры отъ Монарха и невыѣзда его изъ предѣловъ Финляндіи и т. д. Если признать, что Императоръ Александръ I отказался за Россію отъ державныхъ или учредительныхъ правъ, то надо признать, что немедленно же послѣ утвержденія шведскихъ законовъ онъ началъ ихъ нарушать!

Но въ его время, по крайней мѣрѣ, въ этомъ его никто не обвинялъ, въ эту эпоху всѣ признавали Великое Княжество Финляндское русской провинціей. Это заявлялось и на сеймѣ въ Борго, это вы можете найти во всѣхъ историческихъ и юридическихъ учебникахъ того времени. Извѣстный финляндскій ученый Нервандеръ называетъ Финляндію Тиролемъ Россіи. Двадцать лѣтъ пребывавшій Вице-предсѣдателемъ Сената бар. Гартманъ открыто заявлялъ, что Форма Правленія потеряла свою силу, что необходимо возможно широкое распространеніе въ Финляндіи дѣйствіе русскаго языка. Министръ Статсъ-Секретарь гр. Ребиндеръ мечталъ о сближеніи устава Гельсингфорскаго университета съ уставами другихъ русскихъ университетовъ. Въ тѣ времена до 50-хъ годовъ, въ торжественныхъ случаяхъ въ университетѣ пѣлся русскій народный гимнъ; Императора и консисторія университетская и студенты встрѣчали адресами, написанными на русскомъ языкѣ. Вотъ, гг., въ какой финляндской атмосферѣ дѣйствовали и законодательствовали Императоръ Александръ I и Императоръ Николай Павловичъ. Я не знаю, надлежитъ ли перечислять вамъ тотъ объемистый перечень законовъ, которые при Императорѣ Александрѣ I были изданы въ

имперскомъ порядкѣ? Ихъ тутъ перечислялъ одинъ изъ предыдущихъ ораторовъ. Нельзя же длительную практику принимать, какъ исключеніе. Извѣстно, что Императоръ Александръ I въ томъ же 1810 г., въ который онъ издалъ одинъ изъ льготныхъ своихъ манифестовъ, на который тутъ уже ссылались, указомъ своимъ приказалъ перечислить въ рессурсы государственнаго казначейства остатки по смѣтѣ новой Финляндіи. Вамъ извѣстно, что онъ присоединилъ старую Финляндію къ новой Финляндіи, что онъ назначилъ генералъ-губернатора вопреки § 33 Формы Правленія. Особенно интересны тѣ сужденія, которыя высказывались въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу этихъ актовъ. Въ той запискѣ, которая была представлена въ Государственный Совѣтъ, говорилось буквально слѣдующее, и въ это время, это никого не смущало: «Если—говорилось въ представленной Государственному Совѣту запискѣ—обѣ сіи провинціи—т. е. старая и новая Финляндія нынѣ равно принадлежатъ Имперіи и той же и единой покорены верховной власти, то не можетъ быть никакого основанія различать ихъ ни въ имени, ни въ жребіи, ни въ образѣ управленія, и подобно тому, какъ изъ двухъ прежнихъ разновременныхъ завоеваній составилась одна губернія, нынѣ должно изъ

трехъ составить одну провинцію». Вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалось, между прочимъ, что отъ этой мѣры имперская казна не потерпитъ ущерба, такъ какъ «вообще о финляндскихъ доходахъ сдѣлано постановленіе, чтобы остатки ихъ причисляемы были къ казначейству Имперіи». Затѣмъ въ царствованіе Императора Николая I и Александра II существовалъ, можно сказать, негласный порядокъ рѣшенія общеимперскихъ дѣлъ. Можетъ быть, приведенъ перечень тѣхъ учрежденій, которыя вѣдали этими дѣлами. Напр., таможенный тарифъ Финляндіи обсуждался въ Министерствѣ Финансовъ въ 1840 г. Реформа финляндскаго банковскаго устава обсуждалась въ Министерствѣ Финансовъ. проектъ устава Императорскаго Александра I университета 1828 г. обсуждался въ особомъ комитетѣ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Проектъ кодификаціи финляндскихъ законовъ обсуждался во Второмъ Отдѣленіи Канцеляріи Его Величества. Проектъ денежной реформы обсуждался въ Министерствѣ Финансовъ въ 1860—1865 гг. Вопросъ о томъ, созывать или не созывать сеймъ, обсуждался въ особомъ совѣщаніи изъ сановниковъ русскихъ и представителей Финляндіи подъ предсѣдательствомъ Императора Александра II. Военные вопросы обсуждались въ Военномъ Министерствѣ; во-

прросы, касающіеся постройки шоссе, обсуждались въ Главномъ Управленіи путей сообщенія, которому съ 1909 г. была подчинена Финляндія послѣ причисленія всей Финляндіи въ 8-й округъ путей сообщенія. Начиная съ царствованія Императора Александра II получила однако, особое, развитіе теорія объ особой финляндской государственности. Въ это время въ сеймовомъ порядкѣ прошли такіе важные законы, какъ законъ монетный и законъ о воинской повинности. Но въ слозахъ и во многихъ дѣйствіяхъ Императора Александра II сказывалось все же, что онъ общеимперскую идею не подчинялъ идеѣ провинціальной. Такъ, въ 1863 г., когда Финляндскій сенатъ обратился къ Императору Александру II съ ходатайствомъ о томъ, чтобы на разрѣшеніе финляндскаго сейма былъ переданъ вопросъ о возвратѣ Сестрорѣцка въ черту Имперіи, Александръ II въ этомъ безусловно отказалъ и вопросъ этотъ рѣшилъ единолично. Горестны воспоминанія этого Монарха о данномъ имъ въ тяжелую для него минуту на театрѣ военныхъ дѣйствій согласіи на монетную реформу. Еще въ 1860 г. онъ сказалъ о монетной же реформѣ: On m'a escamoté mon consentement». Императоръ Александръ III ясно сознавалъ преобладаніе общеимперскаго законодательства. Въ широкихъ массахъ из-

вѣстенъ его почтовый манифестъ и его манифестъ о пріостановленіи введенія въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія, о которомъ я уже упоминалъ. Менѣе извѣстны другіе два акта его царствованія, это—Высочайшее повелѣніе 1891 г. о передачѣ на обсужденіе Государственнаго Совѣта проекта Финляндскаго сената о финляндскихъ основныхъ законахъ и проекта Финляндскаго генералъ-губернатора гр. Гейдена объ учрежденіи управленія финляндскими губерніями и Высочайшее повелѣніе 1893 г. о передачѣ, точно также на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, мнѣнія русскихъ и финляндскихъ членовъ комиссіи Бунге о будущемъ государственномъ законодательствѣ. Знаменательно, что въ это еще время многоопытный Финляндскій генералъ-губернаторъ гр. Гейденъ настаивалъ на томъ, чтобы его проектъ объ учрежденіи управленія финляндскими губерніями обсуждался въ порядкѣ русскихъ Основныхъ Законовъ, такъ какъ онъ имѣетъ общегосударственный характеръ. Понятно, изъ всего сказаннаго, что Государь Императоръ Николай Александровичъ, вступая на Престолъ и подтверждая права и привиллегіи Великого Княжества Финляндскаго, подтвердилъ законы, права и привилегіи областныя, провинціальныя; естественно также, что онъ захотѣлъ продолжить

дѣло своего отца и 3 февраля 1899 г. обнародовалъ манифестъ объ общеимперскомъ законодательствѣ; понятно, что въ 1905 г., когда весь нашъ законодательный и государственный строй измѣнился, манифестомъ 20 февраля 1906 г. было возвѣщено о томъ, что о порядкѣ осуществленія общегосударственнаго законодательства будутъ въ свое время преподаны особыя указанія. Обзоръ дѣйствій пяти Монарховъ приводитъ насъ къ неопровержимому выводу, что общегосударственное законодательство, хотя иногда, можетъ быть, и въ неясныхъ очертаніяхъ, иногда съ отступленіями, съ колебаніями, но осуществлялось въ теченіе ста лѣтъ волею и властью русскихъ государей. Ни одинъ изъ нихъ не отказался отъ своихъ общеимперскихъ правъ, ни одинъ изъ нихъ тѣмъ болѣе не отказался отъ державныхъ или, какъ здѣсь ихъ называли, отъ учредительныхъ правъ Русской Имперіи. Отказъ этотъ былъ бы равносиленъ признанію Финляндіи самостоятельнымъ государствомъ, всякое столкновеніе, всякій конфликтъ съ которымъ былъ бы неразрѣшимъ, такъ какъ не было бы такой власти, которая была бы въ правѣ эти осложненія, эти конфликты разрѣшать. Окончаніе же конфликтовъ путемъ, установленнымъ между равноправными государствами, т. е. путемъ войны, конечно, между

Финляндіей и Россіей немыслимо. Такимъ образомъ, нынѣ царствующему Государю въ минуту поворота въ Финляндскихъ дѣлахъ предстояло рѣшить, кто же правомоченъ осуществить Державную власть для установленія нормъ и порядка общегосударственнаго законодательства. Даровавъ, какъ Самодержавный Государь, Основные Законы Имперіи, Государь Императоръ манифестомъ отъ 20 февраля 1906 г. оставилъ за собою право установить въ свое время и законы общегосударственные. Онъ могъ сдѣлать это Самъ, Онъ могъ сдѣлать это, внявъ финляндскимъ теоріямъ, съ помощью Финляндскаго Сейма, Онъ могъ, наконецъ, призвать къ этому дѣлу русское народное представительство. Манифестомъ 14 марта этотъ вопросъ разрѣшенъ, и законопроектъ находится передъ вами, гг. члены Государственной Думы. Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ историческихъ размѣровъ, но во время этого историческаго суда будутъ раздаваться и раздаются уже и обвиненія, и укоры, и нареканія. Указывая на перечень, вамъ будутъ доказывать, что русская реакція стремится задушить автономію свободнаго народа (*голоса слѣва*, правильно), тогда какъ въ возможности пополненія перечня и заключается признакъ верховенства Русскаго государства, заключается обезпеченіе, въ случаѣ пропуска

или недосмотра отъ поворота вновь въ такое же положеніе, въ которомъ мы находимся въ настоящее время. Приглашеніе финляндскихъ депутатовъ въ Думу и въ Государственный Совѣтъ съ рѣшающимъ голосомъ—это актъ величайшей справедливости, но это въ то же время доказательство *(шумъ слѣва; звонокъ Предсѣдателя)* единства русской Имперіи. Смущающій васъ, какъ я слышалъ, нѣкоторый дозоръ, въ малой хотя степени, за школами, введенъ въ перечень вслѣдствіе той непріязни, того недружелюбія, которое вселяется въ школахъ дѣтямъ по отношенію къ Россіи и русскому языку. *(Шумъ слѣва; звонокъ Предсѣдателя)*. Союзы печать, общество, это все предметы, которые даже въ сложныхъ государствахъ составляютъ предметъ общеимперскаго законодательства. (*Голоса слѣва:* еще бы). Но намъ будутъ указывать, конечно, что этимъ путемъ бюрократія стремится разрушить высокую мѣстную культуру (*голоса слѣва*: правильно) и народное просвѣщеніе. Я вамъ отвѣчу словами докладчика, что независимо отъ финляндскаго правосознанія существуетъ еще другое правосознаніе, правосознаніе русское; вамъ будутъ указывать на то, что Правительство не считается съ интересами цѣлаго народа, на это я вамъ отвѣчу, что Государь довѣрилъ дѣло вамъ, а не бюрократіи, и что помимо васъ не пройдетъ ни одинъ имперскій законъ; вамъ, наконецъ, будутъ вѣроятно торжественно указывать на мнѣніе якобы Европы, на тысячи собранныхъ финляндцами за границей подписей; тутъ уже отвѣчу вамъ не я, а отвѣтитъ вся Россія, что многіе, видимо, еще не поняли, что при новомъ строѣ Россія не разваливается, не расчленяется на части, а крѣпнетъ и познаетъ себя. Разрушьте, гг., опасный призракъ, нѣчто худшее, чѣмъ вражда и ненависть—презрѣніе къ нашей родинѣ. Презрѣніе чувствуется въ угрозѣ пассивнаго сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ финляндцевъ, презрѣніе чувствуется и со стороны непрошенныхъ совѣтчиковъ, презрѣніе чувствуется, къ сожалѣнію, и со стороны части нашего общества, которая не вѣритъ ни въ право, ни въ силу русскаго народа. Стряхните съ себя, гг., этотъ злой сонъ и, олицетворяя собою Россію, спрошенную Царемъ въ дѣлѣ, равнаго которому вы еще не вершили, докажите, что въ Россіи выше всего право, опирающееся на всенародную силу. (*Продолжительныя рукоплесканія правой и центра*).

19 января 1911 года.

Гг., члены Государственной Думы. Въ виду того, что вами приняты уже первыя 24 статьи предложеннаго вамъ законопроекта, мнѣ не предстоитъ надобности доказывать вамъ по существу необходимости изданія новаго экстреннаго закона въ цѣляхъ оздоровленія столицы. Вы оцѣнили, конечно, побужденія Правительства, обратившагося въ законодательныя учрежденія въ сознаніи тяжелой своей отвѣтственности предъ населеніемъ за непринятіе мѣръ къ охранѣ его жизни. Я думаю, что едва ли кому нибудь удастся доказать, что въ городѣ, въ которомъ число смертей уже превышаетъ число рожденій, въ которомъ одна треть смертей происходитъ отъ заразныхъ заболѣваній, въ которомъ брюшной тифъ уноситъ больше жертвъ, чѣмъ въ любомъ западно-европейскомъ городѣ, въ которомъ не прекращается оспа, въ которомъ время отъ времени появляется возвратный тифъ, болѣзнь давно исчезнувшая на Западѣ, въ которомъ почва вполнѣ благопріятна для развитія всякихъ бактерій, не только холерныхъ, но я думаю, и чумныхъ, что въ такомъ городѣ Правительство обязано стоять на почвѣ, какъ здѣсь было сказано, исключиительно надзора, исключительно протеста и платоническихъ побужденій, должно подавить въ себѣ волевое усиліе и являть изъ себя зрѣлище безсилія государства, санкціонирующаго безсиліе общественное. Такого представленія о роли Правительства ни у кого, конечно, быть не можетъ, и возраженія противъ правительственнаго законопроекта опираются, насколько я ихъ понимаю, на соображенія иного порядка. Оппозиція противъ правительственныхъ предложеній объясняется, очевидно, представленіемъ о нихъ, какъ о мѣрахъ въ высшей степени прямолинейныхъ, какъ о мѣрахъ, можетъ быть, поражающихъ какимъ то слишкомъ наивнымъ симплицизмомъ. Появилась и держится въ городѣ холера. Начальство начинаетъ распоряжаться, дѣло не налаживается; городское управленіе медлитъ. И въ результатѣ—что же? Необходимость замѣнить это самоуправленіе чиновникомъ, который все знаетъ, все прекрасно выполнитъ, быстро и скоро все приведетъ въ порядокъ. Но подумало ли Правительство, —указываютъ против-

никц его,—что цѣлыя группы населенія, можетъ быть, наиболѣе для этого пригодныя, устранены отъ дѣла городского самоуправленія; подумало ли оно о томъ, что городское управленіе обрѣзано въ своихъ средствахъ, что оно не имѣетъ права облагать оцѣночнымъ сборомъ земли дворцовыя, казенныя и удѣльныя; предъявило ли оно когда либо городскому управленію категорическое требованіе объ оборудованіи канализаціи и улучшеніи водопровода; наконецъ, подумало ли оно объ освобожденіи городского самоуправленія отъ тѣхъ тормозовъ, отъ тѣхъ рогатокъ, которые поставлены на его пути самимъ закономъ, такъ какъ городское управленіе, какъ извѣстно, не имѣетъ права иначе, какъ въ путяхъ закона, не только отчудить нужное имущество, но даже временно его занять въ цѣляхъ работъ по оздоровленію города, не имѣетъ права установить обязательнаго присоединенія домовладѣльцевъ къ общей канализаціонной сѣти, не имѣетъ даже права обложить обывателей уравнительнымъ канализаціоннымъ сборомъ? Если бы Правительство объ этомъ подумало, если бы оно своевременно расширило компетенцію города соотвѣтственно обширности возложенныхъ на него задачъ, тогда другое дѣло—Правительство имѣло бы право возбудить вопросъ о понудительныхъ противъ города мѣропріятіяхъ; но при отсутствіи этихъ условій всякое вмѣшательство Правительства въ городскую компетенцію является доказательствомъ недовѣрія къ общественнымъ силамъ, болѣе того, является ударомъ, наносимымъ самому принципу городского самоуправленія. Вотъ, насколько я понялъ, тѣ возраженія, на которыя мнѣ придется отвѣчать. О необходимости составленія проекта новаго Городового Положенія, вмѣсто прямой борьбы съ антисанитарными условіями г. Петербурга, я говорить не буду, такъ какъ вы, гг., уже постановили перейти къ постатейному чтенію законопроекта и, слѣдовательно, въ общемъ признали его цѣлесообразность. Къ тому же многимъ изъ васъ извѣстно, что даже въ городахъ, въ которыхъ кругъ избирателей и кругъ гласныхъ гораздо болѣе ограниченъ, чѣмъ въ Петербургѣ, вопросъ канализаціонный и вопросъ водоснабженія вырѣшенъ уже достаточно благополучно. Кромѣ того, я полагаю, что попутно разрѣшать крупный вопросъ о новомъ способѣ комплектованія городскихъ гласныхъ было бы въ настоящее время неудобно. Я точно такъ же оставляю въ сторонѣ вопросъ объ обложеніи оцѣночнымъ сборомъ земель дворцовыхъ, казенныхъ и удѣльныхъ. Вопросъ этотъ не относится къ ст. 25 и послѣдующимъ и вообще имѣетъ мало отношенія ко всѣму законопроекту,

такъ какъ, по предположенію Правительства, и канализація и водопроводъ должны сами себя окупать и содержать. Если не касаться этихъ двухъ вопросовъ, то споръ сводится къ нижеслѣдующему: иные полагаютъ, что городское самоуправленіе не можетъ въ настоящее время осуществить канализацію и улучшить водопроводъ, потому что самъ законъ ставитъ ему въ этомъ преграды, и цѣль законодателя устранить эти преграды, расширивъ законныя полномочія города въ предѣлахъ этихъ двухъ предпріятій, помимо же этого никакого законодательнаго воздѣйствія не требуется. Другіе предполагаютъ, что дѣло законодателя не только благожелательное содѣйствіе городскому управленію, но и обезпеченіе непремѣннаго исполненія той задачи, которая признана государствомъ необходимой. Какое же отношеніе Правительства къ этимъ вопросамъ? Отвѣтъ на это даетъ первоначальный правительственный законопроектъ, согласно которому предполагалось, въ виду тревожнаго въ санитарномъ отношеніи состоянія столицы, немедленно взяться за работу и, въ виду невозможности заставить работать другихъ, принять на себя Правительству и весь трудъ и всю отвѣтственность по этому дѣлу, не терпящему никакого отлагательства. Какъ извѣстно, комиссія Государственной

Думы пошла по среднему пути. Она нашла что если городское самоуправленіе поставить въ условія, въ которыхъ помѣхи, о которыхъ я только что говорилъ, были бы устранены, то въ этихъ облегченныхъ условіяхъ городское самоуправленіе, быть можетъ, и выполнитъ возложенныя на него заданія. Поэтому комиссія рѣшила предоставить городу эту возможность и лишь въ случаѣ неудачи города, обезпечить въ самомъ законѣ выполненіе или завершеніе дѣла правительственною властью. Несмотря на то, что при такой постановкѣ дѣла можетъ быть рискъ нѣкотораго замедленія, Правительство пошло на это, согласилось съ предположеніями комиссіи и приняло участіе въ переработкѣ законопроекта. Дѣйствовало оно такъ изъ уваженія и къ принципу городского самоуправленія, и въ предположеніи, что при такомъ оказательствѣ довѣрія городу со стороны высшихъ законодательныхъ учрежденій и со стороны Правительства, можетъ появится новый стимулъ, новый импульсъ, который послужитъ къ удачѣ предпріятія. Но Правительство не могло допустить и мысли, чтобы Государственная Дума остановилась на полпути и не обезпечила при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и условіяхъ завершеніе дѣла, являющагося не вопросомъ самолюбія тѣхъ или иныхъ городскихъ дѣя-

телей, а вопросомъ жизни или смерти населенія столицы. Тутъ, господа, мнѣ придется подѣлиться съ вами нѣкоторыми соображеніями и мыслями, которыя привели меня въ свое время къ выводу о необходимости немедленнаго правительственнаго дѣйствія. Эти мысли, конечно, могутъ служить аргументомъ a fortiori для доказательства необходимости оставленія въ силѣ второй части законопроекта комиссіи, которая служитъ санкціей къ первой его части. Ничего оскорбительнаго и для городского самоуправленія, и для принципа самоуправленія въ этихъ мысляхъ, конечно, нѣтъ. Наблюдая за дѣятельностью Петербургскаго городского самоуправленія, я не могъ не подмѣтить какой-то робости, какой-то нерѣшительности во всѣхъ вопросахъ, касающихся мѣръ по оздоровленію столицы. Никто не будетъ отрицать, что до самаго послѣдняго времени самая возможность сооруженія такого грандіознаго предпріятія, какъ канализація, подвергалась сомнѣнію не только съ точки зрѣнія технической его осуществимости, но и съ точки зрѣнія даже его необходимости; тутъ чувствовалось явное смущеніе передъ громадностью предстоящихъ расходовъ, которые превышаютъ сумму всѣхъ займовъ, заключенныхъ до настоящаго времени г. Петер-

бургомъ. Составъ городской думы перемѣнный, одни дѣло начнутъ, другіе будутъ продолжать, третьи, можетъ быть, закончатъ, отвѣтственность громадна—вотъ психологія городского самоуправленія, психологія, которая проскальзываетъ, просачивается во всѣхъ, даже частныхъ, разговорахъ городскихъ дѣятелей. И поражаетъ въ этихъ разговорахъ, въ этихъ соображеніяхъ городскихъ дѣятелей то, чѣмъ оно оправдывается: данными о томъ, что вотъ уже въ теченіе болѣе 40 лѣтъ городская дума изыскиваетъ способы, выбираетъ лучшіе проекты канализаціи, ссылками на то, что Правительство даже до настоящаго времени еще категорически не принимало по отношенію къ городу достаточно энергическихъ мѣръ понужденія! Развѣ, совершенно независимо отъ вопроса о степени вины въ данномъ дѣлѣ Правительства или городского самоуправленія, развѣ всѣ эти доводы не служатъ доказательствомъ отсутствія у городского самоуправленія волевого импульса? Подтверждается это примѣрами и изъ области менѣе крупныхъ предпріятій. Вспомните, напр., что простой вопросъ, вопросъ о введеніи водомѣровъ долженъ былъ быть проведенъ въ порядкѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Комитета Министровъ; городъ съ своей стороны послѣдовательно обсуждалъ этотъ

вопросъ и въ 1892 г., и въ 1894, 1895, 1896, 1897 гг., и, наконецъ, въ 1899 г. окончательно его отклонилъ, послѣ чего онъ долженъ былъ быть проведенъ въ порядкѣ Верховнаго управленія. Такимъ же путемъ было проведено и расширеніе фильтровъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время, въ 1909 г. городская дума рѣшила вопросъ о префильтрахъ, даже ассигновала деньги на эту постройку; префильтры, однако, построены не были, и въ концѣ концовъ городъ перерѣшилъ вопросъ и отказался отъ своей мысли. Не доказываетъ ли это, что въ городѣ, при наличіи самыхъ благихъ пожеланій, не созрѣла еще та рѣшимость, которая одна можетъ родить результаты? Я укажу еще на событія самаго послѣдняго времени. Въ настоящее время въ городской думѣ существуетъ новая канализаціонная комиссія, состоящая изъ почтеннѣйшихъ людей, которые желаютъ сдѣлать дѣло; въ эту комиссію приглашаются эксперты изъ самыхъ крупныхъ научныхъ авторитетовъ, но эксперты эти заявляютъ, что всякая ихъ работа будетъ безрезультатна, безполезна, покуда не будутъ ясны условія, положенія, заданія, которыя должны быть выполнены, иначе работа ихъ останется академическою. И вотъ эта академичность работы и является характерной для всѣхъ трудовъ городского само-

управленія въ области оздоровленія Петербурга, кромѣ, конечно, больничнаго дѣла. Для того, чтобы претворить, для того, чтобы превратить эту работу въ работу реальную, хотя бы и несовершенную, и необходима санкція къ вашему законопроекту, санкція, которою является ст. 25 и послѣдующія его статьи. Если этой санкціи вы не дадите, то работа, конечно, можетъ быть, и будетъ исполнена, но, можетъ быть, и не будетъ исполнена, а, можетъ быть, будетъ замедлена. Быть можетъ, тогда, когда пройдутъ установленные сроки, наступитъ моментъ, когда Правительству придется вносить особый законопроектъ о приведеніи въ исполненіе работы въ принудительномъ порядкѣ, можетъ быть, это произойдетъ въ лѣтній періодъ, когда Государственная Дума не будетъ засѣдать, придется во всякомъ случаѣ проводить этотъ законъ и черезъ Думу, и черезъ Государственный Совѣтъ. Въ результатѣ замедленіе, остановка работъ. То же самое произойдетъ, если будетъ принято пожеланіе о предоставленіи Правительству права роспуска городской думы и призыва другого ея состава. Соотвѣтствуетъ ли такая возможность силѣ и авторитету закона? Можетъ ли законъ, прошедшій черезъ разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, получившій санкцію

Государя Императора, установить лишь новую, кажется, седьмую или восьмую по счету комиссію, снабдить ее всѣми способами и возможностью выполнить дѣло, не обезпечивъ ничѣмъ безусловности его окончанія? Говорятъ, что и на это надо итти въ виду того, что всякое воздѣйствіе Правительства на городъ будетъ опорочивать принципъ самоуправленія. Но такъ ли это? Я думаю, что ничего постыднаго для нашихъ городскихъ дѣятелей нѣтъ въ предвидѣніи возможности, если не воздѣйствія, то, во всякомъ случаѣ, содѣйствія Правительства къ приведѣнію въ исполненіе столь необходимаго предпріятія, какъ канализація и водоснабженіе. Гг., исторія повторяется: Берлинъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія напоминаетъ собою въ большой мѣрѣ въ санитарномъ отношеніи картину настоящаго Петербурга. Тамъ точно такъ же жидкія нечистоты выливались въ открытые канавы и каналы, которые выносили всѣ эти нечистоты въ р. Шпре; твердыя нечистоты почти всѣ (до 90%) оставались въ чертѣ города. Точно такъ же слышались разговоры о невозможности сооруженія канализаціи и въ финансовомъ отношеніи и, главнымъ образомъ, въ техническомъ; говорили, что будутъ обваливаться и обрушиваться дома и т. д., а теперь въ Германіи канализировано 624

города. Да и въ Англіи до 1870 г. прошлаго столѣтія органы городского самоуправленія обнаруживали полную бездѣятельность въ отношеніи улучшенія санитарныхъ условій страны. Съ 30-хъ до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія тамъ шла, какъ теперь у насъ, ожесточенная борьба между сторонниками государственнаго воздѣйствія и между противниками его, доказывавшими, что самая мысль о такомъ воздѣйствіи оскорбительна для идеи самоуправленія. И что же? Въ классической странѣ самоуправленія узаконено начало воздѣйствія. Вамъ извѣстны и англійскій и французскій законопроекты, которые тутъ неоднократно цитировались, но я попрошу васъ вникнуть въ его внутренній, не формальный, а болѣе глубокій смыслъ, и вы поймете, что этотъ законъ не репрессивный, не нарушающій духа англійскаго self government, а законъ глубоко соціальный. Такого рода законъ и долженъ былъ возникнуть въ государствѣ не полицейскомъ, не регулирующемъ дѣйствія всѣхъ и каждаго, а въ государствѣ, преслѣдующемъ задачи широкой соціальной политики, ставящемъ предѣлы свободы отдѣльнаго лица и отдѣльныхъ организацій, когда они нарушаютъ интересы массъ. Но вѣдь, гг., на этомъ же принципѣ зиждется все законодательство объ охранѣ женскаго и дѣт-

ского труда, все законодательство объ общественномъ призрѣніи, все законодательство о фабричной инспекціи. Кому, гг., болѣе всего нужна въ Петербургѣ чистая вода и канализація? Вѣдь не домовладѣльцамъ, которые живутъ въ болѣе или менѣе сносныхъ условіяхъ, не министрамъ, не намъ съ вами, а столичной бѣднотѣ. Я видѣлъ, какъ эта бѣднота безропотно умираетъ въ городскихъ больницахъ, отравленная тѣмъ, что каждому должно быть доступно въ чистомъ видѣ, водой. Я знаю и помню цифру 100.000 смертей отъ холеры въ настоящемъ году; я чувствую боль и стыдъ, когда указываютъ на мою родину, какъ на очагъ распространенія всевозможныхъ инфекцій и болѣзней. Я не хочу, не желаю оставаться долѣе безвольнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ вымиранія низовъ петербургскаго населенія. Я поэтому стою за принятіе закона, который выразилъ бы не только желаніе, но и непреклонную волю законодателей. Я хочу не надѣяться, я хочу навѣрное знать, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, черезъ 15 лѣтъ, въ столицѣ русскаго Царя будетъ наконецъ чистая вода и мы не будемъ гнить въ своихъ собственныхъ нечистотахъ. Я не повѣрю и никто мнѣ не докажетъ, что тутъ необходимо считаться съ чувствомъ какой то де-

ликатности по отношенію къ городскому управленію, что тутъ можетъ существовать опасеніе обидѣть людей или оскорбить идею. Я прошу васъ выразить вашу твердую волю, имѣя въ виду не только Петербургъ, нѣтъ, это необходимо и по отношеніи ко всей Россіи. Я повторю то, что только что говорилъ членъ Государственной Думы Шингаревъ: Россія ежегодно наводняется эпидеміями и болѣзнями изъ Азіи. Есть цѣлый рядъ городовъ, которыя становятся разсадниками, узлами инфекціи, откуда они разносятся по всей Россіи. Окиньте мысленнымъ взоромъ все наше Поволожье, сначало Астрахань, ворота, черезъ которыя къ намъ приходитъ и холера и чума, Астрахань съ ея извѣстнымъ водопроводомъ, вбирающимъ воду на берегу Волги, представляющимъ изъ себя клоаку, наполненную міазмами. Далѣе—Царицынъ съ его оврагами, очагами заразы, изъ которыхъ самый знаменитый Кавказъ, на высокомъ берегу котораго сосредоточено скопленіе всѣхъ отбросовъ—гнѣздо заразы, а внизу, внизу живутъ люди, которыя дышатъ міазмами отъ нечистотъ, сбрасываемыхъ сверху. Въ настоящее время этотъ Кавказъ очищенъ и очищенъ, конечно, пожаромъ. Дальше идетъ Саратовъ съ его не менѣе знаменитымъ Глѣбучевымъ и Бѣлошинскимъ оврагами, по которымъ я немало

походилъ и о которыхъ могъ бы много порасказать. А Самара, нарядная Самара, съ ея извѣстной Веденѣвой ямой, ямой, которая теперь уже не яма, а бугоръ, съ котораго жидкія нечистоты по оврагу стекаютъ въ р. Самару. Казань имѣетъ тоже свои достопримѣчательности въ центрѣ города: ровъ Булакъ и озеро Кабанъ, въ которое точно такъ же сваливаются всѣ казанскія нечистоты. И Правительство все это знаетъ и все это терпитъ? Не только знаетъ, но даже изучило, изучило посредствомъ самыхъ извѣстныхъ научныхъ авторитетовъ, составило планы оздоровленія этихъ городовъ и предъявило даже эти планы къ исполненію городскимъ самоуправленіемъ. Но, гг., если вы теперь отвергнете санкцію къ закону, т. е. ст. 25 и дальнѣйшія, то и эти планы останутся, конечно, такими же прекрасными планами, какъ предначертанія комиссіи сенатора Лихачева, которая въ 1897 г. объѣхала всѣ эти мѣста и въ свое время выработала цѣлый рядъ мѣропріятій по оздоровленію Поволжья. И это произойдетъ не отъ того, чтобы города эти не хотѣли почиститься, наоборотъ, но потому, что это дѣло трудно, потому что оно не сегодня началось, потому что понужденія, какъ это видно будетъ на примѣрѣ Петербурга, на примѣрѣ того законопроекта, который вы теперь разсматриваете

ждать не придется и сверху не будетъ произведено того, чего у насъ вообще недостаетъ въ Россіи: твердой и ясной воли, а такую коллективную непреоборимую волю можетъ проявить, конечно, только законъ. Меня ждетъ еще одно возраженіе: какимъ же образомъ, то, что окажется недостижимымъ для городскихъ самоуправленій, будетъ удачно выполнено чиновниками? (*Голосъ слѣва*: это самое главное). Да, я думаю, просто потому, что государство обладаетъ большими техническими средствами, имѣетъ большій кругъ людей къ своимъ услугамъ. Дѣло, гг., не въ чиновникахъ. Чиновникъ можетъ быть и плохъ, можетъ быть и хорошъ, а я думаю, что чиновникъ часто не меньше, а, можетъ быть, и больше другихъ трудится на пользу и на славу Россіи. И, право, горько и больно слышать, когда рисуютъ по обычному шаблонному трафарету образъ чиновника, стремящагося исключительно захватывать чины, ордена, оклады и лишеннаго всякаго нравственнаго чувства. Но, повторяю, дѣло не въ этомъ. Гораздо трагичнѣе, только что высказанное недовѣріе къ силамъ самого государства. Только что приводились примѣры того, какъ Правительство вооружало себя всевозможными полномочіями и не достигало результатовъ. Но вѣдь дѣло, какъ сказалъ членъ Государственной Думы Шингаревъ,

не въ правахъ мѣстной власти. Дѣло предметъ обсужденія не въ принципѣ смѣщенія правъ администраціи съ правами самоуправленія, который, можетъ быть, и ошибоченъ. Дѣло не въ снабженіи власти въ нормальное время средствами, принадлежащими земству и городскому самоуправленію, тѣмъ болѣе что такихъ свободныхъ средствъ обыкновенно нѣтъ. Но недопустимо думать, что государство не имѣетъ средствъ и возможности выполнять изъяны учрежденій, которымъ отъ самаго государства передовѣрены нѣкоторыя государственныя функціи. Если не вѣрить силамъ государства и силамъ государственности, то тогда, гг., конечно, нельзя ни законодательствовать, ни управлять. *(Голосъ справа*: браво). Ошибочно, гг., точно такъ же подходить къ каждому вопросу, примѣряя его къ существующимъ образцамъ либеральнымъ, реакціоннымъ или консервативнымъ. Наша оппозиція привыкла прикасаться къ каждому правительственному законопроекту особой лакмусовой бумажкой и затѣмъ пристально приглядываться, покраснѣла она или посинѣла. *(Смѣхъ справа)*. Напрасно. Мѣры Правительства могутъ быть только государственными и мѣры эти, мѣры государственныя, могутъ оказаться консервативными, но могутъ быть и глубоко демократичны. Такъ, гг., и въ данномъ случаѣ

Правительство проситъ васъ довести дѣло до конца, Правительство проситъ васъ подчеркнуть неприкосновенность вашего рѣшенія, помятуя, конечно, не о самолюбіи тѣхъ или другихъ дѣятелей, а о простомъ бѣдномъ рабочемъ людѣ, который, живетъ, или скорѣе, гибнетъ въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ и о которомъ подъ названіемъ пролетаріата здѣсь принято вспоминать, главнымъ образомъ, какъ о козырѣ въ политической игрѣ. *(Голоса справа:* да, вѣрно). Вамъ, гг., предстоитъ рѣшить вопросъ не субъективнаго чувства о томъ, органы ли самоуправленія или Правительства достойны большаго сочувствія,—вамъ предстоитъ рѣшить крупный соціальный вопросъ о государственномъ воздѣйствіи на условія существованія экономически-зависимыхъ массъ. Этотъ вопросъ вы можете рѣшить правильно съ одной только точки зрѣнія—съ точки зрѣнія государственной. *(Голоса справа*: браво; *рукоплесканія справа и въ центрѣ)*.

* * *

Гг. члены Государственной Думы. Передъ отъѣздомъ изъ Государственной Думы по экстреннымъ дѣламъ, я всхожу на эту каѳедру не для полемики, а для того, чтобы разсѣять одно, какъ мнѣ кажется, недоразумѣніе. Тутъ въ рѣчахъ лицъ, относящихся

несочувственно къ 25-й и послѣдующимъ статьямъ законопроекта, выражалось мнѣніе, что Правительство и въ моей рѣчи, и въ своемъ представленіи настаиваетъ на необходимости ограничить молодое самоуправленіе и твердо стоитъ на принципѣ вмѣшательства въ дѣло самоуправленія. Въ этомъ именно я и вижу безусловное недоразумѣніе. Если вы вникнете въ смыслъ законопроекта, то вы усмотрите, что вмѣшательство Правительства въ дѣло самоуправленія осуществляется не въ 25-й и послѣдующихъ статьяхъ, а въ первыхъ 24 статьяхъ. А эти первыя 24 статьи уже приняты вами; ими предусматривается организація новой комиссіи, которая не предвидится Городовымъ Положеніемъ. Въ эту комиссію входятъ пять членовъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,—даже не отъ всѣхъ вѣдомствъ, а отъ одного Министерства,—предсѣдатель назначается Высочайшею властью. И въ руки этой комиссіи отдается всѣ дѣло! Слѣдовательно, сама Государственная Дума признала, что не всегда вмѣшательство правительственныхъ органовъ бываетъ вреднымъ, особенно въ такихъ важныхъ предпріятіяхъ, какъ то, которое предстоитъ теперь для оздоровленія столицы. Дальнѣйшее недоразумѣніе заключается въ смѣшеніи, какъ мнѣ кажется, двухъ понятій: понятія Правительства, какъ органа

подчиненнаго, и понятія о государствѣ. Если бы 25-я и послѣдующія статьи были бы вами ампутированы, то, несомнѣнно, вашъ законопроектъ оказался бы незаконченнымъ, не было бы гарантіи той непрерывности работы, которая необходима въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ дѣло оздоровленія столицы; было бы обезпечено, какъ я высказалъ раньше, одно содѣйствіе городскому управленію, но гарантіи непремѣнности обезпеченія населенію столицы возможныхъ жизненныхъ условій, конечно, въ этомъ законѣ уже не было бы. Но по пути обезпеченія этихъ условій самимъ государствомъ пошли всѣ тѣ страны, которыя вѣрятъ въ свою государственность, которыя вѣрятъ, что самоуправленіе—только составная часть управленія государственнаго. Нельзя въ данномъ случаѣ противопоставлять самоуправленіе Правительству и надо предвидѣть и предопредѣлить, что если въ этомъ конкретномъ дѣлѣ самоуправленіе потерпитъ неудачу, то существуетъ нѣчто высшее, опредѣляемое болѣе высокимъ понятіемъ, существуетъ государство, и что государство способно выполнить задачу, не выполненную его органомъ, что населеніе ни въ какомъ случаѣ не останется въ безвыходномъ положеніи. Поэтому я и думаю, что если вы остановитесь на ст. 24, то законопроектъ вашъ останется незаконченнымъ.

Тутъ проявится какое-то противорѣчіе, незаконченность, неполнота закона, и на логической почвѣ останется въ данномъ дѣлѣ одна только оппозиція, которая прямо говоритъ, что она въ современную государственность не вѣритъ, и которая предлагаетъ свой рецептъ, свой выходъ изъ создавшагося положенія—все теперешнее государство, всю государственную пирамиду, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ, сверху внизъ опрокинуть. Но едва ли этому рецепту сочувствуетъ остальная часть Государственной Думы. (*Рукоплесканія справа и въ центрѣ*).